

Л **Ломоносовские чтения. Востоковедение:** Тезисы докладов научной конференции (Москва, 00 апреля 2015 г.) / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки; отв. редакторы И.И. Абылгазиев, М.С. Мейер. — М.: Издательство Московского университета, 2015. — 288 с.

ISBN 978-5-19-011059-3

Анн.

УДК 502.17(47+57); 378; 001.89:378
ББК 20.1; 74.58

ISBN 978-5-19-011059-3

© ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015
© Издательство Московского университета, 2015

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

Вигасин А.А. Царь долгорукий.....	9
Попова Г.С. Категории глав Шу-цзина («Канона записей»)	11
Ульянов М.Ю. Жречество древнего Китая периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): по данным Чуньцю Цзоцжуань («Весны и осени» господина Цзо»).....	13

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

Арешидзе Л.Г. Русская православная церковь в Японии в начале XXI века ..	16
Бектимирова Н.Н. Механизмы партийной мобилизации в Камбодже на современном этапе.....	18
Волчкова Е.В. Образ европейцев в сборнике «Сиян цзаюн» (Разные напевы о Западном океане) коммерсанта и поэта Пань Юду (1755–1820).....	20
Литвинцева Е.Я. М.К. Ганди в истории британской и индийской политической карикатуры первой половины XX века.....	22
Овчинникова Л.В. Корейское сопротивление в 20–40-гг. XX века. По страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства.....	23
Орлов В.В. Парламентские выборы в Марокко (2011 г.) в контексте событий «Арабской весны»	26
Сафронова А.Л. «Разделенные народы» Южной Азии: проблемы тамильской идентичности.....	28
Симонова-Гудзенко Е.К. Изображение Японии в Атласах Абрахама Ортелия (1527–1598).....	31
Тертицкий К.М. Иван Артемьев, китайский переводчик и разведчик (XVII в.)	33
Филимонова А.Л. Перспективы административной реорганизации Пакистана на примере движения за провинцию Хазара.....	35
Фурсов К.А. Сходства и различия земельно-налоговой политики колониальных держав в Новое время	37
Шлыков В.И. Стратегии оппозиции в условиях доминантной партийной системы в Турции.....	39
Шлыков П.В. Социальные медиа в политическом процессе Турции 2000-х гг.	43

Политология

Ахтамзян Н.А. Проблема ИГИЛ в фокусе внешней и внутренней политики Германии	48
Кулешова Н.С. Глобальные проблемы и глобализация современного мира ..	50

Кутовая Е.А. О работе по формированию архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе	54
Пархимович В.Л. Визиты делегаций Верховного Совета СССР в Монголию в 1957 году.....	56
Романова И.А. Российско-японские отношения в условиях санкционной политики, проводимой Западом в отношении России.....	58
Сергеева А.А. Изучение китайского языка: реализация «китайской мечты» или новые возможности для России?	61
Стремовская А.Л. Китайский стиль ведения переговоров	62
Хао Лун. Реформирование системы госслужбы в условиях современного политического развития КНР.....	64
Шапошникова А.А. Президент Республики Индонезия Джоко Видодо: причины победы на выборах 2014 г. политического новичка	66

Языкознание

Акинина О.Г. Признаки имен в арабском языке.....	69
Белоусов С.С. Конструкции со значением опасения и предостережения в иврите.....	71
Берзигиярова М.П. Метод аналогии (<i>qiyās</i>) и уподобления (<i>tašbīh</i>) при анализе числовых форм в «Книге» Сибавайхи.....	73
Бессонова Е.Ю. К проблеме правильного понимания и применения японских пословиц	74
Быкова С.А. Диалектальные формы в речи японских переселенцев в Латинской Америке.....	76
Громова А.В. Инфинитив в диалектах Фарса	78
Гулидова Д.Н. О понятии ‘illa в трактате Ибн Йа’иша « <i>Ṣaḥīḥ al-Mufaṣṣal</i> ».....	80
Захарьин Б.А. Процессы увеличения — уменьшения «тяжести» слога в истории индоарийского.....	82
Зиза М.В. Характерные тенденции словообразования в современном английском языке.....	83
Иванов В.Б. Гилякская просодия	86
Иванова О.А. Сравнения в австрийской авторской сказке (Ф. Тегеттхофф).	88
Кондрашевский С.А. Редупликация как способ выражения категориального значения состояния или интенсивности признака у прилагательного в китайском языке.....	89
Крнета Н. Частицы <i>нэ</i> и <i>са</i> в японском языке, их значения и функции	91
Куручкин В.Г. О новейших глагольных неологизмах японского языка.....	93
Лебедев В.В. О порядке слов в арабской языковой системе (Вопросы теории арабской грамматики).....	95
Махаматов Т.М. Отражение общественно-исторических процессов в эволюции национального языка	97
Музыченко Ю.Ф. Энциклопедия Байду Байкэ: возможности для исследования и преподавания китайского языка	100
Насилов Д.М. О функционально-семантическом статусе глагольных имен на <i>-ta</i> ~ <i>-tak</i> в «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари	102

Нечаева Л.Т. Употребление формы <i>сасэтэ итадаку</i> в современном японском языке.....	104
Порхомовский М.В. Концепт «человек» в турецких пословицах.....	106
Софронов М.В. Черты слоговой просодии древнекитайского языка в трактате «Резной дракон литературной души».....	107
Стругова Е.В. К типологии неизбежных потерь при переводе (на материале японского языка).....	113
Тихонова М.В. Слова, обогатившие немецкий язык (на примере заимствований из арабского, турецкого, японского и китайского языков)	114
Фролова Е.Г. Создание научной терминологии на филиппино.....	117
Хохлова Л.В. Диапазоны распределения свойств эргативности в индоарийских языках Западной Индии	118
Шевлягина Н.В. «A mournful butler» — о проблемах перевода массового английского детектива на примере романа Чарльза Финча «Прекрасная голубая смерть»	121

Литературоведение

Акимущкина Е.О. Образ врача и мотивы врачевания в творчестве Хилали (1470–1529): к эволюции жанра <i>шахрашуб</i> в средневековой персоязычной поэзии	124
Бакланова Е.А. Народные художники Филиппин в истории литературы страны	125
Барабашкин К. Ван Чун (I в. н.э.) о литературном таланте	127
Гурия А.Г. Придуманное время: индийская Древность в поэзии Кунвара Нараяна.....	129
Дрейзис Ю. Исследование возможностей поэтического языка в творчестве Ян Сяобиня (1963–).....	131
Зулумян Б.С. Армянская средневековая лирика. Особенности развития и поэтика.....	132
Кукушкина Е.С. К вопросу о правомерности постановки проблемы постмодернизма применительно к литературе Малайзии.....	134
Никольская С.В. «Мысль семейная» в китайской литературе XX века.....	136
Оганова Е.А. К типологии сюжета «Сказки о царе Салтане...» А.С. Пушкина	138
Осипова К.Т. Высказывания сотрапезников как источник мудрости	141
Полян А.Л. Наивная поэзия искушенных авторов: поэзия еврейского просвещения на идише.....	142
Рамазанов З. Тема предопределения судьбы человека в арабо-мусульманской литературе	144
Рейснер М.Л. Проблема становления средневекового романа в персидской классической литературе	145
Рейснер М.Л. Поэма «Йусуф и Зулейха» Азера Бигдели (XVIII в.) в его антологии «Храм огня» («Атешкаде»).....	147
Репенкова М.М. Лингво-культурологический анализ текста турецкого детектива	149
Сапожникова О. Первая монгольская поэтика «Врата литературы»: традиция и новаторство.....	151

Семененко И.И. Китайская экзегеза как диалогический жанр	152
Семенюк М.В. Изображение «Культурной революции» в романе Ван Аньи («История Дядюшки»)	155
Стрелкова Г.В. Старинный сюжет о Видье и Сундаре сквозь века и страны	157
Утургаури С.Н. Назым Хикмет и Орхан Кемаль	158
Фролова М.В. Грани постмодернизма в современной индонезийской литературе: романы Айю Утами и литературное течение женской прозы <i>састра ванги</i>	160
Шмелева И.Н. Кхмерская версия «Рамаяны» в традиционном театре <i>кхаол</i>	162

Африканистика

Громова Н.В. Перевод русских предлогов	164
Косогорова М.А. Особенности перевода текстов на языке фула: именные группы	166
Кравченко С.Л. Транскрипция эфиопских имен собственных на русский язык	169
Порхомовский В.Я. Перевод Библии на африканские языки: историко-культурный и филологический аспекты	171
Суетина Ю.Г. Особенности перевода материалов СМИ на хауса на русский язык	173
Урб М.Р. Передача реалий при переводе с языка африкаанс на русский язык	175

Экономика стран Азии Африки

Бойцов В.В. Импортзамещение в стратегии и практике хозяйственного развития стран Юго-Восточной Азии	179
Бочарова Л.С. Политика импортзамещения в арабских странах: общее и особенное	180
Гельбрас В. Стратегические черты геоэкономической стратегии Китая	183
Гельбрас В. Две важных вехи во внешнеэкономических связях Китая	184
Мельяницев В.А. Крупные развитые и развивающиеся страны (2000–2014): траектории, пропорции и факторы экономического роста	186
Тимонина И.Л. Политика импортзамещения на этапе реиндустриализации: опыт Японии	187
Фридман Л.А., Алаев Т.М. Аравийские нефтегазовые монархии: 1913–2013 гг.	189

Религия стран Азии и Африки: история и современность

Бочковская А.В. Современные технологии для саморекламы «надконфессиональных» общин (на примере индийской Дера Сача Сауда)	192
Дулина А.М. Роль и место божества Хатиман в учении монаха Нитирэн (1222–1282)	194
Жантиев Д.Р. Суфизм в поздне-османской Сирии: основные структуры и тенденции	195
Запрометова О.М. Метаморфозы Торы: Еврейская экзегеза поздней античности	197

Захарьин А.Б. Православие в Китае в XXI веке	199
Захарьин Б.А. Этика в контексте религиозных представлений в Древней Индии	201
Касумов Р. Алимский корпус Османской Сирии во взаимодействии с иноконфессиональными общинами (XVII — первая треть XIX в.)	203
Копоть Е.М. Православный масон Халиль аль-Хури: проблема историко-графической оценки	204
Люлина А.М. Проблема поиска реинкарнации Далай-ламы XIV	205
Орлов В.В. Ислам как средство интеграции в концепциях арабского самоотождествления	208
Пальников А.М. Активизация деятельности тарикатов в Турции в 1950-е годы	210
Стрелкова Г.В. Трансформация культа непальской Кумари Деви	211
Хохлова Л.В. Проблемы самоидентификации в сикхской общине Индии и в сикхской диаспоре	214
Якушев М.М. Консульская экспедиция Д.В. Дашкова на Святую Землю в 1820 г.	214

Круглый стол на тему: «Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа»

Гаджиев Т.Г. Азербайджан и современные политико-экономические вызовы	217
Гаджиева А.А. Основные этапы истории андалусской грамматической школы	219
Ганич А.А. Проект шиитской мадраса в Тифлисе 1904 г.: краткий источник-овый обзор	221
Зайцев И.В. Документы эпохи Шамиля из Государственного архива Российской Федерации	223
Зулумян Б.С. Армянская средневековая лирика. Особенности развития и поэтика	225
Исмаилова Лейлаханум Гусейн кызы. Отражение характера человека во фразеологизмах азербайджанского языка	227
Кадырбаев А.Ш. Историк и поэт на троне — Мирза Хайдар Дуглат	229
Караев Т.М. Азербайджанские мыслители в европейской ориенталистике ..	232
Кораев Т.К. Каспий на пороге Нового времени: Московская Русь, Сафавидский Иран и узбекские ханства (конец XVI — начало XVII в.)	234
Рахаев Дж.Я. Кабардинские княжества в Восточной политике Московского государства в середине XVI в.	236
Сулейманова Ш.С. Россия и Казахстан в новых геополитических условиях ..	238
Сыздыкова Ж.С. Новая динамика геополитической ситуации в Центральной Азии	240
Чжао Сяоцзя. Особенности архитектуры периода Тимуридов в Средней Азии	242
Хас Керим. Центральная Азия в Концепциях внешней политики РФ	245

Экология культуры Востока

Багратион-Мухранели И.Л. Театр, экология, война. О спектакле Резо Габриадзе «Сталинградская битва»	249
Бессонова Е.Ю. Японская открытка как выражение менталитета в контексте культуры межличностных отношений	253
Врадий С.Ю. Символика освоения пространства (фэншуй) Владивостока на корейской «Карте России» XIX в.	257
Григорович Н.Б. Традиционализм в творчестве композиторов Японии второй половины XX века	257
Ермаков К.В. Социальная сатира в восточной культуре: на примере творчества корейского конфуцианца Чон Дасана (1762–1836).....	258
Зайцев В.Н. Вербальные и аудиовизуальные средства современной информационной войны и их воздействие на культуру	261
Лапина З.Г. Совершенствование человека как смысл его жизни — главная тема в «Лунь юе» (откровение Конфуция)	263
Кириллов А.В. Шелковое платье из Гнездово. Ранние свидетельства торговых и политических связей Руси и Китая. К постановке вопроса.....	266
Клобукова (Голубинская) Н.Ф. Изображения русских музыкальных инструментов в трактате «Канкай Ибун» («Удивительные сведения об окружающих землю морях»)	267
Кудряшова А.В. Новогодние украшения в японском интерьере как отражение традиционной картины мировосприятия японцев	269
Мазурик В.П. Проблемы культурной коммуникации Японии с зарубежными странами.....	272
Машикина О.А. Трансформация системы высшего образования КНР под воздействием традиционных и современных ценностей	272
Ремарчук В.В. Католическая легенда начала XVII в. о пребывании на Руси двух монахов с Филиппинских островов (культурологический аспект)	273
Румак Н.Г. Особенности японского каламбура	275
Садокова А.Р. Принципы и формы сохранения культурной среды («экология культуры») в Японии (на примере г. Кавагоэ префектуры Сайтама).....	278
Семенов И.И. К проблеме изучения китайской герменевтики.....	279
Ульянов М.Ю. О понятии «культурная среда» и особенностях создания письменных произведений в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.)	281
Чжэ Лян. Ислам и минский император Чжу Юаньчжан (1368–1398) по материалам восхваления из ста иероглифов «В честь посвященного Мудрейшего»	284

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

А.А. Вигасин

Д.и.н., проф., зав. кафедрой истории Южной Азии

Царь долгорукий

Царя Артаксеркса, наследника Ксеркса, называли Макрохейр, то есть «Долгорукий». Принято считать, будто так прозвали его греки, но в этом позволительно усомниться. В «Авесте» (Яшт XVII.22) певец восхваляет Заратустру такими словами: «Прекрасен ты, о Спитама, ...с длинными руками». Авестийское *darəga.bāzu* полностью соответствует санскритскому *dirghabāhu* — эпитету, который около 40 раз встречается в «Махабхарате». Он характеризует эпических героев, таких как Арджуна (I.185.19; III.39.2), Бхима (III.119.14), Юдхистхира (I.183.3), Абхиманью (I.213.59), Дрона (V.47.42), Дхритараштра (I.61.78) и др. «Долгорукость» появляется среди других эпитетов, указывающих на воинскую мощь — поэтому вполне уместен перевод Я.В.Василькова «мощнодланый» (VIII.24.160).

Таково и описание Рамы в «Рамаяне» (I.1.9–10): «У него широкие плечи, мощные длани..., могучая грудь, мускулистое тело..., его руки свисают до колен (*ājānubāhu*)». Воины с широкой грудью и длинными могучими руками предстают как воплощение мужской красоты («Махабхарата» VIII. 24.160; XV.32.6 и др.). В палийском каноне («Дигха-никая 7.1.3) говорится о чудесных признаках Будды — в том числе о том, что у него длинные руки: он способен, стоя и не наклоняясь, прикоснуться к своим коленям обеими руками (*thitako va anonamanto ubhohi pāṇitalehi jaṇṇukāni parimasasi parimajjati*).

То же самое мы видим и в позднейших памятниках персидской литературы — так Фирдоуси (Шахнаме IV.9826–28) описывает Бехмена: «Немалою силой к тому ж одарен. Когда во весь рост выпрямлялся Бехмен, то руки его достигали колен». Совпадение древнеиранской и индийской традиций заставляет предполагать, что подобные эпитеты и стоящие за ними представления могут иметь общеарийское происхождение.

А греческое слово *μακρόχειρ*, очевидно, было лишь переводом персидского слова, смысл которого лучше всего передает Корнелий Непот (*De regibus* 1): «Артаксеркса Долгорукого особенно восхваляют за мощную и прекрасную внешность, изумительно украшенную воинской доблестью (*amplissimae pulcherrimaeque corporis formae, quam incredibili ornavit virtute belli*)». Впрочем, эпитет «Длиннорукий» грекам отнюдь не казался похвалой. Страбон (XV.3.21) утверждает, что так называли Дария, и продолжает: «красивейший из людей, за исключением длины рук, которые у него доходили до колен».

Судя по ссылкам у Поллукса (II в.), греческие авторы называли Макрохейром, кроме Артаксеркса I, не только его отца Ксеркса и деда Дария, но и Артаксеркса Оха. И, возможно, дело не в ошибке кого-то из этих писателей, а в том, что «долгорукость» была частью иранского идеала царя, а потому эпитет мог прилагаться к различным правителям династии Ахеменидов (как в «Махабхарате» — к целому ряду эпических героев).

В античной литературе слово обычно подвергалось рационалистическому переосмыслению. В биографии Артаксеркса (1) Плутарх объясняет прозвище тем, что у царя будто бы одна рука была длиннее другой (то же *Moralia* 173; Аммиан Марцеллин XXX.8.4). По мнению же Поллукса, составителя «Ономастикона» (II.150–151), слово «долгорукий» могло бы указывать и на то, как далеко распространилась власть персидских царей. Последнее истолкование связано было с тем, что греческое *χείρ* («рука») прочно ассоциировалось с властью.

Еще более отчетливо эта связь в латыни. Когда Овидий в «Героинях» (XVII.166) говорит: «разве не знаешь ты, что у царей длинные руки (*ac nescis longas regibus esse manus*)», он имеет в виду отнюдь не внешний облик правителей, а их способность контролировать ситуацию издалека. Слово *longimanus* осталось чуждо латыни, оно и фигурирует лишь в качестве перевода греч. *Μακρόχειρ* (последнее у Корнелия Непота передано в транслитерации — *Macrochir*).

И появляется оно лишь в эпоху поздней империи (в комментариях Иеронима). Как известно, у римских юристов *manus* означает власть (прежде всего, внутрисемейную, но также и хозяина над рабами). Для индоарийского мира такая ассоциация менее значима, и соответствующее значение не отражено в санскритских словарях. Один случай, впрочем, можно отметить: в «Артхашастре» (III.2.24) о женщине, освободившейся от опеки родственников,

говорится *jñāti hastādabhimṛṣṭā*. Но «опека» здесь выражена другим словом, означающим «руку» — не *bāhu*, а *hasta*.

Видимо, из греческой традиции терминология «руки» как «власти» перешла и в славянскую (*прѣда ихъ в руку Исусу* = *ἐν χειρὶ Ἰησοῦ*). Переводом с греческого *μακρόχειρ*, несомненно, является прозвание ростово-суздальского князя Георгия (Юрия Долгорукого), которому приписывается основание Москвы. Артаксеркс Долгорукий был фигурой значимой для христианских авторов — его считали тем самым царем, о котором повествует библейская «Книга Эсфирь». Из каких-то переводных сочинений (Хроника Георгия Мниха?) на Русь и попал царский эпитет, имеющий такую долгую и непростую историю.

Г.С. Попова

Институт востоковедения РАН

Категории глав Шу-цзина («Канона записей»)

Шу-цзин 書經 — один из древнейших письменных памятников доконфуцианского периода, тексты глав которого были сформированы и записаны, по нашему мнению, в VII–VI вв. до н.э. Он состоит из 4-х частей: 1) *Юй шу* («Записи Юй»), 2) *Ся шу* («Записи Ся»), 3) *Шан шу* («Записи Шан») и 4) *Чжоу шу* («Записи Чжоу»). Конкретнее, основной массив (части 2–4) мог быть записан в VII в. до н.э., все главы 1-й части могли быть добавлены позднее, в VI в. до н.э. Впоследствии во II в. до н.э. *Шу-цзин* был включен в состав конфуцианского «Пятиканония» (*У-цзин*).

Большую часть глав *Шу-цзина* составляют речи, произнесенные правителями перед войском или народом, монологи правителей или их помощников, а также диалоги между ними. Во многих случаях в заголовки глав входят определенные понятия: *дянь* 典 — «установления», *мо* 謨 — «рассуждения», *гао* 誥 — «обращения», *мин* 命 — «повеления», *ши* 誓 — «речи», *сюнь* 訓 — «наставления». Возникает вопрос, можно ли считать, что эти понятия являются типологизирующими, то есть относящими текст к какой-либо конкретной категории?

На основании рассмотрения содержания глав и упомянутых в них обстоятельств произнесения монологов или диалогов попытаемся выявить ряд наиболее массовых устойчивых характеристик каждой из выделяемых категорий текстов, и выясним, все ли

главы, объединенные одним общим названием, составляют одну категорию текстов.

На наш взгляд, их наиболее типичное содержательная составляющая такова:

1) *Дянь* («установления») — описание действий мифических правителей предков-ди Яо и Шуня, направленных на установление системы управления государством, а также их диалоги с советниками (мифическими персонажами), относительно назначения помощников правителя и принципов управления государством. К этой категории относятся главы 1.1 *Яо дянь* и 1.2 *Шунь дянь*.

2) *Мо* («рассуждения») — высказывания предка-ди [Шуня] и его помощников относительно управления государством, оформленные как диалоги. К этой категории относятся главы 1.3 *Да Юй мо*, 1.4 *Гао яо мо*, 1.5 *И цзи*, содержащие высказывания предка-ди [Шуня], Юя, Гао-яо, И, Хоу-цзи и Куя.

Дянь и *мо* характерны только для первой части.

3) *Гао* («обращение») — речь правителя или одного из его помощников к приближенным или народу с целью разъяснения или оправдания действий правителя на основании приводимых исторических примеров. К этой категории относятся главы: 3.2 *Чжун хуй чжи гао*, 3.3 *Тан гао*, 3.7 *Пань-гэн*, 4.3 *У чэн*, 4.14 *До ши*, 4.18 *До фан*. К этой категории не относятся главы: 4.7 *Да гао*, 4.9 *Кан гао*, 4.10 *Цзю гао*, 4.12 *Чжао гао*, 4.13 *Ло гао*, 4.23 *Кан ван чжи гао*.

4) *Мин* («повеление») — речь правителя, содержащая повеление о назначении на должность, либо о дальнейшем исполнении уже занимаемой должности, с наставлением в управлении. Все главы этой категории сосредоточены в чжоуской части: 4.8 *Вэй цзы чжи мин*, 4.17 *Цай чжун чжи мин*, 4.21 *Цзюнь чэнь*, 4.23 *Кан ван чжи гао*, 4.24 *Би мин*, 4.25 *Цзюнь я*, 4.26 *Цзюнь мин*, 4.28 *Вэнь хоу чжи мин*. К этой категории не относятся главы: 3.8 *Юэ мин* и 4.22 *Гу мин*.

Гао и *мин* только в 3 и 4 частях.

5) *Ши* («речь») — речи, произносимые правителем перед сражением. Обычно содержат перечисление преступлений противника, указания относительно поведения в бою, а также сведения о наградах и наказаниях за действия в сражении. К этой категории относятся главы: 2.2 *Гань ши*, 2.4 *Инь чжэн*, 3.1 *Тан ши*, 4.1 *Тай ши*, 4.2 *Му ши*, 4.7 *Да гао*, 4.29 *Би ши*. К этой категории не относится глава 4.30 *Цинь ши*.

6) *Сюнь* («наставление») — речи, содержащие наставления в поведении или управлении государством, исходящие от правителя или его приближенных и адресованные правителю, приближенным или подданным. Как правило, имеют форму монолога и содержат исторические примеры. Наставления составляют самую многочисленную группу глав: 2.3 *У цзы чжи гэ*, 3.4 *И сюнь*, 3.5 *Тай-цзя*, 3.6 *Сянь ю и дэ*, 3.8 *Юэ мин*, 3.9 *Гао-цзун син жи*, 3.10 *Си-бо кань ли*, 4.4 *Хун фань*, 4.5 *Люй ао*, 4.9 *Кан гао*, 4.10 *Цзю гао*, 4.11 *Цзы цай*, 4.12 *Чжао гао*, 4.13 *Ло гао*, 4.15 *У и*, 4.16 *Цзюнь ши*, 4.19 *Ли чжэн*, 4.20 *Чжоу гуань*, 4.27 *Люй син*.

А ши и *сюнь* встречаются во 2, 3 и 4 частях.

Одна глава стоит особняком, а еще четыре составляют единичные группы:

1) Географическое описание: 2.1 *Юй гун*.

2) Размышления о судьбе государства: 3.11 *Вэй цзы*, 4.30 *Цинь ши*.

3) Перечисление событий и действий вана и приближенных 4.6 *Цзинь тэн*, 4.22 *Гу мин*.

Было установлено, что не все главы строго соотносятся с категорией текстов, указанными в их заголовках. Так по содержанию к категории *гао* нельзя отнести главы 4.7. *Да гао*, 4.9. *Кан гао*, 4.10 *Цзю гао*, 4.12 *Чжао гао*, 4.13 *Ло гао*, 4.23 *Кан ван чжи гао*. К группе *мин* не относятся главы 3.8 *Юэ мин* и 4.22 *Гу мин*. А к категории *ши* не может быть причислена глава 4.30 *Цинь ши*.

М.Ю. Ульянов

Жречество древнего Китая периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.):

по данным Чуньцю Цзочжуань («Весны и осени» господина Цзо»)

Основные задачи жречества — отправление священнодействий во имя поддержания всеобщего благополучия и обеспечения сакральной коммуникации правителя с предками, Небом и производящими силами природы, а также мантика и консультации при организации церемоний. Мышление жречества носило мифический (мифо-ритуальный и мифо-поэтический) характер. Выделим три категории.

1. Столичное жречество. Священнослужители, которые являлись представителями храмовой культурной среды, были связаны с религиозной жизнью двора правителей царств. Это старшие жрецы *чжу*祝 (также *чжуши*祝史) — организовывали религиозные церемонии, совершали жертвоприношения, произносили молитвы; священнослужители поминальных храмов *цзун*宗 (также *чжуцзун*祝宗, *цзунбо*宗伯, *цзунжэнь*宗人) — осуществляли различные священнодействия, включая жертвоприношения; гадатели с помощью панцирей черепах *бу*卜 (главный гадатель *бучжэн*卜正, гадатель *бужэнь*卜人) — совершали гадания и интерпретировали их результаты; жрецы-интерпретаторы гаданий с помощью тысячелистника *ши*史 — интерпретировали результаты гаданий, произносили молитвы во время священнодействий, составляли и декламировали литургические тексты прозаического характера (*шу*書 «писания»). Их следует отличать от *даши*大史, которые выполняя функции историографов-анналистов и будучи связанными и с жречеством, и с двором, составляли отдельную категорию служащих.

2. Слепые жрецы-музыканты категории *гу*瞽. Это жрецы-музыканты *ши*師 (также выделяли *даши*大師 «старшие жрецы-музыканты *ши*») — исполнители официальных государственных мелодий (*цюй*曲) и песен (*гэ*歌); слепые без зрачков *соу*瞶; слепые со зрачками (но с бельмом) *мэн*瞶. Особняком стоят исполнители музыки *юэ*樂 (игра на барабанах).

3. Жрецы локальных культов *у*巫. В *Го юй* («Речи [царства] Чу», 2), уточняется, что в царстве Средней Янцзы Чу *у* — это женщины, а мужчины назывались *си*覡. В *Цзо чжуань* упомянуты только *у*, их половая принадлежность не уточняется. Они вступали в общение с духами, которые, по представлениям того времени, могли вселяться в их тело и говорить их устами. Возможно, *у* — это общее название отдельной категории священнослужителей. Например, в источниках упоминается *шэнь* у神巫.

4. Рассмотрим частоту упоминаний жрецов и историографов *даши* различных царств в *Чуньцю Цзочжуань*.

Реалии, связанные со жречеством, относятся в основном к государствам бассейна Хуанхэ — предков современных этнических китайцев (*хуася*). Из южных упомянуты царство Чу, царство Суй, расположенное на севере Средней Янцзы и подвластное Чу. А также царства Сун и Чэнь, лежавшие на стыке между севером и югом в бассейне р. Хуайхэ.

	Цзинь	Лу	Ци	Вэй	Чжэн	Чжоу	Восточное Го	Чу	Сун	Чэнь	Чжу	Суй	Вообще	Всего
Жрецы <i>чжу</i>	3	2	2	2	1		1		1	1		1		14
Жрецы <i>цзун</i>	1	4		1	1		1		1					9
Жрецы <i>бу</i>	10	3	2	2	1	1		2						21
Жрецы <i>ши</i> 史	19	1	2		1	2	1				1		1	28
Историографы <i>даши</i>	4	4	2		2	1								13
Жрецы <i>гу</i>	1												1	2
Жрецы <i>ши</i> 師	6			1										7
Жрецы <i>у</i>	2	1	1					1						5
Всего	46	15	9	6	6	4	3	3	2	1	1	1	2	99

Наибольшее внимание в памятнике уделено жрецам *ши* 史 (28) и *бу* (21); старшие жрецы *чжуши* — 14, историографы *даши* — 13, *цзун* — 9, жрецы *ши* 師 — 7, *у* — 5, а *гу* — 2. Больше всего случаев упоминания жрецов приходится на царство Цзинь (46; 46,4%). Значительно меньше упоминаний жрецов царств Лу (15), Ци (9), Вэй (6) и Чжэн (6). Остальные носят единичный характер. Это указывает на то, что в *Цзочжуань* в значительной степени отражены реалии характерные для царства Цзинь, а большое число упоминаний именно цзиньских *ши* (19 раз, 67,9%) этого царства, свидетельствует и об их особом положении в нем.

Л.Г. Арешидзе

Русская православная церковь в Японии в начале XXI века

Русская православная церковь (РПЦ) традиционно стремилась расширить свое влияние и укрепить позиции в Японии, в соседней стране и геополитическом конкуренте России на Дальнем Востоке. Однако успехи РПЦ на японском направлении оказались более, чем скромными.

Сегодня, спустя десятилетия после того, как власти официально сняли запрет на отправление христианских культов (Статья 20 Конституции Японии 1947 года прямо гласит о том, что «свобода религии гарантируется для всех. Ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью»), число христиан в Японии лишь немногим превышает 1% от общей численности населения, из них на долю православных верующих приходится ничтожная величина — они не превышают 0,03% общей численности населения.

И, тем не менее, можно ли утверждать, что христианство в целом, и православие, в частности, не оказали никакого влияния на культуру, образование и религиозную жизнь японского общества: ведь все-таки на начало XXI в. в Японии действовало свыше 9 тысяч христианских общин, в которых было зарегистрировано около 1,5 млн верующих. Что касается православия, то в настоящее время в Японии функционирует 3 епархии и 150 православных приходов. Все православное духовенство — это священники японского происхождения, которые получили свое образование в православной духовной семинарии в Токио. Кроме того, нельзя забывать, что в период с 1945 г. по 1970 г. японская православная церковь находилась под юрисдикцией Американской Митрополии. Только в 1971 г. Московский патриархат предоставил Православной Церкви в Америке автокефалию. Последняя возвратила Японскую Православную Церковь под юрисдикцию Москвы, а Москва, в свою очередь, объявила Японскую Церковь — автономной.

Православная Церковь в Японии — это часть общества, поэтому многие церковные старосты являются уважаемыми гражданами и лидерами в своей округе. И не только с единоверцами, но и со всеми жителями своего района, они делятся всем тем, что имеют сами. Православные добровольцы едут в зоны бедствий со всей страны, погрузив в свои автомобили продукты питания, канистры с бензином, и раздавая их всем нуждающимся без разбора. И это тоже очень по-японски.

Руководство современной РПЦ продолжает славные традиции Николая Касаткина по укреплению позиций православия в Японии, по духовному сближению народов России и Японии. 14 сентября 2012 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил Японию с официальным визитом. Визит был приурочен к столетию преставления святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского, которое отмечалось в 2012 году.

В аэропорту города Хакодате, куда прибыла делегация Русской Православной Церкви, ее встречали митрополит Токийский и всей Японии Даниил, архиепископ Сэндайский Серафим, духовенство Японской Автономной Православной Церкви, настоятель подворья Русской Православной Церкви в Токио протоиерей Николай Кацюбан, Посол Российской Федерации в Японии Е.В. Афанасьев, генеральный консул России в Саппоро В.И. Саплин.

Святейшего Патриарха тепло приветствовал мэр Хакодате Тосики Кудо. Обращаясь к мэру, Предстоятель Русской Православной Церкви напомнил о подвигах святого равноапостольного Николая на японской земле, который сумел по-настоящему понять и полюбить японский народ. Святейший Патриарх отметил важность наследия святого Николая в деле укрепления отношений между народами Руси и Японии.

Мэр города Хакодате Тосики Кудо отметил важность роли, которую играет Православная Церковь в развитии дружеских отношений между народами двух стран. Отвечая на вопросы собравшихся в аэропорту представителей СМИ, Святейший Патриарх Кирилл вновь обратился к апостольским подвигам святителя Николая Японского. За пятьдесят лет служения в Японии святитель основал православную общину, которая к концу его земной жизни насчитывала более 30 тыс. членов. «Одна из причин успеха миссии святителя Николая, — отметил Святейший Патриарх Кирилл, — это подлинное отождествление себя с культурой того

народа, которому он проповедовал. Он полюбил Японию и народ этой страны, и японцы, почувствовав его искренность, ответили ему взаимной любовью. Сегодня мы радуемся тому, что Японская Православная Церковь, получившая права автономии от Русской Православной Церкви, продолжает свое служение».

18 сентября в завершающий день визита Предстоятель Русской Православной Церкви встретился с Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Японии Е.В. Афанасьевым. По благословению Святейшего Патриарха Кирилла председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион вручил церковные награды ряду сотрудников российского Посольства, содействовавшим в подготовке визита Его Святейшества и оказывающим помощь Японской Автономной Православной Церкви.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл также наградил ряд православных мирян, принявших участие в переводе на японский язык и издании его книги «Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности», а также книги А.А. Хлопецкого «И вечный бой...».

В этот же день состоялась встреча Святейшего Владыки с Премьер-министром Японии Ёсихико Нода.

В завершение визита Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл встретился с Императором Японии Акихито, что свидетельствовало о большом значении, которое японская сторона придала данному визиту в развитии японо-российских отношений.

Н.Н. Бектимирова

Механизмы партийной мобилизации в Камбодже на современном этапе

С начала 1990-х годов в Камбодже существует многопартийная система, которая рассматривается политическими элитами страны, как важнейший показатель процесса демократизации. Хотя, в ходе последних двух электоральных циклов участвовало около 10 партий, реальная политическая борьба в стране ведется между двумя политическими партиями — правящей — Народной партией Камбоджи (НПК) во главе с премьер-министром Хун Сенем, и оп-

позиционной Кхмерской партией национального спасения (КПНС) во главе с лидером парламентского меньшинства Сам Рэнси.

Важнейшим фактором консолидации власти НПК являлось создание разветвленной сети неформальных патронажных отношений, традиционно являвшихся важнейшим структурообразующим элементом камбоджийского общества. В начале 2000-х гг. патронажные отношения видоизменились и усложнились, превратившись в сетевые кластеры, которые тесно увязывали государственный аппарат с силовыми структурами и бизнес-сообществом. В этот же период НПК структурировали систему «массового» патронажа, создав общественные структуры (кром кангеа тьох мулотхан), которые бы внедряли на местах в сельской местности систему патронажных отношений и постоянно ее воспроизводили. Это позволяло НПК превратиться в политического гегемона и удерживать влияние среди широких слоев сельского электората, которые устойчиво сохраняют приверженность патерналистским взглядам на власть и оценивают лидера по его возможности осуществлять политический патронаж.

Оппозиционная Кхмерская партия национального спасения партия, не обладая соответствующими финансовыми и административными возможностями для создания эффективной системы патронажа, использует другие методы политической мобилизации, которые в основном рассчитаны на городскую среду, где в силу целого ряда объективных причин, многие социальные группы (к примеру, наемные рабочие, студенчество) выпадают из системы «массового» клиентеллизма.

Главным мобилизационным козырем всех избирательных кампаний КПНС является националистическая риторика, находящая широкий отклик у различных слоев городской молодежи, интеллигенции, а также представителей эмигрантских кругов, оказывающих существенную финансовую поддержку партии. Критические настроения среди горожан КПНС старается направить в традиционное для кхмеров русло — поиск врага, в качестве которого выбрано вьетнамское этническое меньшинство. Утверждения, что «все больше вьетнамцев приходят и грабят земли кхмеров, ловят рыбу кхмеров, вырубает леса кхмеров и занимают рабочие места кхмеров», а также призывы «выгнать вон из страны вьетнамцев» в разных вариациях повторяются во всех избирательных кампаниях КПНС.

Мощнейшим мобилизационным козырем КПНС также является экономический популизм, который содержит крайне привлекательные для городского избирателя обещания существенного повышения уровня жизни. Однако большинство из данных обещаний, как правило, не содержат серьезной экономической проработки и трудно выполнимы в случае прихода КПНС к власти.

Важным фактором, облегчающим оппозиции осуществлять мобилизацию в обход патронажу становятся мощное использование в городской среде интернета и социальных сетей, которые разрушают монополию власти на информацию.

Е.В. Волчкова

Образ европейцев в сборнике «Сиян цзаюн» (Разные напевы о Западном океане) коммерсанта и поэта Пань Юду (1755–1820)

На рубеже XVIII–XIX вв., за полвека до исторического «открытия» Китая для Западного мира, интеллектуальный интерес китайцев к европейцам был весьма ограничен. Одним из немногих образцов их литературного изображения могут служить стихотворные описания нравов и обычаев иноземцев, ставшие популярными в образованных кругах Южного Китая. Среди них отдельный интерес представляет поэтический сборник «Сиян цзаюн» (Разные напевы о Западном океане) — главным образом, благодаря личности его автора — одного из самых успешных коммерсантов Гуанчжоу Пань Юду (в западных текстах — Панквиква II).

Пань Юду унаследовал от отца богатейшее состояние, процветающий семейный торговый дом и позицию главы торговой корпорации *гунхан*, имевшей монополию на торговлю со странами Запада. Он участвовал в разрешении множества деловых споров, а также правовых конфликтов между западными торговцами и китайскими властями, и в этом качестве упоминается практически всеми западными мемуаристами, побывавшими на рубеже XVIII–XIX вв. в Гуанчжоу.

Текст «Сиян цзаюн», скорее всего, был написан в 1812 г., когда Пань Юду отошел от дел; он содержит 20 семисловных четверостиший жанра *чжучжи цы* («бамбуковые ветви» — бытописатель-

ная поэзия, близкая к народным песням), которые сопровождаются авторским комментарием.

Можно сказать, что «Сиян цзаюн» в каком-то смысле стал для Пань Юду подведением итогов длительного общения с иностранцами. Он отмечает такие нравственные ценности европейцев, как честность и лояльность в ведении дел, гостеприимство, женская верность, братская преданность, особенное значение, придаваемое дружбе, забота в отношении попавших в затруднительную ситуацию на чужбине земляков, щедрость по отношению к бедным. При этом его удивляет ряд непонятных с точки зрения китайцев обычаев — поздние браки, моногамия, составление письменного завещания и выделение доли имущества друзьям, рукопожатия и объятия как выражение братских и дружеских чувств, грубое, с точки зрения автора, веселье при праздновании Нового года, обычай дуэли — легализованного убийства врага. Часть стихотворений представляет собой этнографическую зарисовку быта иностранцев в Макао и Гуанчжоу — корабли на рейде, чернокожие гребцы на лодках, христианские праздники, прием гостей и деловых партнеров, прогулки вдоль берега реки. Большой интерес автора вызывают впечатлившие его иностранные технические новшества — одно из самых лиричных стихотворений посвящено наблюдению луны в телескоп. Закрывается сборник текстом о Наполеоновских войнах, затронувших и Макао, а также повлиявших на деловые интересы семьи Пань.

В отличие от многих других авторов подобных сборников, Пань Юду не был стеснен языковым барьером (хотя и общался с европейскими деловыми партнерами на пиджине). Вероятно, это позволило ему не ограничиться этнографической информацией, а предпринять попытку психологической характеристики европейцев. Текст «Сиян цзаюн» позволяет понять английских мемуаристов, описывавших Пань Юду как человека, живо интересовавшегося Западом: радушного хозяина, предоставившего свой великолепный сад для прогулок европейцев и сервировавшего деловые завтраки на западный манер; коллекционера западных географических карт, корреспондента британского Королевского ботанического общества и члена Массачусетского сельскохозяйственного общества; в меньшей степени понятно мнение, сложившееся о Пань Юду у встречавшегося с ним в 1806 г. И.Ф. Крузенштерна, охарактеризовавшего его как «человека малоумного, тщеславного и ненавидящего всякого европейца».

Е.Я. Литвинцева

**М.К. Ганди в истории британской
и индийской политической карикатуры
первой половины XX века**

М.К. Ганди, будучи публичным политиком, на протяжении всей своей политической деятельности являлся объектом пристального внимания карикатуристов. Сам Ганди, в свою очередь, внимательно следил за карикатурами в британских, а затем и индийских изданиях, видя в них возможность «понять мышление» британцев и «увидеть, какие беспокойства существуют в индийском обществе».

В 1903 году Ганди, находящейся в Южной Африке, начал издавать еженедельную газету *Indian Opinion*. Газета быстро набирала популярность и ко второму году своего существования имела уже 887 подписчиков. Помимо материалов на злободневные темы Ганди публиковал в *Indian Opinion* копии карикатур, появлявшихся в британских изданиях и в частности в знаменитом журнале «Панч», выходившем в Лондоне с 1841 года. «Панч» часто печатал карикатуры, связанные с такими волнующими Ганди вопросами, как сатьяграха, проблема взаимоотношения колоний и метрополии, противостояние западной и восточной цивилизаций. Каждую карикатуру Ганди сопровождал своим подробным комментарием.

Просмотр карикатур и последующий анализ изображения должен был, по его мысли, способствовать выработке у индийцев критического мышления, а значит побуждать их борьбе за свои права. Так, одной из карикатур, призванной, по мысли Ганди, затронуть сердца читателей, стал «Марш цивилизации» Джона Кэмбелла, опубликованный в британской газете *The New Age* 6 января 2010 года и появившийся в *Indian Opinion* 2 апреля 1910 года. Картинка изображала человека с обезображенным жестокостью лицом, с сигаретой во рту и оружием в руках. В своем комментарии Ганди отметил «... западная цивилизация столь же жестока, а возможно, еще более жестока, чем ужасное выражение лица человека на этой карикатуре», противопоставляя ожесточившемуся человеку Запада индийского сатьяграхи, борца за истину.

Одной из карикатур, вызвавших наибольший резонанс среди южноафриканских индийцев, стала работа «Паровой каток

и слон», опубликованная в *Indian Opinion* 11 января 1908 года. Оригинал вышел незадолго до этого в *The Sunday Times* под названием «Индийское сообщество». На карикатуре был изображен сидящий в изнеможении слон, в который упирался паровой каток. Ганди отметил эту работу как «наиболее точно передающую логику колонизаторов».

В 1931 году Ганди приехал в Лондон для участия во второй конференции «круглого стола», на которой должен был обсуждаться вопрос о статусе Индии в составе Британской империи. Среди гостей, приглашенных на конференцию, был известнейший британский карикатурист Дэвид Лоу, который живо интересовался индийской проблематикой и посвятил ей множество своих работ. Лично познакомившись с Ганди, Лоу создал целую серию карикатур, на которых «маленький худой человек в очках и с прялкой» стал центральным персонажем.

В 1930-х годах внимание Ганди все больше привлекали карикатуры, публиковавшиеся в индийских газетах, а именно — работы К. Пилала Шанкара. Шанкар, штатный карикатурист *The Hindustan Times*, в своих работах нередко критиковал Ганди и политику Индийского национального конгресса, ведущей индийской партии, членом которой Ганди какое-то время являлся. За одно из таких «неприятных изображений» Ганди сделал Шанкару строгий выговор.

Ганди-комментатор карикатур и Ганди, оценивающий карикатуры на себя самого, нередко противоречили друг другу в своих высказываниях. Однако внимание политика к жанру политической карикатуры сохранялось неизменным.

Л.В. Овчинникова

**Корейское сопротивление в 20–40-е гг. XX века.
По страницам служебных изданий японского
генерал-губернаторства**

Этой весной мы отмечаем 70-летие нашей победы во Второй мировой войне. В связи с этим уместно напомнить о том, что движение сопротивления в Корее было одним из факторов победы над милитаристской Японией. Тема борьбы корейского народа за независимость в период конца 20-х — начала 40-х гг. освещалась в трудах отечественных востоковедов. Но наряду с объективными оценками и суждениями в них немало спорного, требующего

переосмысления. Источниковедческая база исследований по данному периоду представляется недостаточной, и поиск новых источников приобретает большое значение.

Таковыми источниками можно считать служебные и секретные материалы и документы, выпущенные японским генерал-губернаторством в Сеуле на японском языке, в частности, издания японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Они словно зеркало раскрывают как деятельность японских властей в Корее, так и положение дел в стране, развитие антияпонских настроений и выступлений.

Служебные японские издания позволяют выделить следующие блоки вопросов и обозначить основные этапы корейского сопротивления:

I. (1919–1925) Подъем корейской освободительной борьбы в начале новейшего периода истории. Выступление 1919 года. Зарождение и развитие социалистического движения в Корее, его зарубежный период.

II. (1925–1928). Потенции и зачатки единого фронта патриотических сил Кореи. Июньская демонстрация 1926 г. Образование общества «Синганхве». Образование КПК.

III. (1929–1935) Левосектантский курс мирового освободительного движения в конце 20-х — начале 30-х гг. VI Конгресс Коминтерна. Ультралевизна и сектанство в борьбе корейских патриотов, их трагические последствия и уроки. Роспуск «Синганхве».

IV. (1935–1939) Изменение тактики корейского освободительного движения накануне и после VII Конгресса Коминтерна. Патриотическое подполье в стране. Борьба корейских партизан в Маньчжурии.

Как же излагают и трактуют источники события каждого из намеченных этапов? Источники свидетельствуют, что к началу новейшего периода истории в Корее сложились условия для подъема народной борьбы за освобождения. Они раскрывают степень нищеты, бесправия и протеста широких слоев населения в обстановке «сабельного режима». Японские издания приводят сведения о 20-х — первой половине 30-х гг. — этой драматической полосы корейского освободительного движения. Она, с одной стороны, была связана с усилением милитаризации Японии, с ее подготовкой к «большой» войне и с ужесточением карательных акций в отношении антиколониальных и антивоенных сил Кореи. С другой стороны, с преобладанием крайней левизны, сектанства в леворадикальном крыле этих сил, в его стратегии

и тактике соответственно установкам VI Конгресса Коминтерна. Нарастала бескомпромиссность, отход от первоочередных национально-освободительных задач, отказ от попыток создать единый национальный фронт. Но несмотря на многочисленные жертвы, подполье продолжало функционировать. Много интересных сведений содержат исследуемые издания и о второй половине 30-х — начале 40-х гг. Подготовка Японии к войне с Китаем и ее развязывание усилили ее бдительность в колонии, еще более ужесточили репрессии. Но одновременно с этим в левом лагере освободительного движения стали проявляться симптомы постепенного «выздоровления», что было в немалой степени связано с решениями VII Конгресса Коминтерна. Источники приводят интересные сведения о борьбе корейских партизан в Маньчжурии. Как известно, северокорейская историография роль ее завышала; она характеризовалась как главный поток корейского освободительного движения. Недооценивались масштабы и значение патриотического подполья непосредственно в стране. Японская полиция бдительно следила за связями корейского подполья с партизанами в Маньчжурии. Руководители и актив корейских партизан являлись членами Компартии Китая, следовали ее установкам, но при этом они преследовали и свои, корейские национальные интересы. Полицейские издания приводят сведения о личности и роли в освободительной борьбе Ким Ир Сена. Он являлся активным участником корейского сопротивления в 30-е гг., но отнюдь не руководителем общенационального масштаба, не идеологом, не героем. Не участвовал он непосредственно и в операциях по освобождению Кореи Советской Армией от японского колониализма осенью 1945 г.

Серьезно помогают эти материалы и анализу методов управления и контроля в колонии, подавления японскими властями корейского сопротивления. Они позволяют сделать вывод об умелой маневренности и гибкости, о продуманности и многообразии этих методов. Хотя во все периоды главным средством подавления корейского сопротивления являлся террор, этой цели служила и мощная идеологическая система. В своей колониальной политике Япония достигла определенных успехов. Мы видим это даже при сравнении антияпонских настроений и выступлений рассматриваемого двадцатилетия. Так во время выступления 1919 г., а также июньской демонстрации 1926 г., Вонсанского движения главными лозунгами были освобождение от японского господства. Однако с середины 30-х гг. ситуация меня-

ется. Японские закрытые издания приводят огромное количество материалов о стачках, арендных конфликтах, которые не имели национально-освободительной направленности и выдвигали на первый план проблемы социального протеста против японских и корейских капиталистов. Во второй половине 30-х гг. и в начале 40-х гг. в значительной степени из-за разумной политики колониальных властей всё сопротивление ушло за пределы страны.

Список исследуемых закрытых изданий японского генерал-губернаторства

1. Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время («Сайкин-ни окэру тё:сэндзиан дзё:кё:»). Сеул, 1939.
2. Вестниках идеологии («Сисо: ихо:»). Выпуски 1934 г. № 12; 1936 г. № 6; 1937 г. № 11; 1938 г. № 14 и 16.
3. Корейская полиция («Тё:сэн кэйсацу»). Сеул, 1938.
4. Словарь тайной полиции («Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн»). Сеул, 1935.

В.В. Орлов

**Парламентские выборы в Марокко (2011 г.)
в контексте событий «Арабской весны»**

В отличие от других североафриканских стран (в первую очередь, Египта, Ливии и Туниса) Марокко не было непосредственно затронуту кризисными событиями «Арабской весны». Тем не менее волна антиправительственных выступлений в Тунисе уже в феврале 2011 г. привела к возникновению в Марокко «Движения 20 февраля». Его название отражало дату первого массового выступления «Движения» за демократизацию политической сферы и ограничение властных полномочий марокканского монарха. «Движение 20 февраля» зародилось как молодежная структура, активисты которой первоначально действовали в среде социальных сетей. Важными требованиями первых манифестаций «Движения» были пересмотр конституции Марокко, усиление народного представительства во власти и избрание на демократических началах нового парламента страны.

Реагируя на угрозу массовых протестных действий, король Мухаммад VI уже 9 марта 2011 г. выступил с телевизионным обращением к нации, где объявил о необходимости пересмотра Конституции страны 1996 г. Среди важнейших конституционных перемен Мухаммад VI упомянул передачу части своих полномочий в компетенцию премьер-министра, децентрализацию власти и делегирование части финансовых и политико-правовых обя-

занностей правительства на местный уровень, признание берберского наречия тамазигт официальным языком Марокко наряду с арабским языком, совершенствование судебной системы. Новая Конституция была принята на референдуме 2 июля 2011 г., а 18 ноября прошли первые парламентские выборы согласно ее положениям.

Власти создали для участия в выборах разношерстную коалицию из 8 партий, получившую неофициальное название «G8». Руководство коалицией осуществляли наиболее приближенные ко двору Национальное объединение независимых (НОН) и Партия подлинности и модернизма (ППМ). Их победа на выборах полностью отвечала бы надеждам Мухаммада VI на стабилизацию политической системы Марокко и преодоление угроз «арабской весны». Главной задачей «G8» было выступить политическим противовесом исламистской Партии справедливости и развития (ПСР), которая в ходе предвыборной кампании использовала многие из призывов «Движения 20 февраля», направленных против государственного произвола и коррупции. Кроме того, ПСР, как и прежде, уверенно эксплуатировала облик новой, компетентной, независимой и объективной силы, не запятанной участием в правительстве. Тем временем полулегальная исламистская ассоциация «Аль-Адль ва-ль-ихсан», являющаяся наиболее последовательным противником алауитской монархии, совместно с «Движением 20 февраля» и левыми радикалами (Партией социалистического авангарда, Объединенной социалистической партией, Национальным конгрессом Иттихади и Партией демократического пути [Ан-Нахдж]) организовала не давшую заметных результатов кампанию по бойкоту парламентских выборов.

Несмотря на все усилия проправительственной партийной коалиции, выборы выиграла ПСР, которая набрала 107 парламентских мандатов (27% голосов) и подтвердила тенденцию к стремительному росту парламентского представительства исламистских сил Марокко (на выборах 2002 г. ПСР завоевала 42 мандата, на выборах 2007 г. — 46 мандатов). Вслед за выборами 2011 г. ПСР сразу же вышла из оппозиции правительству. 3 января 2012 г. король согласно конституции назначил ее лидера и главного идеолога Абд аль-Иляха ибн Кирана премьер-министром. Победа исламистской и оппозиционной прежнему правительству ПСР заметно ослабила общественную поддержку «Движения 20 февраля», которое в декабре 2011 г. уже не собирало на свои еженедельные акции более тысячи-двух человек. Власти развернули

полицейские репрессии против участников несанкционированных митингов и заставили «Движение» вновь обосноваться в интернете. Результаты парламентских выборов 2011 г. повлияли и на внутреннюю связность «Движения»: 19 декабря «Аль-Адль ва-ль-ихсан» объявила об отказе от сотрудничества с ним, что нанесло по нему тяжелый удар. Отныне дисциплина и высокие мобилизационные способности, присущие исламистам, уже не служили усилению аморфной и хаотически составленной структуры «Движения», что резко снизило действенность его протестных призывов.

С начала 2012 г. активисты «Движения» перешли к личной критике короля, что только усугубило их положение, поскольку любые нападки на священную и неприкосновенную личность государя в Марокко являются преступлением. Явным неуспехом «Движения» стала и попытка отметить первую годовщину со дня его основания. К 20 февраля 2012 г. активисты «Движения» приурочили сидячие забастовки в городах Марокко, однако даже в Касабланке — экономической столице королевства — им удалось собрать не более 200–300 человек, а в Рабате — не больше сотни. Полиции на этот раз было приказано не трогать малочисленные группы демонстрантов и позволить журналистам подробно осветить протестные события — с тем, чтобы продемонстрировать марокканцам и мировой аудитории непопулярность лозунгов «Движения» и ослабление его позиций. В 2013 г. «Движение 20 февраля» фактически перестало существовать. Среди причин его ослабления нужно назвать не только репрессии полиции и целенаправленную дискредитацию движения со стороны государства, но и «опережающее использование» его демократических лозунгов королевской властью и исламистами из ПСР. Таким образом, смена Конституции, парламентские выборы и приход влиятельной исламистской партии в правительство стали в Марокко надежным барьером на пути стихийного молодежного протеста.

А.Л. Сафронова

«Разделенные народы» Южной Азии: проблемы тамильской идентичности

В современном мире происходит обострение проблем разделенных границами разных государств народов (таких, например, как ирландцы, корейцы, курды и др.). Границы современных государств

Южной Азии определились в процессе деколонизации в середине XX в.: они консолидировали многие этноконфессиональные общности и в то же время разъединили ряд народов (кашмирцев, панджабцев, бенгальцев и др.), оказавшихся рассредоточенными и проживающими на территориях сопредельных стран, обусловили межобщинную конфликтность и стремление к пересмотру сложившегося к настоящему времени политического деления региона. Под «разделенным народом» следует понимать этническую группу, территория компактного проживания которой разделена границами двух или более государственных образований, которая осознает себя в качестве единой общности и формирует специфические механизмы сдерживания культурной дифференциации своих отдельных частей, расположенных по разные стороны государственных границ. Актуализация проблематики, связанной с решением судеб народов, разделенных границами разных государств в современном мире, привлекает к ней пристальное внимание специалистов по вопросам этнорегиональных движений и самоопределения наций во всем мире.

Проблема тамильской общности имеет свою специфику — она возникла не в процессе деколонизации Южной Азии и возникновения новых государственных границ в регионе, а в ходе исторических миграционных перемещений, превративших тамилы в трансграничный этнос, проживающий не только на территории Индии и Шри Ланки в рамках Южной Азии, но и диаспорально рассеянный в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке и в Тропической Африке, Европе, Америке, Австралии и Океании. Общая численность тамилы в мире составляет 77 млн человек, из них в Индии на территории штата Тамилнаду проживает 63 млн человек, а в соседней Шри Ланке — 3 млн человек. Тамилы являются трансграничной этнической общностью, для которой характерны тяга к преодолению исторически сложившейся разобщенности и созданию (или воссозданию) своей моноэтнической государственности. Идея объединения тамилы затрагивает интересы не одной государственной территории, а нескольких: Индии (штат Тамилнаду), Малайзии, островов Индийского океана, где проживают тамильские общины. Тамильские националисты указывают на исторические прецеденты существования тамильских государственных образований в средние века, включавшие север Шри Ланки и юг Индии.

В первой половине XX в. в среде образованной политизированной тамильской элиты Британской Индии вызревают идеи как общедравидского национализма под эгидой тамиллов, так и собственно тамильского. Дравидская партия (Дравида кажагам) впервые отчетливо сформулировала идею Дравиданаду / Дравидистана как государства дравидских народов Индии (тамиллов, каннада, малайяли и телугу) в 1940 г. Тамильский национализм был связан и с деятельностью таких политических партий Юга Британской Индии, как Партия справедливости (Justice Party) и Движение самоуважения (Self-Respect Movement), прославлявших великое прошлое тамиллов и древней «тамильской цивилизации» и боровшихся с «засильем арийского Севера». Эти лозунги были подхвачены новыми политическими партиями юга Индии после достижения независимости в 1947 г. — Прогрессивной партией дравидов (Дравида муннетра кажагам), Всеиндийской прогрессивной партией дравидов (All India Дравида муннетра кажагам) и др. Получили развитие идеи пантамизма, ставившие своей целью объединение тамильской общины, разбросанной по разным государствам и континентам. Тамилы Цейлона (Шри Ланки) поставили вопрос об образовании государства Тамил-Илам на севере страны — в Джафне — и противопоставили себя сингалам, составлявшим большинство населения острова. Тамильские националистические организации Шри Ланки заимствовали опыт политических деклараций своих собратьев на субконтиненте, считавших важным для Индии противоборство «арийский Север — дравидский Юг». Разница состояла в том, что в условиях Шри Ланки соотношение сторон было развернуто в противоположном направлении: «дравидский Север» — «арийский Юг», а конечной целью провозглашалось образование независимого государства Тамил-Илам на территории ланкийской Джафны. Исторический прецедент был найден: на севере острова с XIII по XVI вв. существовало неподвластное сингальским правящим династиям тамильское государство Джафна. Идеи тамильского национализма в Шри Ланке отстаивали как легитимные политические партии (Тамильский национальный конгресс, Федеральная партия и др.), выступавшие за расширение прав тамиллов в рамках единой ланкийской государственности, так и экстремистские военизированные группировки (прежде всего Тигры освобождения

Тамил-Илама), развязавшие гражданскую войну (1983–2009) на острове под лозунгами сепаратизма.

Сингало-тамильский конфликт является многоуровневым: внутрисударственный в масштабах Шри Ланки, межгосударственный (ланкийско-индийский) в масштабах Южной Азии, международный в масштабах распространения тамильских диаспор за пределы субконтинента. Истребление военизированной группировки тамильских сепаратистов, руководимой харизматическим лидером, в 2009 г. стало крупнейшим событием в истории современной Шри Ланки и южноазиатского региона в целом. Однако это достижение не знаменует собой закрытие «тамильского вопроса» и решение всех спорных проблем как сингало-тамильских отношений, так и поисков тамильской общности в Южной Азии.

Е.К. Симонова-Гудзенко

Изображение Японии в Атласах Абрахама Ортелия (1527–1598)

Первые сведения о Японии были привезены в Европу Марко Поло в конце XIII- начале XIV вв. На географических картах изображение далекой восточной страны появилось в XV в. (Фра Мауро, 1459). По мере освоения европейцами Тихого океана изображение Японии на европейских географических картах становится почти обязательным, хотя ее очертания далеки от реальности и часто имеют причудливую форму.

Атлас *Theatrum Orbis Terrarum* (лат. Театр (Зрелище) шара земного) **Абрахама Ортелия** (1527–1598) считается первым современным географическим атласом. Первое издание было осуществлено в 1570 г., включало 53 карты большого формата с подробными географическими пояснениями. Несмотря на то, что для того времени издание было дорогим, оно получило большую известность, и было напечатано 32 тиража в период до 1641г., не менее 8225 экземпляров. Марсель Ван ден Бройке, исследователь Атласа, отмечает, что «канонической» версии не существовало, различались даже отдельные экземпляры одного издания. Главный принцип составителя заключался в том, что ни одна карта, помещенная в первое издание, впоследствии не исключалась, даже

при появлении более точных, совершенных изображений стран или частей света. Атласы печатались черно-белые и цветные.

В первом издании Атласа (1570) на четырех картах очертания Японии различаются:

На Карте стран мира [TYPVS ORBIS TERRARVM] форма японских островов заимствована из Атласа Г. Меркатора (1512–1594).

На новой карте Азии [ASIAE NOVA DESCRIPTIO] изображение Японии отражает достоверные данные, вероятно, полученные португальскими картографами, напоминает изображение на карте Б. Вельхо (1561).

На карте Тартарии и королевства Чами [TARTARIAE SIVE MAGNI CHAMI REGNI] островное государство формой напоминает изображение на карте Азии, только расположено по оси запад-восток.

На карте Восточных Индий и окружающих островов [INDIAE ORIENTALIS INSVLARVMQVE ADIACENTI: VM TY: PVS], как и на карте стран мира, изображение заимствовано из Атласа Герарда Меркатора (1512–1594).

В издание Атласа 1584 г. была включена отдельная карта Китая [CHINAE, olim Sinarum regionis, nova descriptio]. Карта ориентирована на запад, Япония расположена на крайнем востоке, на полях изображения, и ее частично закрывает картуш, очертаниями островное государство похоже на изображение Ф. Вас Дурадо (1568).

На карте Тихого океана (MARIS PACIFICI, 1589), Япония расположена вблизи Азии, изображена изогнутой, почти по форме подковы, по типу Вас Дурадо, и на севере острова Хонсю изображен большой Остров серебра ("Isla de Plata"), немного напоминающий остров Хоккайдо.

Португальский картограф Луис Тейсейра (1564–1604) в 1592 г. отправил Ортелию 2 карты, Китая и Японии. Происхождение карт неизвестно, более того следы карты Китая утеряны. Отдельная карта Японии появляется в Атласе в 1595 г. Источниками изображения были, как полагает большинство исследователей, сведения и изображения, существовавшие в восточной Азии (карты Гёги, карты провинций, ширмы Нанбан и др.), а так же собранные в Европе, в первую очередь, карта Игнасио Морейро (1538/39–?), картографа миссии иезуитов, побывавшего в Японии в 80-е гг. XVI в.

К.М. Тертицкий

**Иван Артемьев, китайский переводчик
и разведчик (XVII в.)**

Проблема перевода и межкультурной коммуникации, несомненно, является хоть и не главной, но одной из наиболее важных проблем во всем комплексе отношений между Россией и Китаем в XVII веке, когда эти отношения только начали формироваться. В это время, с одной стороны, была велика потребность в информации стран друг о друге и в каналах ее трансляции, но с другой, изначальный объем таких сведений был крайне мал, а структур, которые могли бы готовить соответствующих специалистов, просто не было. В этих условиях особое значение приобретали перебежчики и пленные, способные выполнять функции переводчиков и имевшие информацию о противоположной стороне.

К сожалению, их место в системе межгосударственных отношений, эффективность их использования, качество работы и даже численность остаются во многом неизученными. Частью процесса изучения этого слоя может стать рассмотрение биографий отдельных перебежчиков, тем более, что про некоторых из них в русских и китайских источниках можно найти относительно подробные сведения.

К их числу относится Иван Артемьев, один из лучших цинских переводчиков, использовавшийся цинскими властями также и как разведчик. О времени его появления в Китае точных сведений не имеется. Известно, что в седьмой год правления Канси (1668) на сторону цинских властей перешел человек, носивший имя «Иван», и если речь идет именно о нем, то тогда можно предположить, что служба Артемьева в Китае могла начаться еще с конца 1660-х годов.

В это время он был не единственным перебежчиком и число их постоянно увеличивались. Если в 1670 г. Милованов встречал в Пекине только двоих, то Г. Романов, побывавший там в августе 1674 г., говорил уже про семь находившихся там россиян (предположительно, это были А. Урусланов, Пахом Корноух, Агафон Зырян, Иван Артемьев (Распутин), Григорий Тобольсков (Япанчин, Япанчинец) и Степан Верхотур), а Н. Спафарий, побывавший там в 1676–1677 годах, сообщал про примерно тринадцать «русских людей», живших в Пекине, из которых только двое были

пленными, а остальные — перебежчиками. Сообщалось, что они состоят на службе, получают жалование, обзавелись семьями, учат «китайских людей стрелять из пищали с коня и пеших», передали китайской стороне сведения о сибирских острогах, ценах на китайские товары на русском рынке и т.д. Один из них к этому времени служил в Лифаньюань (Палате по делам вассальных территорий) «потому что русскую грамоту умеет, да и китайской учился ж, и всякое русское письмо он переводит». Не исключено, что этим человеком мог быть и Артемьев, хотя точных сведений об этом нет.

С начала 1680-х годов перемещения И. Артемьева по службе можно проследить уже достаточно точно. Очевидно, к концу весны 1683 г. он находится в Приамурье и имеет звание *цзяшии* («латник»; так о нем говорится в указе от 23 апреля 1683 г.). В июле 1683 г. он принимает участие в допросе членов отряда Григория Самойлова (Мыльника), захваченных в среднем течении Амура. В конце 1683 г. двое из захваченных тогда, «промышленные люди Мишка Иванов сын Ящиных, Ивашко Захарьев сын Енисеев», были отпущены в Албазин с письмом к албазинцам от китайских властей, которое также переводил Артемьев. Письмо содержало требование прекратить совершать походы на земли «ясашных людей» китайского императора и предложение перейти на службу к цинским властям.

На начало ноября 1683 г. он, видимо, находился в распоряжении Сабсу, командовавшего цинскими силами в Приамурье, но в это время император Канси принимает решение о том, чтобы Артемьев и другой переводчик, владевший маньчжурским (Агафон Зырян), посменно находились в Пекине. Очевидно, примерно в это время император также принимает решение дать Артемьеву офицерский чин *сяоцисяо*, так как об этом в императорском решении от 2 января 1684 г. говорится как о недавно произошедшем событии.

Уровень владения Артемьева маньчжурским и его профессионализм как переводчика, видимо, были весьма высокими. Сравнение опубликованных текстов его перевода и перевода, выполненного с маньчжурского уже А.Е. Любимовым в начале XX века, показывает весьма высокую точность перевода Артемьева.

Последние известия о нем относятся к 1687 году, когда во время второй осады Албазина Артемьев действует там как переводчик и разведчик. Более поздних сведений о нем пока не найдено.

В целом, пример Артемьева показывает, что цинские власти могли использовать перебежчиков весьма эффективно, привлекая их к сбору сведений, допросу пленных и воздействию на силы противника. Высокое качество его перевода позволяет считать, что определенные возможности для подготовки квалифицированных переводчиков имелись в традиционных обществах и до создания соответствующих образовательных структур.

А.Л. Филимонова

Перспективы административной реорганизации Пакистана на примере движения за провинцию Хазара

На протяжении всей истории Пакистана этническая, лингвистическая и религиозная неоднородность населения служили основным источником его внутривластной нестабильности. Однако если до конца XX в. наиболее вероятной угрозой, которую несли в себе центробежные движения, представлялся распад страны и появление на ее территории ряда суверенных государств, то с начала XXI в. на передний план вышли силы, сконцентрировавшие свои усилия на борьбе за предоставление той или иной территории статуса провинции.

Движение за создание провинции Хазара полностью соответствует этой тенденции. Территория, на которую оно распространяется — округ Хазара в провинции Хайбер-Пахтунхва (ХП, бывшая Северо-западная пограничная провинция (СЗПП)) — историческая зона компактного проживания народности хазара, которая в этно-лингвистическом и культурном отношении отлична от пуштунского большинства населения ХП. По данным на 2005 г., общая численность хазара составляла 3,940 млн человек (18% населения провинции), а пуштунов — 16,060 млн человек (73%). Отдельные призывы повысить административный статус региона, населенного хазара, начали звучать еще в 1980-х гг. Однако в полной мере политическая активность хазара развернулась после 2010 г., в ответ на переименование СЗПП в ХП. Смена названия была воспринята местной общественностью как официальное закрепление пуштунского доминирования (новое

название переводится с пушту как «Хайбер-земля пуштунов»), а следовательно, как этническая дискриминация.

Причины недовольства хазара практически во всем совпадают с мотивами других пакистанских этносов, которые оказались в положении меньшинства на той или иной территории: экономическая отсталость, невозможность развивать свой язык (хиндко) и культуру, незначительное представительство в парламентских структурах и органах самоуправления.

Однако важные особенности данного движения, которые увеличивают его перспективы в сравнении с аналогичными инициативами других общностей, заключается в его четкой локализации (хазара проживают только в шести дистриктах, составляющих одноименный округ внутри одной провинции), а также в готовности его представителей идти на компромисс с федеральными властями.

Географический ареал, на который претендует движение, важен прежде всего с юридической точки зрения: согласно конституции Пакистана (статья 239, пункт 4), решение об изменении границ должно приниматься ассамблеей каждой провинции, территории которой подлежат разграничению; соответственно, в случае с хазара потребуется одобрение только ассамблеи Хайбер-Пахтунхва, что значительно облегчает их задачу.

Открытость к диалогу с пакистанским руководством проявляется не только в многочисленных встречах представителей хазара с чиновниками разного уровня, но и в готовности принять в качестве альтернативы переименование ХП в Хазара Пахтунхва, т.е. «Землю хазара и пуштунов». Данный вариант, безусловно, неприемлем для пуштунских лидеров; однако на федеральном уровне такая постановка вопроса может принести хазара определенные политические дивиденды, поскольку дает им возможность «играть на противоречиях» между пуштунской элитой ХП и федеральными властями. Последние, в свою очередь, могут поддержать движение хазара, дабы продемонстрировать свою готовность защищать любые меньшинства, но в то же время сделать это с минимальными потерями, нарушив целостность только одной пакистанской провинции.

В этой связи представляется, что именно движение хазара способно создать прецедент, добившись образования в Пакистане новой провинции, что делает его опыт особенно интересным и важным для исследователей.

К.А. Фурсов

Сходства и различия земельно-налоговой политики колониальных держав в Новое время

Краеугольным камнем консолидации империй XVIII–XIX вв. были земельно-налоговые реформы, которые определили социально-экономическое развитие колоний на много десятилетий.

В Британской Индии в 1793 г. генерал-губернатор Ч. Корнуоллис ввел две земельно-налоговые системы: в Бенгалии — постоянное *заминдари*, при котором собственниками земли и налогоплательщиками были признаны крупные землевладельцы, а налог фиксировали навечно; на юге Индии — систему крестьянской аренды *райятвари*. Предполагалось, что собственники земли будут эволюционировать в сторону хозяев капиталистического типа, но из-за высокого налога они подверглись обезземеливанию.

На голландской Яве в 1830 г. генерал-губернатор Й. фан ден Босх ввёл «систему (принудительных) культур», при которой сельская община отводила пятую часть полей под экспортные культуры. Следить за функционированием системы должна была верхушка деревни (*прияи*). Нидерландам система принесла экономическую прибыль, но яванскому крестьянству — немало тягот.

Во Французском Алжире в 1863 г. по инициативе Наполеона III ввели в действие *сенатус-консульт*, целью которого было затормозить европейскую колонизацию ради социальной стабильности. Однако объективно закон заложил юридическую основу лишения арабских и берберских племён земель.

В Русском Туркестане в 1886 г. вступило в силу Положение о крае, которое утвердило за оседлым населением земли, состоящие в его владении, пользовании и распоряжении, а кочевые угодья объявило государственной собственностью. Этот закон стал компромиссом между интересами правительства, которое стремилось сохранить государственную собственность на землю как объект налогообложения, и буржуазии, которая выступала за частную собственность с прицелом на торгово-экономическую эксплуатацию Средней Азии.

Во Французском Вьетнаме в 1897 г. генерал-губернатор П. Думер впятеро поднял подушный налог, а в 1899 г. предоставил французским гражданам право приобретать в концессии землю площадью до 500 га. Реформы ускорили превращение страны в объект эксплуатации для французского государства и капитала. Как и в Алжире, аграрная политика французов стала социально-экономической «миной», которую они заложили под собственную власть.

Цели и многие методы реформ были схожими. Администрация империй стремилась обеспечить максимум налоговых поступлений и создать прослойку зажиточных землевладельцев как опору власти и хозяев капиталистического типа. Однако добиться двух целей одновременно оказывалось невозможно, и империи выбирали максимизацию доходов. Аграрные реформы колониальных держав подтверждают тезис экономистов В.В. Крылова и В.Г. Растянникова, согласно которому капитализм проникал в страны Азии и Африки не только в чистом виде, но и ставил себе на службу другие уклады и создавал новые докапиталистические уклады. Колониальные власти исходили главным образом из стремления переключить на себя уже существующие вертикальные потоки средств (сбор налогов).

Различия в проведении и результатах аграрных реформ происходили из-за разных географических и социально-экономических условий колонируемых стран, а также характера и степени развития капитализма в метрополии.

Если взглянуть на аграрные реформы империй в свете теории экономических реформ В.М. Полтеровича, то попытки колониальных властей создать у восточных землевладельцев экономический стимул к реинвестированию в условиях господства традиционных социально-экономических отношений можно (с оговорками) трактовать как попытки трансплантации развитых институтов в отсталую институциональную среду, которые, как правило, заканчиваются неудачей. Переход многих земель в руки новых собственников подтверждает тезис В.М. Полтеровича о том, что любая реформа создает предпосылки для интенсификации перераспределительных процессов в ущерб производственной деятельности.

В.И. Шлыков

Стратегии оппозиции в условиях доминантной партийной системы в Турции

Характер политической борьбы в Турции, возможности оппозиционных сил оказывать влияние на правящий режим или, по крайней мере, выступать для него заметным раздражителем — величины динамически изменяющиеся. За годы пребывания у власти ПСР существенно оттеснила военную элиту, фактически лишив ее былой политической субъектности, провела успешную операцию по «зачистке» руководства армии от нелояльных генералов и «санации» политического поля от опасных, с ее точки зрения, оппозиционеров, существенно ограничены также и возможности судейского корпуса влиять на власть. Прежняя система сдержек и противовесов, в которой ведущую роль с начала 1960-х гг. играла военная элита, претерпевает серьезные изменения. В докладе освещаются следующие вопросы:

- насколько новые правила игры на политическом поле, навязываемые ПСР, смогли изменить характер партийно-политической системы?
- в чем заключаются новые характеристики партийно-политической системы и каким образом они влияют на тактику и стратегию политической борьбы оппозиции?
- насколько оправданы проекты подобные «новой НРП», предполагающие ревизию устоявшихся партийных ценностей и установок ради привлечения нового электората?

Проект «Новой НРП» можно воспринимать как ответ на вызовы реформирования партийно-политической системы и запросы турецкого электората первого десятилетия 2000-х гг. Однако регулярное обновление партии с кардинальной ревизией партийных и идеологических установок — это отнюдь не отход от традиционной траектории развития старейшей политической партии республиканской Турции. Если рассматривать без малого 90-летний период существования НРП как непрерывный континуум, то в нем четко вычлениваются пять периодов, на каждом из которых партия становилась «Новой НРП», радикально пересматривая и программные принципы, и политический дискурс. Первый период — 1923–1946 гг., когда НРП действовала в рамках однопартийной системы. Второй период — 1946–1961 гг., характеризующийся переходом к многопартийности, ревизией принципов кемализма и наследия кемалистской революции,

первым опытом формирования коалиционных правительств и пребывания в оппозиции к режиму ДП. Третий период — 1961–1980 гг., время Бюлента Эджевита, когда НРП провозгласила курс «левее центра». Четвертый период — 1992–2010 гг., когда НРП была воссоздана Денизом Байкалом и пыталась найти новую траекторию развития и превратилась в главную оппозиционную партию. В рамках этой парадигмы 2010 г. представляется как начало нового периода, главная характеристика которого — стремление НРП стать «всеохватной партией»¹ с обновленной левоцентристской идеологией, максимально приемлемой для разных слоев турецкого общества.

Начало 2000-х гг. — в определенном смысле время возрождения НРП. Практически ушла со сцены Демократическая левая партия и НРП естественным образом вновь стала главной партией левого фланга. Однако простое поглощение (как в случае Социал-демократической народнической партией) или внесение экс-членов других левых партий в свои избирательные списки (как в случае ДЛП) не принесло НРП ожидаемого прироста электората на выборах 2002 и 2007 гг. В 2011 г. недостаточно успешной оказалась борьба за избирателей юго-восточных провинций, где по-прежнему доминируют курдские политики, консолидированные в рамках ПМД, и кандидаты от правящей партии. Конечно, НРП потеснила ПНД в таких провинциях как Ыспарта, Кыршехир, Нигде, Сивас, Ушак. Однако главная борьба за голоса все равно должна разворачиваться в центральных провинциях с ощутимо большим электоральным потенциалом. Только сможет ли НРП со свое левоцентристской ориентацией потеснить ПСР в провинциях, где, по признанию одного из вице-председателей НРП профессора Сенджера Айата, «альтернативой правой партии может стать только другая правая партия... поскольку две трети турецких избирателей обладают консервативными взглядами и вряд ли когда-либо поддержат левые, как и левоцентристские партии»²?

¹ **Всеохватная партия** — термин современной социологии политики, введенный Отто Кирххаймером и отражающий трансформации массовых партий в середине XX века. Всеохватная партия ориентирована на выражение интересов крупных слоев общества (и в пределе всего общества) вне зависимости от словесных, имущественных или классовых различий. Характеризуются смешанным типом устройства и партийного членства, низким уровнем зависимости от какой-либо конкретно сформулированной идеологии.

² *Vatan Gazetesi*. 18/06/2011.

Парадокс последних двух десятилетий состоит в том, что НРП стала партией, достигшей определенного предела развития и с трудом пытающейся его преодолеть. Результаты, которые НРП демонстрировала на всех последних выборах — 19,4% в 2002 г., 20,9% в 2007 г., 25,98% в 2011 г. — нельзя назвать ни поражением, ни победой. В положении «вечно второй» НРП, с одной стороны, по праву именуется главной оппозиционной партией, а с другой — едва ли может выступать противовесом ПСР по причине ограниченности своих ресурсов влияния на текущие политические процессы в стране и дефицита мандатов в парламенте. При этом в ближайшей перспективе любой другой оппозиционной партии едва ли удастся обойти НРП, не говоря уже о том, чтобы вытеснить ее с политического поля. В турецком обществе, поляризованном по линии религиозной, культурной и политической идентичности, на сегодняшний день главной в условной иерархии «линий разломов» является размежевание по вопросу о роли ислама в общественно-политической жизни (противостояние лаицистов и исламистов), лишь затем идет конфликт культурного турецкого национализма с этнотерриториальным курдским. Причем эти социальные размежевания переносятся и на политический дискурс, в котором традиционное разделение на правых и левых сильно задемпфировано: партии зачастую пренебрегают строгой идеологией и выстраивают политическую идентичность, маркируя свою позицию по вопросам социально значимых конфликтов. В этой системе координат ценностно-ориентированных идентичностей главная ось противостояния — борьба лаицистов и исламистов, в которой НРП давно приняла на себя роль главного защитника секуляризма и светского наследия Кемалистской революции, прямую противоположность ПСР. Однако, если ПСР удастся сгладить поляризацию общества по вопросам религиозной, этнонациональной и политической идентичности, несмотря на все неудачи последних лет¹, в условиях «разрядки» конфронтационная тактика может оказаться проигрышной.

Стремление НРП обновить идеологию, возможно даже радикально ее переформатировать — это отчасти отражение понимания, что одна из причин ограниченности электоральной базы НРП состоит в том, что правый спектр политического поля практически полностью оккупирован ПСР². НРП по модели ПСР

¹ *Türker Yıldırım*. Yeni Türkler İktidarda. // *Radikal Gazetesi*, 20/06/2011.

² *Kiriş, Hakan*. Türkiye'de Bir Sol Parti Olmak ya da Ol(a)mamak // *Milliyet*. 10/09/2008.

стремится стать партией широкой коалиции, привлечь на свою сторону новых сторонников и избирателей. В качестве одного из главных ресурсов НРП рассматривает электорат старых правоцентристских партий. Еще до прихода на пост лидера партии Кемаля Кылычдароглу Дениз Байкал на выборах 2007 г. опробовал тактику частичной переориентации на правоцентристский электорат. Однако Кылычдароглу пошел дальше своего предшественника, прибегая не только к правой риторике, но и выставляя в качестве кандидатов НРП политиков, известных своими правыми взглядами. НРП стремится переманить электорат малых непарламентских партий, значительное число избирателей которых не голосуют за ПСР, поскольку им чужд антисекуляризм правящей партии, не поддерживают ПНД из-за радикальных трактовок национализма и в то же время не готовы идти за НРП, не вполне приемлемой из-за своих идеологических метаний. Однако идеологический дрейф НРП выглядит в большей степени шагом прагматическим, чем отражающим реальную ценностную переориентацию партии¹.

Почти 26% голосов — лучший результат для НРП начиная с 1992 г. В краткосрочной перспективе восходящая кривая электоральной поддержки может вселять оптимизм новому руководству НРП, однако сохранение этой тенденции в долгосрочной перспективе потребует от партии серьезных усилий. И дело здесь не может ограничиться митингами и массовыми мероприятиями, по числу которых Кылычдароглу даже обогнал Эрдогана в рамках кампании 2011 г.

Попытка НРП сыграть на поле правоцентристских партий и стремление стать всеохватной партией в последнее время не идут дальше малосущественных имиджевых шагов, привлечения на свою сторону политических ветеранов и известных общественных деятелей (как, скажем, эмигрантка Бахри Сипахи, музыкант-алевит Сабахат Аккираз, Мехмет Акиф Хамзачеби, правозащитник курдского происхождения Сезгин Танрыкулу). Однако в контексте серьезных изменений, которые претерпевает партийно-политическая система Турции, для трансформации НРП важны не только «брендовые кандидаты» — очевидна необходимость новых идей и ценностных установок.

Подобно тому как в 1960-х гг. после принятия новой конституции НРП перепозиционировала себя на политическом поле и

¹ Akyol, Taha. Demirel ve CHP. // *Milliyet*, 12/05/2011.

смогла повернуть вспять нисходящую кривую своей популярности, сейчас от НРП требуется аналогичная операция по ревизии политического дискурса с учетом перемен, произошедших в турецком обществе за последние 30 лет. До конца неясно, возможно ли такое обновление или, точнее, осовременивание НРП. На данный момент расклад политических сил таков, что гипотетический приход к власти для НРП возможен только в рамках партийной коалиции. Однако, есть еще один ресурс, до сих пор до конца не освоенный, — расширение политического участия гражданского общества, все еще существенно ограниченного как в количественном, так и качественном отношении. По всей видимости, именно инклюзивная стратегия работы с электоратом и выдвижение альтернативных проектов развития Турции (в противовес выдвинутому ПСР «2023» или «2071») станут императивом для «Новой НРП» на ближайшую перспективу.

П.В. Шлыков

Социальные медиа в политическом процессе Турции 2000-х гг.

В докладе представлены результаты исследования социальных сетей, форумов и блогов как инструмента политической социализации и мобилизации в контексте политических процессов Турции 2000-х гг. С использованием алгоритмов обработки массивов несистематизированных данных анализируется эффективность таких ресурсов как Twitter и Facebook с точки зрения организации политических акций, выявляются «лидеры общественного мнения» в социальных сетях и их позиции в рамках существующей в Турции политической системы и привычной парадигмы политических отношений. В фокусе исследования — политика правящей Партии справедливости (ПСР) и развития в отношении СМИ и Интернет, стратегия использования новых СМИ, проблема включенности/неучастия ПСР в работе социальных медиа и позиции политиков из ПСР в интернет-сообществах.

Сфера информационных и коммуникационных технологий (ИТ) и интернет-активность граждан Турции в 2000-е гг. демонстрировала высокие показатели роста. По данным исследования 2014 г. одного из ведущих турецких порталов интернет-коммерции Markafoni.com, Турция занимает 11-е место по степени охвата интернет-технологиями (36 млн пользователей глобальной сети

или 47% населения страны). Для сравнения у лидеров рейтинга — Великобритании и Германии 53 млн (84%) и 67 млн (83%)¹. При этом более 94% пользователей всемирной сети в Турции используют Facebook. Четверть женского населения страны и треть мужского используют смартфоны, что позволяет им непрерывно использовать интернет-сервисы. Высока активность в социальных сетях подтверждается данными eMarketer², согласно которым Турция лидирует по уровню распространения сервиса коротких сообщений Twitter и занимает второе место в мире после США по интенсивности использования социальной сети с функцией геопозиционирования Foursquare (4sq)³.

Высокие показатели активности граждан во всемирной сети закономерно привлекают внимание различных государственных органов в Турции. Интернет поколения Web 2.0⁴ и такие его производные как социальные медиа (блоги, социальные сети) — сфера, трудно поддающаяся централизации традиционными методами, применимыми в отношении «обычных» СМИ. Более того поколение активных интернет-пользователей, для которых социальные сети — естественная среда межличностной коммуникации, априори негативно относятся к идеям и инструментам вертикального подчинения и контроля, что в контексте регулирования сферы Интернет в Турции настраивает молодых пользователей на перманентный поиск эффективных мер по обходу запретов и неудобных регулирующих норм.

Политику правящей ПСР в отношении Интернета и ресурсов Web 2.0 отличает две черты: с одной стороны — неприятие,

¹ Markafoni'den Türkiye'nin online perakende haritası [Infografik] (17 Ekim 2013). URL: <http://webrazzi.com/2013/10/17/markafoni-eticaret-infografik/>

² Twitter penetrasyonu en yüksek ülke Türkiye [Webrazzi PRO] (25 Ekim 2013). URL: <http://webrazzi.com/2013/10/25/twitter-penetrasyonu-en-yuksek-ülke-türkiye-webrazzi-pro/>

³ Omid Ashtari: Dünyada ABD'den sonra en çok check-in yapılan ülkesiniz (25 Eylül 2013). URL: <http://webrazzi.com/2013/09/25/omid-ashtari-dunyada-abd-den-sonra-en-cok-check-in-yapilan-ülkesiniz/>

⁴ Основные функциональные и содержательные отличия Интернет-ресурсов поколения Web 2.0 состоит в следующем:

- сайт изначально представляет собой площадку с нулевым контентом, который постепенно заполняется множеством пользователей,
- пользователи имеют возможность широко проявлять свою активность, выгружая фотографии, видео, публикуя статьи, выкладывая анкетные данные.
- сайт выступает как инструмент, дающий возможность пользователю выразить самого себя.

Примеры ресурсов Web 2.0 — Facebook, Wikipedia, Youtube, Lifejournal и т.п.

а порой и непонимание природы современного Интернета и социальных медиа; с другой — стремление поставить под жесткий контроль общественно важные Интернет-ресурсы и сферу социальных медиа в целом. Это хорошо видно на динамике рестриктивных мер турецкого правительства в отношении таких ресурсов как Twitter, YouTube, Facebook и др., а также в поправках¹ к «Закону об Интернете»², инициированном накануне муниципальных выборов 2014 г.³

По данным общественной организации Engelli Web, на конец 2014 г. в Турции количество заблокированных и закрытых по решению контролирующих органов Интернет-сайтов превысило 40 тыс. При этом в Турции не вводятся серьезные ограничения на технологии опосредованного доступа к запрещенным и заблокированным ресурсам с помощью программного обезличивания пользователей (посредством Tor-сетей, по протоколам VPN или публичным DNS-серверам)⁴. Таким образом, политика ПСР в сфере информационных и коммуникационных технологий приводит, с одной стороны, к торможению развития турецкой смарт-экономики⁵, с другой — явным ограничением прав на доступ к информации и свободу слова.

Активность антиправительственных сил в социальных медиа имеет различную природу. Так, основная масса тех, кто участвовал в Интернет-кампаниях во время протестов лета 2013 г. (эпизод с парком Гези) — задолго до событий вокруг парка Гези активно использовали социальные медиа, поэтому они столь легко и быстро стали использовать привычные для них площадки Twitter и Facebook для мобилизации сторонников и организации протестного движения. В свою очередь, члены движения Hizmet и близкие к международному миссионерскому движению Фет-

¹ Aile ve Sosyal Politikalar Bakanlığının Teşkilat ve Görevleri Hakkında Kanun Hükmünde Kararname ile Bazı Kanun ve Kanun Hükmünde Kararnamelerde Değişiklik Yapılmasına dair Kanun. Kanun Numarası: 6518, Kabul Tarihi: 06/02/2014 // *Resmî Gazete*, 19/2/2014, Sayı: 28918.

² İnternet Ortamında Yapılan Yayınların Düzenlenmesi ve bu Yayınlar Yoluyla İşlenen Suçlarla Mücadele Edilmesi Hakkında Kanun. Kanun Numarası: 5651, Kabul Tarihi: 4/5/2007 // *Resmî Gazete*, 23/5/2007, Sayı 26530.

³ Dombey, Daniel. Turkey clamps down on internet as Erdogan tightens grip on power // *Financial Times*, 12/02/2014

⁴ Kotsev, Victor. Why the global battle for control of the internet can't be won? // *Fast Company*, 9/05/2014. URL: <http://www.fastcompany.com/3029672/most-creative-people/why-the-global-battle-for-control-of-the-internet-is-a-lost-cause>

⁵ Dombey, Daniel. Social media bans darken Turkey's economic growth prospects // *Financial Times*, 14/04/2014

хуллаха Гюлена группы оказались «новичками» в среде социальных медиа и стали использовать Twitter и другие аналогичные ресурсы как канал антиправительственной пропаганды после того как увидели их эффективность во время протестов в парке Гези (например, @TwitAnkara, @FuatAvni и др.).

Позиция ПСР в отношении Интернета достаточно амбивалентна. С одной стороны, ожесточенная критика Twitter и других социальных медиа со стороны Эрдогана вместе с масштабными ограничительными нормами в сфере Интернета, с другой — стремление партийных функционеров разного уровня в той или иной степени использовать Интернет (так, практически у каждой партийной ячейки существует свой аккаунт в Twitter). А среди активных пользователей Twitter с большим числом подписчиков — экс-президент Абдуллах Гюль и мэр Анкары Мелих Гёкчек. Типологически можно разделить проправительственных пользователей социальных медиа в Турции на несколько групп. Во-первых, «официальные лица», часто высказывающие свою позицию с помощью Twitter — помимо Гюля (@cbabdullahgul) и Гёкчека (@06melihgokcek) это и министр финансов Мехмет Шимшек (@mmtsimsek), и советник аппарата премьер-министра Ибрахим Калын (@ikalin1). Во-вторых, т.н. «тролли», т.е. нарушители этики сетевой коммуникации разнообразными методами нагнетания конфликта через скрытое или явное оскорбления других участников. Объектами атак подобных «троллей» становятся оппозиционные политики и общественные деятели. Их аккаунты обезличены, поэтому атрибутировать их к конкретному человеку сложно. Наиболее известные примеры — @Esadce, @kuscuesref, @DetroitliKizil, @WUattack и др. В-третьих, это представители «шеститысячной Twitter-армии», о которой накануне муниципальных выборов 2014 г. стал говорить Эрдоган¹. Отличительная характеристика этой группы — мобилизация аудитории вокруг конкретных тем и сюжетов, с помощью создания и продвижения хештегов (помечая сообщение хештегом формируется массив тематической информации, легко индексируемой любой поисковой системой и пополняемый всеми заинтересовавшимися: например, #direngeziparki — 950 тыс. твитов, #occupygezi — 170 тыс. твитов, #geziparki — 50 тыс. твитов. В-четвертых, это немногочисленная группа анонимных пользователей социальных сетей, распространяющих информацию под видом инсайдерских «сливов» конфи-

¹*Kayaoglu, Barm.* Turkey's AKP Mobilizes Twitter Army for Elections // Al-Monitor, 18/09/2013. URL: <http://geidi.al-monitor.com/pulse/ru/sites/almonitor/contents/articles/originals/2013/09/turkeys-akp-twitter-election.html#>

денциальных сведений, которые в дальнейшем подхватываются и распространяются другими пользователями как «теории заговора». В таком ключе работают аккаунты @gizliarsiv, @akkulis и др.

В использовании социальных медиа проправительственные функционеры ПСР менее изобретательны, чем их политические оппоненты. Если сторонники ПСР преимущественно используют Twitter в качестве информационной площадки, то на примере Интернет-кампании вокруг парка Гези 2013 г. видно гораздо более широкое использование возможностей социальных медиа — не только сервисы коротких сообщений, как Twitter, но и социальные сети с геопозиционированием, разнообразные блоги, видеохостинги и др. инструменты краудсорсинга¹.

В политике ПСР по отношению к социальным медиа прослеживаются те же подходы, что применяются к традиционным СМИ. Так, в инициативе обложить Twitter налогами² прослеживается аналогия с штрафом в 3,75 млрд турецких лир (на тот момент 2,5 млрд долларов США), которым был наказан неоялный действующей власти медиа-холдинг «Доган» в 2009 г. (официальная формулировка «за нарушения налогового законодательства»)³. Несмотря на невысокую эффективность подобных мер стратегия ПСР в сфере социальных медиа содержательно не меняется, оставаясь контрольно-рестриктивной (поправки в «закон об Интернете», кампания по демонизации СМИ и т.д.). При этом ограничительные меры бесполезны для большинства продвинутых пользователей, легко обходящих установленные запреты. В свою очередь, Турция второй год подряд бьет антирекорды по масштабу уголовного преследования неоялных журналистов⁴ и становится моделью для подражания у тех стран и режимов, которые испытывают проблемы с установлением контроля над социальными медиа.

¹Occupy Gezi // Know Your Meme. URL: <http://knowyourmeme.com/memes/events/occupy-gezi>

²*Cermen, Zeynep*. Government looks to tame Twitter with taxes // SES Türkiye, 05/08/14. URL: http://turkey.setimes.com/en_GB/articles/ses/articles/features/departments/national/2014/05/08/feature-013

³Çarkoğlu, Ali; Yavuz, Gözde. Press-Party Parallelism in Turkey: An Individual Level Interpretation. // *Turkish Studies*, Issue 11, no. 4 (2010), (pp. 613–624), p. 618; The Travails of Turkey's Dogan Yayin Dogan vs Erdogan. // *The Economist*, 10/09/2009.

⁴Committee to protect journalists. URL: <https://cpj.org/reports/europe/turkey/>

Н.А. Ахтамзян

**Проблема ИГИЛ в фокусе внешней
и внутренней политики Германии**

Военная интервенция в Ирак, «Арабская весна» на Ближнем Востоке, «Сирийский кризис», свержение режимов, существовавших десятилетиями и обеспечивавших стабильность в регионе, вызвали тектонические сдвиги на политическом пространстве Востока. Наиболее очевидным последствием стала активизация радикальных исламских движений, претендующих на власть и добивающихся ее в том числе вооруженным путем. Во все более глобализирующемся мире такие изменения не могли не отразиться на других странах региона (поток беженцев, ухудшение экономической ситуации), на всем мировом сообществе, в том числе на государствах Европы.

Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ или ИГ) стало очагом конфликта в пограничном районе трех сопредельных государств (Сирии, Ирака и Турции), по-настоящему болезненным процессом региона. Далекое от благополучной Германии, наиболее развитого государства Европы, лидера и донора ЕС, ИГИЛ оказалось «в фокусе» (в центре внимания) ее политики, не только внешней, но и внутренней.

Официальная позиция Германии выражена в пресс-релизах Внешнеполитического ведомства Германии (МИД) и интервью его главы Ф.-В. Штайнмайера. По отношению к ИГИЛ Германия выступает солидарно с другими западными странами, о чем свидетельствует Совместное заявление министров иностранных дел G7 от 25 сентября 2014 г., осуждающее «насилие, ненависть и нетерпимость террористической организации».

Лидеры этих стран поддерживают военные действия США и других государств (авиационные удары по позициям боевиков), помощь беженцам и перемещенным лицам, содействие умеренно-оппозиционным ИГИЛ силам в Ираке и Сирии. Германия не участвует в авиаударах. Свою роль она видит в поставках оружия и военной подготовке курдских сил самообороны Пешмерга и в гуманитарной помощи — приеме беженцев из стран региона

и программе поддержки сирийских студентов (до 3 млн евро ежегодно). Министр иностранных дел подчеркнул, что «Германия в минимальной степени способствовала хаосу в регионе. Мы не участвовали в военной интервенции в Ирак в 2003 году, которая в конечном счете ввергла регион в великие потрясения».

Из 900 тыс. прибывших в 2012 г. в ЕС иностранцев 370 тыс. осели в Германии (в 2013 г. эта цифра достигла полумиллиона). Из 92 тыс. соискателей убежища из Азии в Германии примерно по 12 тыс. (по 13%) — иракцы и сирийцы. При этом численность собственного населения Германии сокращается примерно на 200 тыс. ежегодно.

Не решенной Западом проблемой остается пресечение финансирования террористической организации и «сильного радикализирующего и вербующего влияния ИГИЛ», которое обеспечивает постоянный приток боевиков в район вооруженного конфликта, в т.ч. — из стран Запада (более 3000 человек). Особую озабоченность вызывает в Германии тема «немецких салафитов» — молодых граждан Германии, которые вступили в ряды джихадистов в Сирии (всего около 380 человек). Как минимум двое из них совершили террористические акты — самоподрывы в Мосуле и Багдаде. Общественность широко обсуждает причины исламской радикализации молодежи. Либеральный исламский союз Германии разрабатывает программу предупреждения радикализации «Мусульманин 3.0».

На этом фоне с октября 2014 г. происходит активизация и организационное оформление движения PEGIDA (Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes): «Патриотичные европейцы (европейцы-патриоты) против исламизации Запада». За короткий срок оно стало многочисленным (до 17–25 тыс. участников шествий в Дрездене) и распространилось на многие города не только Германии, но и Австрии, Дании, Бельгии, Франции и Великобритании (не столь многочисленные).

Одно из главных требований PEGIDA — ужесточение иммиграционной политики Германии: за «нулевую терпимость» по отношению к мигрантам, нарушившим закон, и за более решительную депортацию. С помощью и под лозунгами PEGIDA планируют восстановить утраченные политические позиции партии консервативно-либерального толка (ХДС/ХСС, Альтернатива для Германии, Свобода).

Решительно против этого движения, против ксенофобии и антиисламизма выступили не только официальные власти Гер-

мании, но и общественность. Во многих городах прошли многотысячные шествия анти-PEGIDA.

Политологи констатируют превращение Германии в иммиграционную страну, что не может пока осознать и принять часть населения, особенно в восточных землях. Германия должна «выработать культуру, способную интегрировать все общественные группы, ...создать фундамент сосуществования в условиях плюралистического и многообразного общества с новой идентификацией всех его членов». В связи с изменением структуры населения ФРГ приезжие рассматриваются как будущее страны.

Феномен ИГИЛ наиболее отчетливо выявил мировые и европейские проблемы: экономические (кризис, безработица), демографические (изменение структуры населения и миграция), культурологические и религиозные («исламизация» и национальная идентичность Европы, интеграция и мультикультурализм, ксенофобия и толерантность). Они требуют осмысления и поиска новых подходов к решению в условиях глобализации.

Источники

Das Auswärtige Amt — <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/WAZ.de> — <http://www.derwesten.de/>

Н.С. Кулешова

Глобальные проблемы и глобализация современного мира

Современные международные отношения характеризуются прежде всего динамичными глобальными процессами, которые существенно изменяют сложившийся миропорядок.

Анализ инновативных процессов, происходящих в обществе, выявляет, что они происходят достаточно хаотично и во все более ускоряющихся темпах. Это делает практически все современные общества обществами высокого социального риска и таких радикальных изменений, которые неадекватны психофизиологической природе человека.

Глобальные проблемы современности, теоретически осмысленные еще в конце прошлого века независимыми экспертами Римского клуба во главе с А. Печчеи, продолжают существовать объективно, и от их успешного решения на основе совместных усилий всех народов и государств зависит выживание челове-

ства и сокращение риска самоуничтожения от возможных угроз, которые несет в том числе и научный прогресс. Глобальные проблемы современности — это совокупность разнообразных жизненно-важных проблем, стоящих перед современным человечеством, начиная с катастрофического загрязнения природной среды, истощения ресурсов, разительных перекосов в демографических процессах, нехватки продовольствия и заканчивая общей глобальной проблемой — сохранения человечества на планете Земля.

Глобальные проблемы современности возникли под влиянием роста огромной искусственной среды, созданной в результате стихийной и хаотической по своему существу жизнедеятельности людей, которые обладают все более сильными средствами воздействия на природу. Особенность глобальных проблем заключается в том, что они не могут быть решены локально и усилиями только одной страны или региона. Решение глобальных проблем возможно только на основе интеграции усилий всего человечества. Проблемы должны решать комплексно и одновременно.

Глобальные проблемы современности необходимо отличать от происходящей и все усиливающейся глобализации, обусловленной нарастающей интеграцией во всех сферах социальной практики. Глобализация всей социальной практики, темпы глобализации социокультурных и политических процессов резко возрастают под влиянием геополитических, финансово-экономических и научно-технических обстоятельств современности.

Современную глобализацию определяют:

- победа США в информационно-психологической войне против СССР и других стран центральной и юго-восточной Европы, что привело к однополярности мира и росту гегемонизма США во всех сферах жизни современного человечества;
- экономический рост и влияние Китая и других азиатских стран способствовали некоторой общей стабилизации мировой экономики, ориентированной на модернизацию и новые технологии, кроме того, системный кризис в России и в других постсоциалистических странах усилил рост влияния США в странах третьего мира;
- значимым фактором глобализации, который особенно заметен, выступает информационная техника, использование которой радикально изменило все исторические процессы со-

временности и позволило исследователям современного мира охарактеризовать происходящие в современной жизни изменения как становление новой информационной культуры, и нового информационного общества, которое приходит на смену всем другим.

Современная глобализация является объективным процессом, который происходит под влиянием становления все более тесных связей между странами, регионами и континентами. На этой основе происходит своего рода гомогенизация жизненного мира современного человечества, усиливается его усредненность и универсализация. По мере роста влияния международных корпораций, которые монополизировали средства массовой информации, происходит становление массового общества, ориентированного на культурные грезы Великой Американской Мечты, американского образа.

С точки зрения апологетов современной глобализации (а к ним относятся многие известные исследователи, в том числе Э. Гидденс), глобализация включает в себя следующие составные компоненты:

- всеохватность и комплексность изменений при переходе к глобальной стадии, в этой связи в глобализирующемся обществе происходят радикальные изменения всех социальных структур, и такая изменчивость социума становится позитивной ценностью;
- все глобальные ценности и ориентиры получают априорное доминирование по отношению к местным ценностям и нормам, в том числе элиминируется и этнический фактор;
- происходит гибридизация культур, т.е. осуществляется процесс быстрого составления (в том числе и искусственного) разных культурных феноменов, в этой связи происходит объединение несовместимых казалось бы культурных артефактов и создается калейдоскопический поп-арт;
- очевидным становится акцентирование на глубинных, докультурных и доцивилизационных феноменах мышления, благодаря чему «раскрепощается» сознание;
- осуществляется решительный поворот от ценностных ориентаций «модерна» к ориентациям «постмодерна», т.е. к мозаичным и внутренне несвязанным ценностям, что характеризует и переход к такому же восприятию и конструированию социальной реальности — то есть каждый может жить в своем мире иллюзий;

- доминирует признание гражданского общества, которое рассматривается как единственная форма социальной упорядоченности глобального социума.

Специалисты по глобализации полагают, что в любом обществе, входящем в единое глобальное информационное пространство, можно наблюдать тождественные социальные матрицы. К ним относятся всеохватность и комплексность происходящих изменений; противоречивость взаимоотношений глобального — локального; плюрализм и многообразие культурных гибридов, нестойких во времени и отрицаемых культурными традициями; последовательное отрицание национального государственного фактора во имя глобальных интересов человечества; усиление этнонациональной составляющей в рамках гражданского общества; становление новой рациональности, понимаемой прежде всего как свобода самовыражения, многообразия и мультикультуризма, т.е. признание доминирования принципа мозаичности культуры на любом уровне бытия — в регионе, по возрастным, половым, расовым, этническим, профессиональным, конфессиональным и др. признакам; укрепление сетевой структуры современного общества.

Следует отметить, что нередко и западные и отечественные исследователи отождествляют глобализацию, как объективный естественно-исторический процесс современности с реализацией принципов открытого общества, в свое время выдвинутого К.Р. Поппером, который понимал открытое общество как анти-тезис в первую очередь в борьбе против тоталитаризма и за становление демократии во всем мире.

В современных условиях концепция открытого общества используется разными политическими силами, в том числе и политическими деятелями США для реализации курса гегемонизма, а также известными противниками социализма, которые потратили немало сил и средств, для того чтобы расшатать, а потом и низвергнуть социализм (например, Дж. Сорос).

Нельзя не отметить, что сама глобализация в современном мире имеет очень противоречивый характер, она приносит очевидные преимущества только пресловутому «Золотому миллиарду», т.е. наиболее развитым странам мира.

Список литературы

1. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.

2. Поннер К.-Р. Открытое общество и его враги. М., 1992; Поннер К.-Р. Нищета историцизма. М., 1997.
3. Тоффлер Э. Футурошок. М., 2001.
4. Глобализация и моделирование социальной динамики. М., 2001, 237 с.; Глобализация: сущность, проблемы, перспективы М.: Книга и бизнес, 2003. 320 с.

Е.А. Кутовая

О работе по формированию архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Азиатско-Тихоокеанский регион — один из наиболее динамично развивающихся районов мира. Здесь интенсивно разворачиваются интеграционные процессы, формируются двусторонние и многосторонние зоны свободной торговли. В наши дни Азиатско-Тихоокеанский регион становится не только центром экономики, но и центром политики. В регионе есть причины для наращивания военных arsenалов, закупок военного оборудования, роста численности вооружённых сил, гонки вооружений. Их можно поделить на три условные группы проблем: традиционные (преимущественно территориальные), новые вызовы и угрозы, новейшие вызовы и угрозы.

Региональное сотрудничество развивается, но одновременно повышается политическая температура региона. В настоящее время региональная безопасность основывается на военной силе отдельных стран и их союзов. Заключены стратегические союзы США с Японией, РК, Австралией, подписаны военные соглашения США с рядом других стран.

Существующие соглашения по безопасности в АТР, военные действия, предпринимаемые США и их союзниками (военное строительство, продажа оружия, расширение военных баз, растущая морская активность, регулярные военные учения и др.) ведут к дальнейшему росту недоверия между странами региона.

В регионе нарастает соперничество между США и Китаем, которое не может не влиять на общую ситуацию и на расклад сил. Можно констатировать определённую консолидацию проамериканских и прокитайских центров во всех странах АТР.

В АТР отсутствуют эффективные договорно-правовые механизмы в области безопасности. Не может не осложнять задачу создания подобного механизма культурное, этническое, конфес-

сиональное разнообразие стран региона. Периодически предпринимаются попытки обсуждения этой проблемы на встречах, конференциях, симпозиумах (ежегодные форумы Шангри Ла, семинары в Брунее в 2013 г., в Москве в 2014 г. и др.). Процесс формирования региональной структуры многостороннего сотрудничества в области безопасности идёт сложно, трудно, можно говорить лишь о контурах более или менее целостной региональной системы урегулирования международных отношений.

Под региональной структурой сотрудничества в области безопасности подразумевается в первую очередь совершенствование невоенных механизмов сотрудничества, формирование в АТР открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на нормах международного права, внеблоковых началах, о создании в этом ареале партнёрской сети многосторонних объединений.

Важная роль в создании основ механизма безопасности в АТР принадлежит, в первую очередь, факторам АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), АРФ (Региональный форум АСЕАН), ВАС (Восточноазиатские саммиты), СМОА (Совещания министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами), а также ШОС (Шанхайская организация сотрудничества). АСЕАН — ядро первых четырёх объединений — находится в центре всего, что происходит в регионе, по существу АСЕАН можно рассматривать сегодня не только как регионального, но и как глобального игрока. От конкретных действий АСЕАН, от её позиции во многом зависят и решения, принимаемые на встречах государств-членов АРФ, ВАС и СМОА+. На повестке дня подобных встреч — обсуждение создания мер доверия и превентивной дипломатии, организация многосторонних семинаров и симпозиумов по аспектам безопасности в Азии, проведение совместных учений, обмен информацией. В перспективе АРФ и ВАС могли бы превратиться в центр деятельности развивающейся архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР при том, что конечная цель процесса — подготовка юридически обязывающего документа о безопасности. Повестка дня саммитов ВАС (2011, 2012, 2013, 2014) включала вопрос о формировании в АТР новой, отвечающей современным реалиям архитектуры безопасности, но пока нет юридически обязывающих документов, страны АТР вправе наращивать военные расходы, не будучи подотчётны или прозрачны для соседей. Настало время перейти от дебатов к по-

литической практике, придать организованный характер сетевой дипломатии.

Несмотря на провозглашённые цели существует определённый разрыв между претензией АСЕАН на центральное место в региональных делах и пока неспособностью обеспечить эффективное функционирование механизма безопасности внутри АСЕАН и в АТР в целом.

В осложнившейся ситуации в Южно-Китайском море всё же имеются возможности для преодоления взаимного стратегического недоверия и налаживания сотрудничества в сфере безопасности, они кроются в том числе в растущей экономической взаимозависимости Китая, США, Японии, стран АСЕАН. Россия считает необходимым искать пути решения спора политико-дипломатическими методами на основе норм международного права и поддерживает усилия стран АСЕАН по выработке юридически обязывающего Кодекса поведения в Южно-Китайском море на основе Декларации о поведении сторон 2002 г.

В.Л. Пархимович

Визиты делегаций Верховного Совета СССР в Монголию в 1957 году

В 1957 году состоялось два визита советских государственных деятелей в Монгольскую Народную Республику по линии Верховного Совета СССР. С 26 по 30 мая дружеский визит в МНР совершил Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов, возвращавшийся из поездки в Индонезию и КНР [1; 8–51]. С 7 по 21 июля состоялся двухнедельный визит советской парламентской делегации во главе с первым секретарём Бурят-Монгольского обкома КПСС А. Хахаловым [1; 52–62].

Визиты состоялись вскоре после заключения в Москве советско-монгольских соглашений (поездка Ю. Цеденбала и Д. Дамбы 10–15 мая 1957 г.) об экономической помощи Монголии со стороны СССР (ориентировочно на 250–300 млн рублей, а также списание задолженностей МНР перед СССР, передача в собственность Монголии советских предприятий в этой стране). Оба визита предоставили руководству МНР возможность выразить «глубокую благодарность» видным политическим деятелям СССР и в их лице советскому народу за «бескорыстную помощь» Монголии.

Визит высшего должностного лица Советского Союза Председателя Ворошилова носил преимущественно протокольный характер. Впервые МНР посетил столь высокопоставленный советский государственный деятель. Визит был тщательно подготовлен (на периферии проведена разъяснительная работа о помощи СССР монгольскому народу, прочитаны лекции о жизни и деятельности Ворошилова, распространены его биография с фотографией в форме листовки, проведены конкурсы на лучшие песни и стихи, посвящённые Ворошилову и советско-монгольской дружбе). Пребывание Ворошилова в МНР стало большим всенародным праздником (столица была благоустроена и озеленена, сооружены две монументальные арки почёта, визит сопровождался многочисленными торжественными мероприятиями).

Поездка депутатов Верховного Совета во главе с А.Хахаловым носила в большей мере инспекционный характер (оценка эффективности использования советской экономической помощи). Этот визит не был тщательно подготовлен (под угрозой срыва оказалось проведение митинга дружбы в Улан-Баторе, так как в назначенный час на площади Сухэ-Батора практически не было людей). В то же время члены советской делегации затронули болезненную для китайско-монгольских отношений тему, дав совет руководству МНР ввозить рабочую силу из КНР. Советские парламентарии не были осведомлены о серьёзных разногласиях по этому вопросу между ЦК МНРП (готовность принимать только рабочих монгольской национальности из районов Внутренней Монголии) и ЦК КПК (согласие направлять в МНР лишь лиц китайской национальности).

Советские депутаты обнаружили много недостатков в области хозяйственного, государственного и культурного строительства в МНР (слабое развитие земледелия, убыточность животноводства, нерентабельность госхозов, несогласованность в работе партийных и государственных органов, серьёзные проблемы в коневодстве, овцеводстве) и дали практические советы по их устранению (создать МТС, увеличить количество госхозов, сделать их многоотраслевыми и рентабельными, их силами осваивать целинные земли, создать политотделы в сельхозобъединениях и госхозах, увеличить нормы выработки, поднять оплату труда).

Возглавляемая Ворошиловым делегация направила свои наблюдения (чрезмерное увлечение монгольских руководителей строительством крупных объектов, заключение с большим количеством стран торговых соглашений, не вызванных внутренни-

ми потребностями страны) и рекомендации (создание СЭВ для социалистических стран Азии, поощрение работающих в МНР советских специалистов, улучшение условий их труда и быта) только руководству СССР.

Ответный визит в СССР монгольского коллеги Ворошилова Ж.Самбу состоялся в апреле 1960 г. О степени признательности руководства МНР членам делегаций Верховного Совета за конструктивную критику свидетельствуют подготовленные ценные подарки даже для депутатов, отсутствовавших в то время в Москве [2; 1–17].

Несомненно, оба визита имели большое значение для поднятия международного престижа МНР, которая к тому времени установила дипломатические отношения только с 15 странами и не была представлена в ООН (в 1956 г. в четвёртый раз с 1946 г. заявка монгольского правительства о приёме в эту организацию была отвергнута).

И.А. Романова

**Российско-японские отношения
в условиях санкционной политики,
проводимой Западом в отношении России**

Украинский кризис в начале 2014 г. положил начало санкционной политике, которую инициировал Запад во главе с США в отношении России. К санкционной политике Западных стран присоединилась и Япония. Хотелось бы отметить, что меры, принятые японской стороной в самом начале компании, носили, в отличие от американских и европейских, менее жесткий, можно сказать, символический характер. В соответствии с заявлениями представителей японской правящей элиты в первой половине 2014 г., складывалось впечатление, что Япония вовсе не стремится присоединиться к серьезным антироссийским санкциям. В частности, 25 мая 2014 г. министр иностранных дел Японии Ф. Кисида уверял, что его стране необходимо поддерживать политический диалог с Россией. При этом, однако, он не мог не подчеркнуть, что российско-японские отношения находятся в непростой ситуации из-за событий на Украине¹.

¹ Майнити симбун. 26.05.2014.

Представлялось, что, по замыслу японского правительства, Япония, с одной стороны, проявляет определенную солидарность с Западом по ситуации на Украине, но с другой — продолжает развивать российско-японские отношения с целью продвижения по пути урегулирования проблемы территориального размежевания, существующей между двумя странами, и, в конечном итоге, заключения мирного договора между Россией и Японией.

Однако в июле-августе 2014 г. стало ясно, что Япония более не сможет оставаться в стороне от санкционной политики: под давлением со стороны Соединенных Штатов японское правительство пошло на ужесточение своей позиции в отношении России. Таким образом, японские санкции перестали носить символический характер и вылились во вполне конкретные действия, что нашло свое выражение в ограничении экономических связей между двумя государствами. Фактически, японская сторона ввела запрет на финансирование новых экономических проектов в России, японские банки отказались финансировать сделки японских компаний на покупку нефти у компании «Роснефть»¹.

Российской стороне нужно иметь в виду, что в своей санкционной политике в отношении России в связи с Украинским кризисом Япония руководствуется следующими принципами, которые будут определять дальнейшие шаги японской стороны. **Во-первых**, безоговорочной поддержкой США в вопросе о санкциях. Союзнические отношения с США являются приоритетным направлением японской внешней политики. К тому же она в значительной степени зависима от США в области обеспечения своей национальной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Япония безусловно рассчитывает на американскую военную поддержку, случись какие-либо серьезные конфликты между нею и Китаем, а также Южной или Северной Кореей. **Во-вторых**, Япония едина с Западом в вопросе недопущения изменения ныне действующих государственных границ. Присоединение Крыма к России в результате народного референдума оценено было в Японии как «незаконная аннексия Крыма», что объясняется следующим. У Японии существуют давние территориальные споры с Китаем, и она всячески стремится избегать того, чтобы лишний раз провоцировать своего соседа на активные шаги в данном во-

¹ РБК daily. 13.08.2014.

просе. Для Японии недопустимо было признать российские действия по присоединению Крыма, поскольку, по аналогии, в случае согласия Японии на российские шаги, Китай мог бы, со своей стороны, рассчитывать на активные действия по изменению существующего статус-кво в Южно-Китайском море в свою пользу. **В-третьих**, в Японии вызывает тревогу сближение России и Китая в условиях антироссийских санкций. В Японии беспокоятся, что развитие слишком тесного разностороннего российско-китайского сотрудничества может принести ущерб японским интересам. **В-четвертых**, одновременно в Японии прекрасно осознают, что продолжение санкционной политики в отношении России и участие в ней Японии явно приведет к охлаждению в российско-японских отношениях, затруднит итак непростой процесс переговоров по территориальной проблеме.

Говоря о реакции России на японские санкции, нужно отметить, что пока она остается нейтральной, иными словами, реалистичной и взвешенной. Россия не меняет своего намерения продолжать диалог по проблеме заключения мирного договора с Японией, до сих пор не исключает возможности визита российского президента в Японию, намеченного на 2015 г. Вместе с тем вызывает беспокойство следующее. В начале марта 2015 г. стало известно, что США продлевают на год санкции против России. Российская сторона оценила данные шаги со стороны Америки в условиях, «когда заключены и действуют Минские договоренности, и есть желание совершенно разных сторон урегулировать ситуацию на Украине», как решение «нанести ущерб российской экономике»¹. Какие конкретно шаги предпримет Япония в данной ситуации, и как прореагирует на них Россия?

В российских экспертных кругах существует несколько прогнозов относительно дальнейшего развития российско-японских отношений в условиях продолжающихся санкций со стороны Запада. Наиболее реалистичным представляется так называемый «нейтральный» сценарий. В соответствии с ним, Япония, предполагается, будет вести политику балансирования: проявляя солидарность с Западом, все же будет стремиться сохранять дружественные отношения с Москвой, не допуская в них явного охлаждения. Ну, что ж? Время покажет.

¹ РИА «Новости». 04.03.2015.

А.А. Сергеева

**Изучение китайского языка:
реализация «китайской мечты»
или новые возможности для России?**

С начала 2000-х годов по всему миру начался стремительный рост числа людей, изучающих китайский язык как иностранный. По официальным данным Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом (сокращенно — Ханьбань), созданной в 1984 г. при правительстве КНР, по всему миру их насчитывается более 40 млн человек. Появился даже новый термин — «лихорадка китайского языка» — определяющий ставшую модной тенденцию к изучению китайского языка и культуры Поднебесной.

Анализируя причины данного явления, можно сказать о совокупности условий и формировании определенных предпосылок, как в самом Китае, так и за рубежом. Тридцатилетний «период реформ и открытости» и провозглашенный в 2000 г. в сфере внешнеэкономических связей курс «выхода вовне» привели к устойчивому росту экономики и усилению совокупной мощи страны. Новый руководитель страны, харизматичный Си Цзиньпин, провозгласил новую идеологию, определяющую развитие страны на ближайшие годы — «реализация китайской мечты — великого возрождения китайской нации». Как в Китае, так и за рубежом ведутся горячие дискуссии на тему того, что же вкладывается в это емкое понятие. Несомненно одно — основной составляющей «великого возрождения китайской нации» являются китайская культура в широком смысле слова, включая историю, знания о современном Китае, традиции и язык, которые давно превратились в активных проводников «мягкой силы» КНР. Таким образом, в связи с усилением политического и экономического влияния Китая изучение китайского языка становится залогом успешной карьеры, продвижения своего бизнеса на широкий китайский рынок, поиска новых внешнеэкономических партнеров в Китае и других странах ЮВА, в экономике которых чрезвычайно сильно влияние китайской диаспоры. В то же время активную роль играет политика руководства КНР в распространении китайского языка и культуры, реализуемая, прежде всего, через развитие сети институтов Конфуция, различных культурных и научно-исследовательских центров.

Китайский опыт для России?

Отрадно, что с российской стороны проводятся аналогичные меры по распространению русского языка и культуры, в том числе и в Поднебесной. На данный момент Фондом Русский мир открыты семь русских центров на базе Пекинского университета иностранных языков, Даляньского университета иностранных языков, Цзилиньского университета, Межуниверситетского института в Аомэне и Шанхайского университета иностранных языков, в Гуанчжоу и Сиане. Открываются библиотеки русской литературы и культурные центры, поддерживаются грантовые проекты, проводятся курсы русского языка в Харбине, Урумчи, Сянгане, изданы ряд книг по русскому языку, на интернет-портале Фонда размещены китайские версии интерактивных образовательных программ.

Китайский язык — один из древнейших языков мира, на котором сейчас говорят более миллиарда человек. Активное распространение китайского языка является составной частью проводимой КНР политики по проведению «китайской глобализации» и создания «могущественного культурного государства» в рамках «гармоничного мира», что должно стать эффективным инструментом для решения внутренних и внешних задач развития страны. Насколько быстро и успешно будет проводиться данная программа и в какой мере «китайская мечта» заменит «американскую» — покажет время.

Источники

Сайт Канцелярии по распространению китайского языка за рубежом. <http://www.hanban.edu.cn/>

Информационный портал фонда «Русский мир». <http://www.russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php>

А.Л. Стрёмовская

Китайский стиль ведения переговоров

На фоне возрастающей роли китайцев в мировой политике и международном бизнесе наблюдается повышение интереса к китайскому стилю ведения переговоров.

Как пишет Л. Чен, «китайцы хорошо известны как трудные переговорщики» [2]. Чен отмечает большую склонность китайцев торговаться по поводу стоимости. Во многом это обусловлено, по

мнению Чен, длительным периодом «экономической и политической нестабильности» в истории Китая, научившей «людей экономить свои деньги» [2]. Китайцы иногда могут назвать слишком высокую цену в начале переговоров с целью выявления реакции другой стороны [2]. Кроме того, «китайцы с большим нежеланием идут на уступки» [2]. Согласно Чен, обычно уступкам китайцев предшествуют длительные переговоры [2]. Думается, что в действительности такая черта присуща не только китайцам. На мой взгляд, в целом, люди часто не готовы идти на уступки.

Как отмечает Л. Кац, в китайской культуре огромное значение имеет концепция «сохранения лица». «Гармония должна быть достигнута любыми средствами» и необходимо сдерживать эмоции [3]. Согласно Кацу, страх «потерять лицо» определяет склонность к непрямому общению китайцев (избеганию прямолинейности) [3]. Вместе с тем, в ходе опроса Дж.Салакьюза только 18,2% китайцев отметили предпочтение непрямого общения [5; 375].

Кац также пишет, что при том, что вежливость и смиренность — необходимые составляющие поддержания хороших отношений, эти факторы не влияют на стремление китайцев достичь определенных результатов на переговорах. Китайцы проявляют терпение и настойчивость «в достижении собственных целей» [3].

Согласно Дж. Ма, следует учитывать, что китайцы являются представителями высококонтекстной культуры, и для полного понимания китайской стороны невербальное общение может быть очень значимым [4; 70].

Результаты опроса Дж. Салакьюза также свидетельствуют о том, что большинство китайцев (81,8%) ориентировано на выигрыш обеих сторон в ходе деловых переговоров [5; 374].

Среди распространенных приемов оказания давления в Китае Кац выделяет молчание, выдвижение окончательного предложения, установление жестких временных рамок или требование пойти на ряд дополнительных уступок на завершающем этапе переговоров, когда стороны уже готовы заключить сделку [3]. При этом китайцы «избегают наиболее агрессивных ... приемов», т.к. их использование может повлиять на формирование «лица» участника переговоров или команды переговорщиков [3].

Процесс принятия решений у китайцев обычно медленный [2]. Как пишет И.А. Василенко, «китайцы никогда не принимают решений без досконального изучения всех аспектов и последствий предполагаемых соглашений. Их делегация обычно очень много-

численна, поскольку имеет в своем составе большое количество экспертов по всем вопросам повестки дня переговоров» [1; 381]. При этом в ходе опроса Салакьюза большинство китайцев отметило предпочтение единоличного принятия решения лидера [5; 379] и детализированного соглашения [5; 377–378].

В заключение следует отметить, что среди характеристик китайского стиля ведения переговоров можно выделить стремление «сохранить лицо» и построить хорошие отношения с партнером. Решение обычно принимается медленно, и все вопросы рассматриваются очень подробно. Несмотря на то, что многие китайцы ориентированы на интегративные переговоры, они любят торговаться и неохотно идут на уступки.

Литература

1. Василенко И.А. Международные переговоры: Учебник. 2-е изд. М.: Юрайт, 2013.
2. Chen L. Doing Business in China: Learn How to Effectively Negotiate with the Chinese. 2011. Kindle edition.
3. Katz L. Negotiating International Business: The Negotiator's Reference Guide to 50 Countries Around the World. Book Surge Publishing. 2006. Kindle edition.
4. Ma Z. Negotiating into China: the Impact of Individual Perception on Chinese Negotiation Styles International // Journal of Emerging Markets. Vol. 1. No. 1. 2006. P. 64–83.
5. Salacuse J. Intercultural Negotiation in International Business // Lewicki R., Barry B., Saunders D. Negotiation: Readings, Exercises and Cases. McGraw-Hill/Irwin. 5th ed. 2007.

Хао Лун

Реформирование системы госслужбы в условиях современного политического развития КНР

Процесс реформирования системы государственного управления, начавшийся в Китайской Народной Республике как и в Российской Федерации в 90-е гг. XX в. и продолжается по сей день. Он характеризуется как некоторыми общими принципами функционирования так и существенными различиями.

Сегодня продолжается процесс трансформации всех сфер социального развития Китая, основу данного процесса составляет реформирование экономики. И мы наблюдаем противоречивый процесс: с одной стороны, усилия государства направлены на

создание рыночной экономики, частной собственности, а с другой — на сохранение основ социализма. Реформы в КНР нацелены не на отрицание, а на развитие социализма с китайской спецификой. Китай, несмотря на всю радикальность экономических преобразований, в целом сохранил марксистскую идеологию.

Следует отметить, что методы реализации и тактические способы совершенствования системы государственной политики и управления во многих отношениях совпадают с российскими, что обусловлено воздействием глобализации, развитием новых технологий управления и информационной революции. Все это объясняет интерес к современной системе государственной службы Китая как важнейшему инструменту осуществления государственной политики.

В этой связи возрастают требования к профессиональной подготовке специалистов, занятых в системе государственной службы, модернизация которой требует учета как существенно изменившихся социально-экономических условий развития, так долгосрочных интересов государства.

В настоящее время Китайская Народная Республика является государством, в котором фактически вся власть, как в центре, так и на местах формируется партийными комитетами. При этом, формально, партийные комитеты сами не осуществляют государственную власть. Фактически же действует система параллельного управления при доминанте партийного аппарата.

Исходным направлением реформирования системы государственной службы и одновременно его необходимым инструментом является создание непротиворечивого, системного и эффективного законодательства, регламентирующего государственно-служебные отношения. Вопросы реформирования государственной службы в КНР действительно должны приобрести системный характер, поскольку от качества их решения во многом зависит эффективность государственного управления всех сфер жизнедеятельности китайского общества.

Таким образом, реформирование государственной службы в КНР имеет своей конечной целью повышение эффективности государственного управления. Ее достижение требует комплексного подхода к процессу реформирования государственной службы.

Основными направлениями и приоритетами дальнейшего совершенствования государственной службы в Китае, как впрочем и во многих других государствах избраны: внедрение в систему

государственной службы эффективных информационных технологий (на примере работы проекта «Открытое правительство», системы оказания государственных услуг в электронном виде) и современных методов кадровой работы; внедрение правовых и организационных механизмов взаимосвязи видов государственной службы; разработка норм служебной профессиональной этики и правил делового поведения государственных служащих; реализация антикоррупционных программ в системе государственной службы; унификация разработки должностных регламентов государственных служащих; создание и внедрение системы показателей результативности их работы; разработка и применение современных механизмов стимулирования государственных служащих к исполнению обязанностей на высоком профессиональном уровне.

Анализируя общую идеологию реформирования системы государственной службы в КНР, стоит отметить, что она, как и многое в модернизации Китая, является собой компромисс старой советской и новой модернизированной системы.

Сегодня бюрократический режим КНР остается коммунистическим, страна идет по модернизационному пути, но развитие Китая все еще определяется «догоняющим» типом развития. Мы видим колоссальную разницу между городскими и сельскими районами, процветающими прибрежными территориями и неразвитыми внутриконтинентальными частями страны. Все эти противоречия скрываются за политической системой, но одновременно обуславливают и потенциальную либерализацию социально-политической системы.

А.А. Шапошникова

Президент Республики Индонезия Джоко Видодо: причины победы на выборах 2014 г. политического новичка

- 1) Общая ситуация в стране в 2013–2014 гг.
- 2) Профессиональные и личные качества Джокови.
- 3) Взвешенный выбор кандидатуры вице-президента.
- 4) Успешно построенная избирательная кампания.

Общая ситуация в стране характеризовалась политической стабильностью — отсутствием вооруженных сепаратистских движе-

ний, острых военных конфликтов или политической напряженности. Международный имидж Индонезии существенно вырос за время деятельности президента Сусило Бамбанга Юдойоно. Акцент перешел на экономическое положение в стране: проблема не в скудности ресурсов, а в неэффективности их использования, в грубых ошибках управления, коррупции, nepotизме (два громких коррупционных дела 2013 года — арест главы Конституционного суда Индонезии Акила Мохтара и губернатора провинции Бантен Рату Агут).

Соответственно, с одной стороны, индонезийская традиция выбора президента «сильной руки» из числа военных не получила объективного подкрепления, с другой стороны, избиратели хотели видеть во главе страны грамотного администратора и хозяйственника, способного навести порядок в экономике и управлении.

Джоко Видодо на посту мэра Суракарты и затем губернатора Джакарты проявил себя как отличный организатор, администратор, умеющий создавать команду, выделять и устранять причины проблем, осуществлять мониторинг эффективности мер и вносить коррективы. В качестве борьбы с nepotизмом и неэффективностью ввел конкурсные экзамены на замещение руководящих должностей в мэрии. В числе самых резонансных инициатив: Джокови запустил программу строительства многоэтажного жилья для отселения жителей затопляемых районов, подкрепленную мерами против спекуляции муниципальным жильем; упорядочил городской рынок Танах Абанг, в прошлом рассадник криминала, сохранив при этом интересы мелких торговцев; удалил с улиц варварские цирковые шоу с дрессированными обезьянками, предоставив их хозяевам работу и профессиональную переподготовку.

Личные качества Джоко Видодо — скромность, простота поведения, общения и особенно простота быта также способствовали росту популярности.

Отсутствие у Джоко Видодо опыта деятельности в большой политике и на международном уровне было уравновешено мудрым выбором Юсуфа Каллы как совместно баллотирующегося кандидата в вице-президенты. Юсуф Калла опытен, доказал свою дипломатичность, уже занимал место второго лица во время первого президентского срока Сусило Бамбанга Юдойоно в 2004–2009 гг. и таким образом обеспечивает как бы преемственность власти от президента к президенту. Также он представляет

весомую партию Голкар, и таким образом привлекает голоса вступающего за Голкар обширного электората.

Ход предвыборной кампании. Завершающий свою работу президент Сусило Бамбанг Юдойоно не занимался вопросом подготовки преемника, в ходе кампании не высказал своих предпочтений одному из кандидатов. Поэтому административный ресурс в агитации не применялся. Лидер Индонезийской демократической партии борьбы (ИДПБ) Мегавати Сукарнопутри, уже занимала пост президента Индонезии, баллотировалась на предыдущих выборах и, несомненно, имела президентские амбиции и на 2014 г. Этим вызвана долгая задержка в номинировании кандидата в президенты от ИДПБ. Однако её рейтинг в стране был откровенно низок, тогда как популярность Джокови в массах стремительно росла. Давление масс на ИДПБ с требованием номинировать Джокови, слабость рейтинга ИДПБ в преддверии выборов в законодательное собрание побудили Мегавати назначить Джокови кандидатом.

Пиар-менеджеры кампании использовали весь широкий спектр современных методов для популяризации успехов и предвыборных обещаний Джокови: высокохудожественные музыкальные ролики на Ютубе, социальные сети, кинематограф (был задолго до начала кампании снят и показан убедительный полнометражный фильм «Джокови»), книги, СМИ, теледебаты, встречи и посиделки кандидата с простыми людьми. В агитационных материалах четко, доходчиво и выигрышно подавались личные и профессиональные достоинства кандидата.

В итоге Джоко Видодо победил, набрав 53,15% голосов против 46,85% голосов главного оппонента — генерал-лейтенанта в отставке Прабово Субиянто.

Развитие событий покажет, насколько успешной будет деятельность Джоко Видодо на посту президента.

Источники

1. Jokowi dan Mega makan siang di Warteg Ma' Djeng // Kompas (интернет-издание). 05.10.2014.
2. Shabat J&J dukung duet Jokowi — JK di pilpres 2014 // Merdeka (интернет-издание). 05.04.2014.
3. Aksi mengusik lurah Susan, FPI beri contoh buruk // Tempo. 28.08.2014.

О.Г. Акинина

Признаки имен в арабском языке

1. В арабских грамматиках, начиная со знаменитой «Книги» Сиб-авайхи (VIII в.), слова в литературном арабском языке делятся на три основных класса: имя (ism), глагол (f'1), частица (ḥarf). Троичное деление слов в традиционной арабской грамматической теории (ТАГТ) представляет собой самый высокий уровень обобщения в рамках синтаксиса. Выделение арабскими грамматистами классов слов является точным воспроизведением трех категорий речи Аристотеля: *nomen* (имя), *verbum* (глагол), *conjunctio* (союз или частица). Эти классы слов разграничиваются между собой как на основе выражаемого ими смыслового содержания, так и по формальным характеристикам.

2. Именное слово в самом общем понимании отличается от глагола и от частицы прежде всего выражаемым смыслом. В частности, имя может указывать на осязаемую, осязаемую вещь или предмет, например, *bayt* «дом», *jamal* «верблюд», *nūḥās* «медь», *Muḥammad* «Мухаммад» и др. Имя может выражать и неосязаемую вещь, которая воспринимается на подсознательном уровне, напр., *sharaf* «честь, почет», *nubl* «благородство» и др. Независимо от типа выражаемого содержания, именное слово не передает связи со временем. В этом состоит его основное смысловое отличие от глагола.

3. Арабские грамматисты называют пять основных формальных признаков, характеризующих именное слово. Первый из них связан с выражением словоизменения — категории, которая в ТАГТ объединяет имена и глаголы, исходя из формального аспекта — общности их окончаний (например, 'Abdu l-lāhi yak-tubu «Абдулла пишет»; 'inna 'Abdu l-lāhi lan yaktuba «Действительно, Абдулла не напишет»). При этом смысловое содержание, выражаемое именами и глаголами, как бы «остается за скобками» рассмотрения грамматистов. Но и на данном этапе подчеркиваются особенности имен и глаголов. В частности, имена характе-

ризуются наличием подкатегории al-jarr (обычно она соотносится с родительным падежом), формальным показателем которой является окончание -i (kasra). В арабских грамматиках именно этот признак приводится первым в ряду отличительных черт имен. Именная форма с окончанием -i употребляется либо после предлога, напр., Marartu bi 'Abdi l-lāhi «Я прошел мимо Абдуллы»; либо будучи вторым членом генитивной конструкции (идафы), напр., baytu 'Abdi l-lāhi «дом Абдуллы».

4. Два других признака арабских имен связаны с выражением категории определенности/неопределенности. В ТАГТ неопределенный артикль (танвин) соотносится с выражением значений неопределенности, неизвестности, обобщенности, которые устанавливаются с точки зрения слушающего, а не говорящего. Особенностью танвина является то, что он не фиксируется на письме в виде отдельной буквы, а лишь произносится (звук [n] — [darsun] «урок»). Наличие танвина рассматривается арабскими грамматистами как признак класса имен, поскольку танвин могут иметь и имя существительное, и имя прилагательное, и числительное, и причастие, напр., kabīrun «большой», wāḥidun «один», kātibun «пишущий», maktūbun «написанный» и т.д.

Что касается категории определенности, то она также свойственна лишь именам и формально проявляется в наличии определенного артикля [1].

5. Четвертым признаком имени арабские грамматисты называют его способность выступать в предложении в роли обращения (al-munāḍā). Это грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения, обозначающий лицо или предмет, к которому адресована речь. Обращение является по сути дела прямым дополнением, в роли которого может выступать только имя. Напр., выражение Yā Muḥammadu «О, Мухаммад!» (или «Мухаммад!») фактически преобразовано из 'adū Muḥammadan «Я зову (кого?) Мухаммада».

6. Последний — пятый признак имени заключается в способности именных слов либо самостоятельно порождать предикативную конструкцию (предложение, высказывание, сообщение), например, Al-waladu tilmīdhun «Мальчик — ученик», либо функционировать в качестве темы высказывания (musnad 'ilay-hi). Что касается глагола, то он может быть лишь сообщаемым элементом — ремой высказывания (musnad), единицей, передающей новую информацию. Например, al-waladu yaktubu «Мальчик пишет».

7. Перечисленные признаки именных слов в арабском языке свидетельствуют об оригинальном подходе арабских грамматистов к разграничению классов слов и о возможности абстрагироваться от смыслового содержания при анализе определенных аспектов грамматики.

Литература

- Акинина О.Г. Арабский язык. [Текст] / О.Г.Акинина. М.: Восток-Запад, 2004. 96 с.
 Фролов Д.В. Способы определения понятий в традиционной арабской грамматике [Текст] / Д.В. Фролов // Арабская филология: Сб. статей. М., 2006. С. 65–94.
 'Abbās Ḥasan An-naḥw al-wāfi. [Текст]: В 4 т. / 'Abbās Ḥasan. -al-Qāhira: Dāru l-ma'ārif bi Miṣr, 1975. V. I. 712 p.

С.С. Белоусов

Конструкции со значением опасения и предостережения в иврите

Среди грамматических значений особое место в языках мира занимает этическая модальность — оценка ситуации говорящим как «положительной» или «отрицательной». Значение, одновременно характеризующее ситуацию как нежелательную и дающее её эпистемическую оценку, называется апрехензивом [2: 293–294]. В ситуации, когда в намерения говорящего входит задача предотвратить опасное событие, то есть с добавлением элемента императивной семантики, выражается превентив [1: 29–30].

Современный иврит обладает богатым набором средств для выражения негативной оценки вообще и апрехензива и превентива в частности.

Среди показателей эпистемической оценки наряду с нейтральным *yaxol* 'может' существует апрехензивный *alul* 'может (что плохо)'. Они оба вводят инфинитивный оборот. Показатель *yaxol* обладает более широкой сферой употребления, встречаясь и в положительных, и в отрицательных контекстах, ср. *ani yaxol laazor lexa* 'я могу тебе помочь' и *ha-yeled yaxol lamut* 'ребёнок может (что плохо) умереть'. Показатель *alul* используется в стандартной ситуации исключительно в отрицательных контекстах, при этом в ситуации эмпатии, иронии или в иных нестандартных случаях *alul* может использоваться и в сочетании в ситуациях, иначе традиционно оцениваемых как положительные.

Также в иврите имеются показатели, которые носителями оцениваются как архаичные и встречаются преимущественно в

письменной речи, — *pen, leval* и *šema*. Все они в значении выражения опасения и предостережения вводят клаузу с будущим временем, например: *libo male xašaš pen yipol arayim arca* ‘сердце его полно опасением, **как бы не упал** лицом вниз’. Появление форм будущего времени, которые в иврите типичны для ситуации выражения ирреальной семантики, неслучайно: апрехензив описывает событие как возможное, то есть не относящееся на момент высказывания к существующему миру.

Перечисленные маркёры не характерны для разговорной речи на современном иврите. Для передачи опасения и особенно предостережения используются конструкции с формальным компонентом контроля ситуации — юссивом и прохибитивом. В ситуации живого общения широкое употребление получает превентив. Для выражения предостережения иврит использует типологически распространённую конструкцию, состоящую из двух компонентов — а) привлечения внимания и б) собственно попытки предотвращения действия: *zəhirut! al tipol!* ‘осторожно! не упади!’, что сопоставимо, например, с русским *смотри не упади* и английским *caution! do not enter* ‘осторожно! не входить’. Характерно, что императивные значения в иврите выражаются при помощи форм будущего времени. То есть, как и во второй рассмотренной категории, в этом случае возникает ирреальность как компонент значения (желаемая ситуация, на реализацию которой направлено побуждение, на момент высказывания не относится к области произошедшего).

Конструкции со значением опасения и предостережения в иврите представляют собой большой материал для исследования. Данный опыт классификации предлагает три категории способов выражения: с эпистемическим показателем и инфинитивным оборотом; со специализированными показателями, вводящими клаузу с глаголами в будущем времени; и использование форм с изначально императивной семантикой — с негативной оценкой. При этом использование форм с будущим временем в двух случаях относит апрехензив и превентив к области ирреальной модальности, что соответствует современным представлениям о типологической характеристике этих категорий.

Литература

1. Добрушина Н.Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.
2. Lichtenberk F. Apprehensional Epistemics // Modality in grammar and discourse. Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 293–327.

М.П. Берзигиярова

Метод аналогии (*qiyās*) и уподобления (*tašbih*) при анализе числовых форм в «Книге» Сибавайхи

Как известно, арабская языковая система располагает двумя способами образования форм множественного числа. Один из них предполагает изменение исходной словообразовательной модели единственного числа. В докладе рассматриваются числовые формы, полученные в результате изменений исходной словообразовательной модели. В арабской грамматической традиции они носят название *jam' taksir* ломаное множественное (далее — ЛМ).

Системное описание форм ЛМ затрудняется отсутствием универсального деривационного механизма, детерминирующего корреляцию моделей ед. и мн. ч. для любого отдельно взятого слова: с одной стороны, многие модели могут использоваться как для ед., так и для мн. ч., с другой — одной модели ед. ч. могут соответствовать разные модели ЛМ; кроме того, соответствие числовых форм, установленное на уровне моделей, нередко нарушается на уровне отдельных лексем.

Первое в арабской грамматической традиции системное описание форм ЛМ, учитывающее указанные особенности числовой парадигмы, предложено уже в самом раннем из дошедших до нас грамматических трактатов арабов — в «Книге» Сибавайхи (VIII в.) [1: 175–214].

Описание форм числа строится здесь по принципу исчисления всех возможных вариантов образования ЛМ от всех возможных основ ед. ч. При этом вводится двухуровневая система соответствия числовых форм:

– **Уровень абстрактных словообразовательных моделей.** На этом уровне устанавливается несколько разноплановых параметров, определяющих выбор ЛМ для каждой отдельно взятой модели ед. ч. Основным параметром является исходная модель ед. ч., включая количественный и качественный состав ее корневых харфов. Также учитываются количественные и качественные характеристики денотата (мощность называемого множества; разумность/неразумность; пол для разумного имени); функция имени (субстантив/атрибут; имя собственное/нарицательное); грамматический род. Модель ЛМ определяется в каждом отдельно взятом случае квантитативной актуализации индивидуальной

композицией этих факторов — отсюда и множество возможных форм ЛМ для отдельно взятой модели ед.ч.

Для каждой модели ед. ч. устанавливаются все типовые комбинации факторов и соответствующие им формы ЛМ. Так, модель ед. ч. *faʿl* имеет девять возможных форм ЛМ [1: 175–176].

Соответствия, устанавливаемые в паре «ед. — ЛМ» на уровне моделей, служат основой для формообразования по аналогии — *qiyās* (далее — *кийас*). Механизм аналогии распространяется на целые группы лексем: их формы мн. ч. образуются согласно единому алгоритму.

– **Лексемный уровень.** Механизм *кийас* не универсален: установленные на уровне моделей соответствия в паре «ед. — мн.» могут нарушаться при переходе с уровня абстрактных моделей на уровень конкретных лексем. Подобные изменения носят отчетливо узальный характер; грамматическая теория ставит своей целью объяснить такие аномалии. В этом случае *кийас* уступает место механизму уподобления — *tašbīh* (далее — *ташбих*). *Ташбих* предполагает возможность заимствования лексемой А формы мн. ч. лексемы В на основе совпадения каких-либо грамматических характеристик А и В. Так, форма *arḍun* (ед., ж.р.) *земля* получает форму мн. ч. *araḍātun*, которая обычно используется при образовании мн. ч. от основ, оформленных суффиксом женского рода *-at-*. В исходной форме ед. ч. этот суффикс отсутствует, однако сама форма обладает значением ж. р., что и служит основанием для включения механизма *ташбих* [1: 191].

Сочетание методов *кийас* и *ташбих* позволяет дать максимально гибкое и универсальное описание числовой парадигмы в самой нестабильной ее части, обеспечив своего рода мост между «грамматическим» и «лексическим» в функционировании категории числа.

Литература

Сибавайхи. Китаб. Т. 2. Каир: Булак, 1317 г.х.

Е.Ю. Бессонова

К проблеме правильного понимания и применения японских пословиц

Японская пословица *насаке ва хито но тамэ нарадзу* 情けは人のためならず у носителей японского языка вызывает трудности

в толковании. Значение пословицы: «пройдет время, и доброта, отзывчивость обязательно вернется к тому, кто доброту и отзывчивость проявил».

Однако проведенный в 2010 г. японским Агентством по делам культуры опрос населения выявил, что правильно понимают данную пословицу лишь 45.8% респондентов, в то время как 45.7% были уверены, что значение пословицы «сочувствие и помощь не приносит пользы людям, в отношении которых проявляется сочувствие и кому помощь оказывается» [1]. Аналогичный опрос проводился в 2000 г., тогда людей, неправильно понимавших значение, было еще больше (48.2%) [2]. Интерес к данной пословице со стороны общественных и государственных структур не первичный. В 1960-х годах средствами массовой информации Японии была поднята тема массового ошибочного толкования пословицы, отмечалось, что неправильное восприятие значения привело к формированию у поколения японцев безразличного отношения к окружающим: «если доброта никому не нужна, тогда и не нужно доброту проявлять». Надо отметить, что пословице с «правильной морально-нравственной установкой», которой является 情けは人のためならず *насаке ва хито но тамэ нарадзу* противопоставляются пословицы-антонимы, например: *насаке га ада* 情けが仇 «сострадание — зло», *он га ада* 恩が仇 «благодарность — зло», *дзихи га ада ни нару* 慈悲があだになる «милосердие — к добру не приводит», *насаке но дзайка* 情けの罪科 «наказание за сострадание», с другой стороны, синонимичных рядов у рассматриваемой пословицы не выявлено, что по нашему мнению и вынуждает японское общество возвращаться к проблеме правильного понимания значения данной пословицы.

Основная причина неверного толкования пословицы кроется в языковой структуре, а именно в непонимании сочетания *тамэ нарадзу*, которое часто ошибочно воспринимается как конструкция *тамэ ни нарадзу* (где *нарадзу* — отрицательная форма глагола *нару*), имеющая значение «не пойдет на пользу». В то время как архаичная форма *нарадзу* (в сочетании *тамэ нарадзу*) — это отрицательная форма связки *да, дэ ару*. Следовательно, словосочетание *хито но тамэ нарадзу* соответствует словосочетанию *хито но тамэ дэ най*, смысл которого «не для другого» (в смысле «для себя»).

Современные толковые словари, словари пословиц, изданные в Японии, приводят данную пословицу, разъясняя содержание как «если делать добро, то оно вернется сторицей», а, также указывают на возможные ошибки в понимании.

Кроме вышеприведенной поговорки существуют другие, которые, оставаясь востребованными в современном обществе, зачастую воспринимаются носителями языка неправильно. Среди таких поговорок, например, *кавайи ко ни ва таби о сасэ*: *かわい子には旅をさせよう* «любимое дитя отправляй в путешествие».

В поговорках зафиксирован многовековой опыт народа, национальная мудрость, поэтому неудивительно, что большинство японских поговорок появились в речи в прошлые века, а соответственно в них видно влияние бунго, встречается устаревшая лексика. Современное поколение не использует архаичные грамматические формы, плохо с ними знакомо, что ведет к ошибкам в толковании. Причины возникновения проблем в понимании и применении поговорок в целом можно свести к трем основным: незнакомая лексика, входящая в состав высказывания; непонятные грамматические формы и синтаксис; отсутствие реалий, отраженных в поговорках.

Литература

平成22年度「国語に関する世論調査」の結果の概要 (Результаты исследования общественного мнения «по вопросам государственного языка», 2010 финансовый год) [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/yoronchosa/h22_chosa_kekka.pdf (дата обращения: 28.02.2015).

平成12年度「国語に関する世論調査」の結果の概要 (Результаты исследования общественного мнения «по вопросам государственного языка», 2000 финансовый год) [Электронный ресурс]. — Режим доступа URL: http://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/yoronchosa/h21/kekka.html (дата обращения: 28.02.2015).

С.А. Быкова

Диалектальные формы в речи японских переселенцев в Латинской Америке

Известно, что в течение длительного периода времени, начиная с конца IX века и на протяжении всего XX века, жители Японии, представлявшие сельское население, в поисках лучшей доли переселялись в страны Латинской Америки и на Гавайские острова. Большими диаспорами представлены японцы в Бразилии и Боливии. В официальной обстановке, как и все остальные жители страны, они говорят на государственном языке, в Бразилии — на португальском, в Боливии — на испанском. Однако исследования, проведенные японскими лингвистами, свидетельствуют о том,

что не только первое поколение переселенцев, но и последующие сохраняют при общении в неформальной обстановке японский язык и даже диалекты. По данным обследования, проведенного японскими диалектологами в 2011–2013 гг., первое поколение переселенцев в Бразилию из Японии, в частности с Окинавы, крупнейшего острова архипелага Рюкю, имело гражданство Японии, занималось в основном коммерцией, плохо владело португальским языком и общалось в основном на японском языке и окинавском языке. Последний зачастую рассматривают как диалект японского языка, хотя это утверждение вызывает большие возражения. Второе поколение переселенцев по-прежнему сохраняло японское гражданство, также занималось торговлей, общалось на японском и португальском языках и уже плохо владело языком Окинавы. Третье поколение имеет гражданство Бразилии, занимается не только коммерцией, но находится также на государственной службе и работает на промышленных предприятиях. Это поколение как правило получает высшее образование, говорит только на португальском языке, не владеет ни японским языком, ни языком Окинавы. Несколько иначе складывается ситуация в Боливии. Здесь первое поколение переселенцев также имеет гражданство Японии, но занято в основном в сельском хозяйстве, говорит на японском языке и языке Окинавы, испанским владеет слабо. Второе поколение аналогично первому имеет гражданство Японии и занято в сельском хозяйстве, говорит на двух языках, японском и испанском, окинавским языком владеет уже слабо. Третье поколение переселенцев обычно обладает двойным гражданством, японским и боливийским, по-прежнему занято в основном в сельском хозяйстве, а образование получает в специально созданных для японских переселенцев учебных заведениях, т.е. не так, как прочие боливийцы. Представители этого поколения хорошо владеют и японским, и испанским языками, но не знают и не употребляют в собственной речи окинавский язык. Записи диалогов, сделанные при обследовании речи переселенцев, ярко иллюстрируют сложившуюся языковую ситуацию. Второе поколение переселенцев в Боливии, которым сейчас от 40 до 50 лет, сохраняют в речи и японский, и окинавский язык. Поколение 20-летних, т.е. третье поколение, сохраняет японский язык. В Бразилии в речи поколения 20-летних японский язык употребляется крайне редко.

Такое различие в степени владения японским языком и диалектом в Бразилии и Боливии объясняется следующим. В Бразилии среди переселенцев укоренилась тенденция получать граж-

данство Бразилии, а затем образование, аналогичное коренным бразильцам, с тем, чтобы впоследствии добиться успехов в бразильском обществе как истинные бразильцы. В Боливии переселенцы сохраняют японское гражданство или обладают двойным гражданством, а среднее и высшее образование получают в специально созданных для этого японских учебных заведениях, отдельно от коренных боливийцев. В отличие от японских переселенцев в Бразилии японские переселенцы здесь стремятся сделать карьеру в обществе на основе образования, полученного именно в этих учебных заведениях, и, занимаясь в основном сельским хозяйством, выезжают на длительные стажировки в Японию. При этом и в Бразилии, и в Боливии среди представителей второго поколения высок процент переселенцев, которые стремятся обучить своих детей японскому языку и языку Окинавы (свыше 50%). В качестве основных причин дать детям возможность знать японский язык приводятся следующие: для японца естественно знать японский язык; следует сохранять японскую культуру; следует помнить о своих истоках; надо знать родной язык, чтобы сохранить возможность общаться с родственниками в Японии; выучив родной язык, можно общаться с представителями старшего поколения, говорящими только по-японски. В отношении языка Окинавы к этому добавляется стремление привить детям любовь к языку предков и сохранить родной диалект.

Следует отметить, что возможность изучить родной язык дети переселенцев получают не только в соответствующих учебных заведениях, но также на курсах, которые организуют сами переселенцы в последние годы.

А.В. Громова

Инфинитив в диалектах Фарса

В отечественной и европейской традиции считается, что в персидском языке на синхронном уровне инфинитив состоит из основы прошедшего времени (ОПВ) и суффикса -an (например, *gof-tan говорить* и *kard-an делать*), что является результатом процессом переразложения и смещения морфологической границы в инфинитиве.

В среднеперсидском языке эта граница разделила корень и суффикс -tan (после глухих согласных, например, *gof-tan говорить*) и -dan (после звонких, например, *kar-dan делать*). Среди

причин переразложения выделяются утрата старым корневым элементом автономности как самостоятельной морфологической единицы и синхронный процесс формирования ОПВ с исходом на -d/-t. В итоге начальный согласный форманта инфинитива отошел к основе, а суффиксом образования инфинитива стал -an.

В персидской же грамматической традиции, уделяющей большое внимание истории языка, считается, что формантом инфинитива является суффикс -tan/-dan. Этой линии в своей классификации инфинитивов придерживается А. Салами.

Уточнение морфологической границы в инфинитиве позволит локализовать диалект давани на диахронической шкале между современным персидским языком и среднеперсидским языком, некоторые черты которого диалекты Фарса сохранили в своем грамматическом строе. Правомерность постановки такой задачи на материале диалектов Фарса и, в частности, давани обусловлена генетическим родством (разной степени близости) представленных в этой области языковых идиомов и современного персидского языка.

В сказании о Рустаме и Исфандияре встречаются следующие примеры употребления инфинитива: 1) *bonā-š ke nesiyat-eš kerdan начал он ему советовать*; начало-PRON.ENCL.3S + делать.PRET.3S + совет-PRON.ENCL.3S + делать.INF; 2) *bonā ke i kerdan начал делать так* начало + делать.PRET.3S + так + делать.INF; 3) *bonā-šun ke jang kerdan, folān kerdan начали они сражаться и так делать* начало-PRON.ENCL.3PL + делать.PRET.3S + война + делать.INF + так + делать.INF; *Goštās-š mā to a koštan hađetā Гуштасп хочет тебя убить* Гуштасп-PRON.ENCL.3S + идти (хотеть).PRES.3S + ты + предлог направления + убить.INF + SBJ.дать.3S.

Можно констатировать, что инфинитив в давани сочетает в себе глагольные признаки (например, в составе сложного глагола может распространяться и иметь прямое дополнение) и субстантивные синтаксические характеристики: он может входить в состав глагольной группы как компонент сложного глагола, может распространяться указательным местоимением, может иметь предложное оформление.

Последнее свойство ярко проявляется при образовании пассивного залога, который в давани образуется по модели: предлог направления *a* + инфинитив + *šedan идти* в личной форме; например: *angir a erātan še виноград был продан*; *rušan a gossan še белье было брошено*; *nu a xardan še хлеб был съеден*.

Предлагается следующая классификация инфинитивов в джавани: 1) современный тип (с -an), к нему относятся прежде всего непереходные глаголы; 2) архаичный тип (с -dan/-tan/-dan), к которому принадлежат как правило переходные глаголы, большая часть которых спрягается с энклитиками (что составляет 70% простых глаголов в подборке А. Салами, сюда же относятся и сложные глаголы с компонирующим глаголом *kētan* *делать*). Архаичный тип в свою очередь делится на подгруппы по исходу основы. В первой из них, с исходом на согласную, переразложение уже произошло, во второй, с исходом на гласную, еще нет. Для второй подгруппы характерно существование «основы» как автономной словоформы, так как относящаяся к глаголу формоизменятельная энклитика может отстоять сколь угодно далеко, и, следовательно, «основа» может рассматриваться как отдельная значимая морфологическая единица.

Такая классификация отражает диахронную шкалу развития данной формы глагола, и группы инфинитивов соответствуют разным точкам на шкале континуума от древнеперсидского суффикса -tanaу до современного форманта -an.

Литература

Mahamedī H. The story of Rostam and Esfandiyār in an Iranian dialect // Journal of the American Oriental Society. 1982. Vol. 102. P. 451–459.

Salāmi A. Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs. Vol 1. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 2004/1383. 367 p.

Д.Н. Гулидова

О понятии 'illa в трактате Ибн Йа'иша «Šarḥ al-Mufaṣṣal»

0. Термин 'illa, используемый в арабской языковедческой традиции, может обозначать, с одной стороны, причину (основание) того или иного лингвистического явления, и в этом смысле он связан с понятиями 'iṭlāl «аргументация», ma'lūl «вызванное (чем-л.), обоснованное (чем-л.)». С другой стороны, данный термин может иллюстрировать явление так называемых «слабых» харфов (ḥurūf 'illa). В этом значении интересующее нас понятие напрямую связано с понятиями mu'tall «слабый» и 'iṭlāl «слабость» [1]. Вместе с тем, 'illa воспринимается арабскими грамматистами как

отклонение (недостаток, дефект) от существующего правила, что требует разъяснения.

1. В сочинении арабского грамматиста Ибн Йа'иша «Šarḥ al-Mufaṣṣal» (XIII век), представляющего собой комментарий на трактат «al-Mufaṣṣal» (XII век) другого языковеда — аз-Замахшари, термин 'illa используется во всех упомянутых значениях. Особый интерес вызывает употребление данного понятия в контексте описания имен, имеющих неполную падежную парадигму (al-'ism ḡayr al-munṣarif или al-'ism alladī lā yanṣarif), которые в арабистике принято называть «двухпадежными» (diptotic nouns).

2. В интересующем нас фрагменте первого тома трактата Ибн Йа'иш, комментируя тезис аз-Замахшари о 9 возможных причинах отсутствия у имени полной словоизменятельной парадигмы, подробно рассматривает каждую из них, попутно поясняя соответствующие примеры. Данные «причины» включают:

1) функционирование в качестве имени собственного (al-'alamiyya): ja'faru Джа'фар;

2) женский род (at-ta'nīt): ṭalḥa Талха, ḥublā «беременная», ḥamra'u «красная»;

3) глагольная (ритмическая) модель (wazn al-fi'l): 'afkalu «гром»;

4) функционирование слова в качестве признака (al-waṣf): 'asmau «смуглый»;

5) «отступление» («отклонение») от формы (al-'adl): 'umaru Умар;

6) множественное число по модели, не представленной в единственном числе: darāhimu «дирхамы»;

7) объединение двух слов в единое целое (at-tarkīb): ḥadramawtu Хадрамаут;

8) «иноязычность» (al-'ajama): 'ismā'ilu Исмаил;

9) добавление алифа и нуна: 'adnānu Аднан.

Обращает на себя внимание, что в качестве причин, вызывающих дефектность (неполноту) парадигмы словоизменения выступают явления, относящиеся к разным сферам лингвистического анализа.

4. Ибн Йа'иш обосновывает тезис аз-Замахшари о том, что в случае наличия в имени двух из девяти причин либо «повторения» одной причины оно лишается полной падежной парадигмы. У такого имени отсутствует танвин — конечный согласный [n], выступающий показателем «правильности» имени, а также от-

существует один из показателей падежа. Если же одна из причин устраняется, то имя склоняется по полной, «идеальной» схеме.

5. Если аз-Замахшари называет соответствующие причины термином *sabab* (мн.ч. *'asbāb*), то Ибн Йа'иш использует и понятие *'illa*, с помощью которого подчеркивается «дефектный» характер описываемых явлений, будь то отсутствие у имени «правильной» падежной парадигмы или «отклонения», возникающие вследствие каких-то морфологических особенностей.

Литература

1. Versteegh Kees. 'Illa // Encyclopedia of Arabic language and linguistics. Vol. 2. Brill; Leiden; Boston, 2007. P. 308–311.
2. Ibn Ya'īsh Ya'īsh Ibn 'Alī. *Šarḥ al-mufaṣṣal*. Каир, Т. 1.

Б.А. Захарьин

Процессы увеличения — уменьшения «тяжести» слога в истории индоарийского

История индоарийского обычно делится на древнюю (ДИА), среднюю (СИА) и новую (НИА) фазы. Для рассматриваемой здесь проблемы наиболее важны отношения между НИА (с XIV в. н.э.) и предшествующим СИА (VI в. до н.э. — XIII в. н.э.), в котором, как установили исследователи, морфологический ярус подчинен фонетико-фонологическому, а внутри последнего определяющими являются просодические характеристики слов и слогов. В частности, акцентуационная маркированность вокалического слогоносителя, его долгота (напряженность), его «нагруженность» дополнительной назализацией, а также геминированность следующего за слогоносителем согласного оказываются в отношении слога в целом эквивалентными и взаимозаменяемыми свойствами, увеличивающими его исходную «тяжесть».

Исторические интервокальные группы согласных, унаследованные из ДИА, в СИА обычно трансформировались в геминаты, которые в дальнейшем, дегеминировались и при этом имплицировали компенсаторное удлинение, назализацию или акцентуационное усиление слогоносителя; далее, в эпоху НИА, в каждой из индоарийских систем мог предпочитаться какой-то из этих потенциальных вариантов. Например, СИА *assu-* (< ДИА *aśru-*)

«слеза» теоретически давала в НИА формы *‘asu ~ âsu ~ ãsu ~ ăsu*. В новоиндийский период в литературном хинди и его западных диалектах устранение среднеиндийской геминаты, как правило, компенсировалось удлинением предшествующей гласной: *kām* (< СИА *kamma* < ДИА *karman*) «дело»; в восточных диалектах хинди гласная могла приобретать назализацию или еще и удлиниться: *kām* или *kām̃*; в панджаби же обычно сохранялась среднеиндийская гемината: *kamm*.

Наряду с тенденцией к утяжелению, в истории индоарийского важную роль играли и процессы противоположного типа, предполагавшие уменьшение «тяжести» слогов — вплоть до полной редукции слогоносителя. В частности, в хинди-урду краткая */a/*, оказавшаяся в контексте VC — C=V (где «=» обозначает границу перед вокалической флексией), регулярно репрезентируется «нулем». Так, */janat=â/* → *[jantâ]* «знает», */likhan=â/* → *[likhnâ]* «писать», */laRak=i/* → *[laRkî]* «девушка» и т. п. При этом правило не работает, если гласная в «левой» части контекста (т.е. в VC) оказывается «тяжелой» за счет, например, назализации. Соответственно, */ūdan-ō + se/* → *[ūdanō + se]*, не *[*ūdnō + se]* «веревками». За вычетом */a/*, прочие гласные хинди-урду в означенном контексте не редуцируются, но, к примеру, в конкани редукция распространяется и на другие краткие гласные: */mapus=â/* → *[mapsâ]* «Мапса» (название города), */panaj=i/* → *[panjî]* «Панаджи» (название столицы Гоа).

Последствия редукции исторических кратких *i, u* максимальны в дардском кашмири, где на фонетическом уровне большинство согласных явлены «тройками» вида «нейтральный — палатализованный — лабиализованный» и где оппозиция согласных по «твердости — мягкости» стала фонологической (сравни, например, *gīr* «жеребец» — *gīr'* «жеребцы», *zūn* «луна» — *zūn* «победил»).

М.В. Зиза

Характерные тенденции словообразования в современном английском языке

Лингвистические исследования показывают, что социальные и культурные перемены внутри современного общества, технологическая «революция», глобализация, всеобщая компьютеризация

и «интернетизация» способствовали значительному расширению словарного состава английского языка (ежегодно словарь современного английского языка увеличивается на 15–20 тыс. лексических единиц).

В начале XXI в. наиболее быстро развивающимися стилями речи являются научный и научно-технический стиль, стиль рекламы (особенно потребительской), а также публицистический стиль и язык СМИ. Поэтому многие новые слова выполняют множество функций передачи смысла, в зависимости от выбранного стиля: более быстрого, сжатого, четкого, терминологического; социально-опосредованного, маркированного, сниженного или эмоционального средства донесения информации.

Наиболее удовлетворяют этим требованиям лексические единицы, образованные *словослиянием* и *сокращением*. Словослияние — процесс соединения двух (а иногда и более) слов без учета их морфологической структуры и основанный большей частью на созвучии или благозвучии соединяемых частей. К сокращениям относятся единицы вторичной номинации со статусом слова, которые образуются при помощи усечения любых линейных частей источника мотивации, в результате чего появляется такое слово, которое по форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной мотивирующей единицы.

Наиболее часто в языке встречаются следующие типы словослияния: 1. Соединение двух усеченных основ с наложением фонем или групп фонем на стыке: motel < motor + hotel, medicare < medical + care; bionics < biology + electronics; 2. Соединение начального фрагмента одного исходного слова с конечным фрагментом второго без междусловного наложения: breakfast + lunch = brunch, celtuce = celery + lettuce; 3. Соединение полной основы одного исходного элемента с усеченной основой другого слова с наложением фонем или без него: workaholic = work + alcoholic, narcoma = narcotic + coma; 4. Соединение двух полных основ с междусложным наложением: slanguage = slang + language, guesstimate = guest + estimate.

Образование новых слов путем слияния двух фрагментов основ является активным процессом в современном английском языке. Данные лексические новообразования выделяются определенной необычностью, что придает им некоторую экспрессивность. Это качество сделало такие слова очень популярными в

рекламных текстах, что способствует привлечению к ним внимания. Часто оставаясь окказионализмами, они не входят в основной словарный состав языка. Например: *netiquette* = etiquette in writing messages in Internet; *Harvestore* = a store specializing in storing harvest.

Литература по проблеме сокращения свидетельствует о том, что при теоретическом признании этого способа словообразования среди ученых отсутствует единый подход как к терминологии, обозначающей данный способ словообразования, так и к единой принятой классификации сокращенных наименований. Так В.В. Борисов предлагает следующее терминологическое обозначение: abbreviation, abucedism, acronym, alphabetic word, incomplete compound, initialism, logogram, protogram, shortening, stump-word, etc. О.М. Лашкевич проводит деление на следующие группы: 1/ инициальные: а. буквенные — произносятся в соответствии с названиями букв в алфавите — BBC, MP, PC и др.; буквенно-звуковые — VTOL [vi:tol] — Vertical Take-off and Landing; звуковые (акронимы) — читаются как обычные слова NATO, UFO; 2/ комбинированные, т.е. соединяющие усечение с инициальной аббревиатурой — Univac.

Пласт сокращений не занимает отдельную нишу, а наоборот, активно включается в лексико-семантическую систему языка. Сокращение, как словообразовательный способ, поставляет в язык новые образования, которые функционируют подобно лексическим единицам, отвечая лексико-грамматическим, деривационным показателям полнозначного слова.

Словослияние и сокращение являются продуктивным способом образования новой лексики в современном английском языке, благодаря особенностям его фонетико-графической и морфологической систем.

Список литературы

1. Лашкевич О.М. Тенденции словообразования в современном английском языке // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 5. С. 45–52.
2. Максимова Т.В. Современные тенденции развития сокращения как способа словообразования в английском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. 2003. Серия 2. № 3. С. 85–91.
3. Marchand H. The Categories and Types of Present Day English Word Formation // Readings in Modern English Lexicology. М.: Изд-во Моск. университета, 1967. 141 p.

В.Б. Иванов

Гилякская просодия¹

Гилякский язык (ГЯ) с его диалектами входит в северо-западную подгруппу иранских языков (т.е. является далёким потомком мидийского языка). Распространён в иранской прикаспийской провинции Гилян и её окрестностях. В отечественной иранистике язык называется гилянским, что на наш взгляд не совсем корректно. Предлагается отличать топоним «гилянский», т.е. относящийся к провинции Гилян, от этнонима «гилякский», т.е. относящийся к гилякам — народности, населяющей Гилян. Так поступают в зарубежной иранистике (Расторгуева, 1999, с. 112), что представляется более корректным. Гилянцами же называют всё население Гиляна независимо от национальности (гиляков, персов, талышей).

ГЯ, как и другие прикаспийские языки (мазандеранский, талышский), имеет равнинную и горную разновидности. К первой относят диалекты Решта (как ведущий), Лахиджана, Лангеруда, Дейлемана. Последняя называется *gāleši* (от слова *gāleš* *пастух*). В наши дни использование письменности на основе арабицы для культурно-просветительской деятельности существенно расширилось. Из печати регулярно выходят журналы, художественная проза, поэзия, словари пословиц и поговорок. В гилякский алфавит введена специальная огласовка в виде надстрочной семёрки (7) для обозначения отсутствующего в персидском гласного шва (ə), который одновременно является изафетным показателем.

В процессе начитывания двумя информантами по книге (Расторгуева, и др., 1971) гилякских текстов, изображённых латиницей, было замечено, что там вокализм сдвинут в сторону таджикского. В подавляющем числе слов вместо [e] было написано [i], а вместо [o] — [u], например: записанную в книге фразу *Či kuni? Či kār kuni? Čto ty delaesh? Čem zanimayesh?* информанты произносят *Če koni? Če kār koni?*, т.е. на персидский манер. Однако персидский шаблон прослеживался не всегда, например: слово *шапка* произносилось по таджикскому образцу *kulāh*, а не по персидскому *kolāh*. Кроме того, информанты часто делали замечания и по лексическому составу текстов. Дескать, мы понимаем эти фразы с трудом, сейчас так не говорят. Вывод: зафиксированные гилякские тексты требуют тщательной переработки и правки.

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ №13-04-12016.

Для выяснения типа ударения в ГЯ была записана речь трех информантов-мужчин и одной женщины. Из этих записей было выбрано 41 двусложное слово как с финальным, так и начальным ударением. Таким образом, было обработано 82 слога. По каждому слогиносителю (гласному) с помощью программы Praat (www.praat.org) было измерено 5 параметров (длительность, частота основного тона (F_0), площадь кривой тона, интенсивность (I), площадь кривой интенсивности). Абсолютные значения параметров были переведены в относительные (за 100% принималось значение параметра в ударном слоге).

Полученная таблица параметров была обработана дисперсионным анализом с помощью статистического пакета SPSS по общей многомерной модели. Связь ударения с F_0 оказалась высокозначимой ($p < 0,001$). В ударном слоге в среднем тон повышается на 9,4% (малая секунда). Более слабым, но всё же значимым фактором оказалась интенсивность ($p = 0,006$), которая возрастала в ударном слоге в среднем на 2,3%. Длительность слогиносителя никак не связана с его ударностью ($p = 0,947$). Остальные параметры для просодии также незначимы ($p > 0,05$).

Согласно слуховым оценкам ударение в ГЯ однокомпонентное динамическое (Расторгуева, 1999, с. 115), (Расторгуева, и др., 1971, с. 27). Переопределяя их, отметим, что ударение в ГЯ — двухкомпонентное, тоно-динамическое. Основным фактором является тон, второстепенным — интенсивность. Значимость интенсивности для различения ударных и безударных слогов в иранских языках мы обнаруживаем впервые. До этого нам она встретилась только в одном неиранском (изолированном) языке — бурушаски (Иванов, 2013). В других иранских языках ударение однокомпонентное: либо тоническое (как в персидском, таджикском), либо квантитативное (как в дари, пашто; более подробно см. (Иванов, 2012)).

Список литературы

Иванов В.Б. Гласные и многокомпонентное ударение языка бурушаски [Конференция] // Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тезисы докладов научной конференции. М.: ИД-Ключ, 2013.

Иванов В.Б. Ударение в иранских языках [Конференция] // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции / Под ред. М.С. Мейер и Л.В. Гевелинг. М.: ИД «Ключ-С», 2012. С. 49–51.

Расторгуева В.С. [и др.] Гилянский язык [Книга] / Под ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука, 1971. 321 с.

Расторгуева В.С. Гилянский язык [Раздел книги] // Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик, 1999. Т. II: 3.

О.А. Иванова

Сравнения в австрийской авторской сказке (Ф. Тегеттхофф)

Сравнения представляют собой один из методов познания мира и способ закрепления этого познания в культуре. В данном исследовании рассматриваются подходы к анализу сравнительных конструкций, проводится их конституентный анализ в авторских сказках Фольке Тегеттхоффа с точки зрения методики поля, семантический анализ выявленных конструкций с наиболее высокой частотностью использования автором и определяется область их функционирования. На основе полученных данных будет возможным сделать вывод о преобладающем концепте, который стал достоянием языка и сознания современного читателя.

Актуальность исследования сказок Тегеттхоффа объясняется необыкновенной популярностью этого автора в наши дни (1,4 миллиона книг этого автора уже проданы, 40 книг переведены на 12 языков), с одной стороны, а также отсутствием данных по исследованию сравнений в авторских сказках, их роли в определении специфики национальной языковой картины мира, с другой.

Эмпирическим материалом на данный момент являются около 840 примеров сравнений, которые были взяты из 90 сказок Ф. Тегеттхоффа.

Аксиологические возможности авторской сказки не вызывают сомнений. Другое дело как автор выражает их. Из анализа следует, что у Ф. Тегеттхоффа сравнения с *wie* и *als* играют особую роль: их число и продуктивность показывает анализ. Вторую позицию занимают сложноподчиненные предложения сравнительного характера. На третьем месте — степени сравнения прилагательных. Эти конституенты образуют «скелет» Поля Сравнения в авторских сказках Тегеттхоффа.

Среди грамматических средств Микрополя Равенства преобладающей является конструкция с *wie*. Базис сравнения может быть опущен. Автор употребляет в основном устойчивые сравнения, некоторые из них являются свойственными югу Баварии/Австрии. Среди устойчивых сравнений преобладает конструкция Verb + Part. II. В результате текст получает особую образность, и тем самым завоевывается внимание читателя.

Среди всех сложноподчиненных предложений наиболее часто употребляемыми являются придаточные с *als*. Они употребляют-

ся как с глаголами чувственного восприятия, так и с глаголами поведения. Ирреальность действия в данной группе превалирует над реальностью, что объясняется жанром сказки. Эти конструкции помогают читателю представить состояние описываемых объектов, что способствует развитию эмпатии.

Характерной чертой автора является область сравнения объектов: как считается, чем дальше лежат друг от друга сферы сравнения, тем красивее и образнее звучат сравнения. У Тегеттхоффа области сравнений часто вообще совпадают: объект, подлежащий сравнению, передается через знакомый эталон данной же сферы. Автор часто использует довольно простые, всем понятные и общепринятые для данного региона сравнения, которые могут повторяться в его текстах, что обеспечивает их запоминание.

Самым излюбленным объектом сравнения служат живые существа: люди, растения, животные. За ними следуют предметы — все, что составляет мир ребенка, что манит его. Все использованные сравнения принадлежат концептосфере «Человек». Автор избегает сравнивать предметы, живые существа, действия с чем-либо негативным. Позитивные качества используются наоборот часто. Тем самым автор выдает свое отношение к миру: положительным признакам он дарит больше внимания и эмоций.

Литература

1. Buscha J., Freudenberg-Findeisen R., Forstreuter K. Küntzsch Grammatik in Feldern. Verlag für Deutsch, 2001.
2. Sommerfeldt K-E, Starke G. Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart. Leipzig: Veb Verlag Enzyklopädie, 1984.
3. Tegetthoff F. Alles Liebe. Haymon, 2010.
4. Tegetthoff F. Kräutermärchen. Nymphenburger, 1998.
5. Tegetthoff F. Neue Kräutermärchen. Nymphenburger, 2005.

С.А. Кондрашевский

Редупликация как способ выражения категориального значения состояния или интенсивности признака у прилагательного в китайском языке

Проблема редупликации прилагательных в китайском языке разных периодов его истории поднимается в работах многих китайских лингвистов. Интенсивность признака в китайском языке может быть выражена средствами лексики, грамматики и фоне-

тики. Редупликацию прилагательных в современном китайском языке Чжао Юаньжэнь и Люй Шусян в разных формулировках считают «способом усиления интенсивности признака, выраженного прилагательным», Го Жуй и Чжу Дэси считают её «формой прилагательного в функции предиката качества». Очевидно, что при обоих подходах к описанию семантики редупликации прилагательных ее основной функцией является экспрессивное выражение интенсивности признака объекта или состояния субъекта.

Чжао Юаньжэнь, Люй Шусян и Чжу Дэси отмечают, что редупликации односложных качественных прилагательных представляет собой единую грамматическую форму, связанную обязательным чередованием тона исходной морфемы. Редупликация качественных прилагательных усиливает интенсивность признака исходной качественной морфемы и сопровождается различными фонетическими изменениями в структуре слова.

При редупликации двусложных прилагательных обнаруживается различное понимание ее семантики в зависимости от синтаксической связи морфем. Так интерес представляет трактовка синтаксических связей в редупликациях типа ААББ 滔滔滚滚 «бурно текущий», поскольку, будучи удвоением атрибутивной синтаксической конструкции, в современном китайском языке она признаётся одним четырехсложным словом, а не синтаксической конструкцией.

Лексический способ предполагает описание категории состояния с помощью определения, выраженного прилагательным-предикативом 姑娘的脸通红的 «лицо у девушки покраснелось». При этом по Чжу Дэси суффикс 的, служит средством формирования семантики состояния субъекта, выраженного двусложным или многосложным прилагательным. Очевидно, что этот суффикс, с точки зрения структуры, оформляет прилагательные-предикаты, а с точки зрения прагматики — усиливает атрибутивную функцию основы таких суффиксальных форм. Таким образом, мы можем сказать, что суффикс -дэ 的 является морфологическим средством выражения состояния субъекта.

Грамматический способ более характерен для древнекитайского языка, где для передачи интенсивности признака используются как морфологический прием аффиксации, так и синтаксические средства. Аффиксация выступает в форме сочетания прилагательного с древнекитайскими префиксами 有, 其, 思, а также постфиксами 如, 尔, 然, которые в служебной функции придают односложным прилагательным-предикативам значение состояния.

Подобная аффиксация иногда напоминает редупликацию. Так в Шицзине встречаются сочетания типа 有上帝 и 皇皇后帝, из чего можно сделать вывод о том, что категория состояния могла передаваться не только редупликацией, но и с помощью аффиксации.

В древнекитайском языке редупликация также является регулярным морфологическим средством. Для этого используется фонетический способ образования формы интенсивности признака. В целях усиления интенсивности признака, от прилагательного могут быть образованы неполные редупликации деюнь и шуаншэн, при которых соответственно изменяется финаль или инициаль исходного слога. С этой же целью от древнекитайских качественных прилагательных образуются также полные редупликации, где по правилам современного чтения изменяется тон второго слога.

Н. Крнета

Частицы *нэ* и *са* в японском языке, их значения и функции

В японском языке существует особая группа слов — выражений эмоций и настроения (*дзё:и хё:гэн*). Согласно принятой классификации эта группа слов делится на модально-экспрессивные частицы в заключительных позициях (*сю:дзё:си*), междометия (*кандо:си*), междометия и частицы, которые употребляются в незаключительной позиции с целью эмоционального выделения части высказывания или для осуществления эмоционального контакта с собеседником (*канто: дзё:си*). Модально-экспрессивные частицы играют важную роль в речи японцев. Они придают дополнительный оттенок всему высказыванию, выражают эмоции, настроение, желания говорящего. Кроме этого модально-экспрессивные частицы используются для укрепления взаимосвязи между участниками речевого акта, взаимного наблюдения настроения и реакций и выражения женственности/мужественности. Заключительная частица не связана со значением той синтаксемы, к которой присоединяется, а определяет значение предложения в целом. Эта группа слов факультативна — их можно опускать без нарушения грамматических правил, но меняется оттенок высказывания, т.е. коммуникативное значение. В то же время, одна и та же модально-экспрессивная частица в зависимости от контекста,

намерений говорящего и предшествующей ей формы сказуемого может служить для выражения различных эмоций.

Что касается распространенности модально-экспрессивных частиц, то они встречаются преимущественно в разговорном языке. Чаще всего эти частицы используются в неформальной устной речи. С повышением уровня формальности ситуации количество заключительных частиц в речи уменьшается. Повседневная разговорная речь отличается богатством использования частиц. *И среди них нэ и са являются одними из самых употребительных. Следует отметить, что частица са чаще встречается в речи мужчин, чем женщин, а частицу нэ используют представители обоих полов, хотя до 90-х гг. XX в. частица нэ считалась более подходящей для женщин. Разница в использовании в зависимости от пола обусловлена разницей в оттенках значений, которые эти частицы придают высказыванию.*

Модально-экспрессивная частица *нэ* употребляется чаще, чем любая другая частица. Считается, что в среднем 30–50% всех высказываний сопровождается *нэ*. Чаще других ее используют люди старше 50-и лет. *Нэ* придает предложению оттенок требования согласия у собеседника или подчеркивает сказанное. В таких случаях *нэ* обычно произносится кратко и с повышением тона. В случае ожидания ответной реакции собеседника гласная в *нэ* удлиняется (частица звучит как *нээ*) и произносится ровным тоном. Частица *нэ* сочетается и с простыми, и с адрессивными формами сказуемого, а также сопровождает глаголы повышенного уровня вежливости (например, *итасимасу нэ*).

Частица *са* придает высказыванию оттенок категоричности и уверенности. Говорящий считает сказанное очевидным и достоверным. Также ее используют для передачи значения удивления и возмущения. Таким образом она чаще всего используется после констатирующих высказываний, которые говорящий использует, чтобы овладеть доминантной позицией в беседе. Сочетается она чаще с простыми формами сказуемого, но может следовать и после адрессивных.

Принято считать, что *нэ* и *са* являются заключительными модально-экспрессивными частицами. Тем не менее, они встречаются и в срединной позиции, и тем самым их можно причислить и к *канто*: *дзёси*. В то же время, существуют междометия, используемые для обращения к собеседнику, которые по форме полностью соответствуют фонетическим вариантам обеих частиц, а именно *нэ*: и *са*:. В сочетаниях с местоимениями, например,

корэ са: или *ано нэ*: они стоят в начале нового отрезка разговора, когда говорящий привлекает внимание собеседника к определенному предмету и «просит» его сотрудничества в осуществлении коммуникации. Таким образом, междометия *нэ*: и *са*: выполняют те же функции, что и частицы *нэ* и *са* в конце и в середине предложения, в результате чего встает вопрос об оправданности классификации частиц по тому месту в фразе, где они находятся.

Литература

Морита Э. Сю:дзёси, канто:дзёси-но кубэцу-ва хицүе: ка (Оправданно ли разделение на заключительные и срединные частицы?) // Гэнго. 2007. 36 (3).

Прасол А.Ф. Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1999.

В.Г. Курочкин

О новейших глагольных неологизмах японского языка

Агентство по делам культуры Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии 24 сентября 2014 года опубликовало результаты опроса, проводившегося в 2013 году относительно норм употребления родного языка. Результаты опроса показали, что почти половина респондентов активно употребляют неологизмы формы [нативное существительное или иностранное заимствование «гайрайго» + глагол *する* (делать, осуществлять)], типа *事故る* (дзикору (яп.) — попасть в дорожно-транспортное происшествие, либо быть его виновником) или *パニクる* (паникуру (яп.) — паниковать).

Также обращает на себя внимание употребление в изменённом смысловом значении идиоматических выражений типа *世間ずれ* (сэкэн дзурэ (яп.) — хитрость и смекалка, приобретённые на личном опыте и знании тёмной стороны общества).

Данное исследование проводилось по всей Японии. Было опрошено 3500 респондентов в возрасте от 16 лет, и ещё от 2000 респ. были получены ответы в письменном виде.

Исследовательская группа Агентства по делам культуры выбрала десять следующих лексем. Положительные ответы («да, употребляю») выражены в процентном отношении.

チンする (тин-суру (яп.) — разогревать или готовить в микроволновой печи) — 90%

サボる (фр. гайрайго + глаг.) (сабору (яп.) — лениться, прогуливать работу или учёбу) — 86,4%

お茶する (отя-суру (яп.) — ходить, проводить время в кафе) — 66,4%

事故る (дзикору (яп.) — попасть в дорожно-транспортное происшествие, либо быть его виновником) — 52,6%

パニクる (паникуру (яп.) — паниковать) — 49,4%

愚痴る (гутиру (яп.) — жаловаться, ворчать, ныть, хныкать. Быть невежественным, неспособным распознать правду) — 48,3%

告る (кокуру (яп.) — признаваться в любви) — 22,3%

きよどる (кёдору (яп.) — совершать странные, вызывающие поступки) — 15,6%

タクる (такуру (яп.) — пользоваться такси, садиться в такси) — 5,9%

デイスる (дисуру (яп.) — оскорблять, поносить, ругать) — 5,5%

Глагол *デイスる* в официальном рейтинге занимает последнее место с результатом 5,5%, однако по данным независимого опроса среди респондентов в возрастной группе 10–30 лет, она набрала около 30%. То есть, по всей вероятности, частота её употребления будет расти.

Анализируя данные опроса, неправомерно делать выводы об отклонении от норм и логики словообразования японского языка, так как все указанные лексемы только подтверждают правила. Однако необходимо отметить, что сама их сфера употребления чрезвычайно сегментирована по возрастному критерию, но не по полу.

Любопытными оказались результаты опроса в отношении идиомы *世間ずれ*.

55% опрошенных употребляют это выражение в значении «думать, полагать иначе, чем это принято», когда изначально её значение «хитрость и смекалка, приобретённые на личном опыте и знании тёмной стороны общества». В исходном значении её употребляют только 36% респондентов.

Результаты опроса 2004 года указывают, что в исходном значении её употребляли 51% опрошенных. Т.е. можно сделать вывод о смысловом замещении, спровоцированном лексемой *擦れ* (сурэ (яп.) «дзурэ» в сочетании) — потёртость, трение, перипетии жизни (переносн.), которая ассоциирована с глаголом *外れる* (хадзурэру (яп.) — отклоняться, быть отличным от чего-л.).

Идиому *まんじりともせず* (мандзири томо сэдзу (яп.) — без сна, без отдыха) в исходном словарном значении употребляют 29% опрошенных, а в новом значении «без движения» — 52%.

Ссылки

1. Нихонго дзокуто дзисё («Словарь просторечий японского языка») 2005–2014.
2. Нихон кэйдзай симбун. «Японская экономическая газета» (Публикация 24 сентября 2014 г.).
3. Сайт Агентства по делам культуры Японии (<http://www.bunka.go.jp/>).

В.В. Лебедев

О порядке слов в арабской языковой системе (Вопросы теории арабской грамматики)

1. Языковая система **экономна**. Тем самым она «учитывает» физические возможности своего «пользователя».

Языковая система **избыточна**. Тем самым она обеспечивает себе самое необходимое условие надежности.

Какой из этих принципов является определяющим для функционирования порядка слов (ПС) в арабской языковой системе? Каков знаковый потенциал ПС в этой системе?

2. «Вовлеченность» ПС в функционирование арабского языкового механизма проявляет себя в следующих эмпирических фактах:

2.1. *gasama 'l-waladu* нарисовал ОПР мальчик ИМ 'Мальчик нарисовал' ↔ *'al-waladu gasama* ОПР мальчик ИМ нарисовал-он 'Мальчик — нарисовал';

2.2. *gasama waladuⁿ* нарисовал мальчик ИМ НЕОПР 'Нарисовал мальчик' ↔ *waladuⁿ gasama* мальчик ИМ НЕОПР нарисовал-он 'нарисовавший мальчик';

2.3. *hunā waladuⁿ* здесь мальчик ИМ НЕОПР 'Здесь мальчик' ↔ *waladuⁿ hunā* мальчик ИМ НЕОПР здесь 'мальчик [находящийся] здесь/здешний мальчик';

2.4. *'al-waladu hunā* ОПР мальчик ИМ здесь '[Этот самый] мальчик здесь' ↔ *hunā 'al-waladu* здесь ОПР мальчик ИМ 'Здесь [этот самый] мальчик';

2.5. *hāzā 'an-nahāru jamīluⁿ* этот ОПР день ИМ прекрасен ИМ НЕОПР 'Этот день прекрасен';

jamīluⁿ hāzā 'an-nahāru прекрасен ИМ НЕОПР этот ОПР день ИМ '[Как] прекрасен этот день!';

2.6. šukraⁿ jazīlaⁿ благодарность ВИН НЕОПР большую ВИН НЕОПР 'Большое спасибо!' ↔ jazīla 'aš-šukri огромную ВИН ØАРТ ОПР благодарность РОД 'большое спасибо';

2.7. ḥamsatu kutubiⁿ пять ИМ ØАРТ книг РОД НЕОПР 'пять книг' ↔ 'al-kutubu 'al-ḥamsatu ОПР книги ИМ ОПР пять ИМ 'Пятикнижие';

2.8. hāzā rasmu 'al-waladi это рисунок ИМ ØАРТ ОПР мальчика РОД 'Это рисунок мальчика' ↔ (rasmu 'al-waladi hāzā рисунок ИМ ØАРТ ОПР мальчика РОД этот 'этот рисунок мальчика' ↔ rasmu hāzā 'al-waladi рисунок ИМ ØАРТ этого ОПР мальчика РОД 'рисунок этого мальчика');

2.9. rasama 'al-waladu 'al-lawḥa нарисовал ОПР мальчик ИМ ОПР картину ВИН 'Мальчик нарисовал картину' ↔ rasama 'al-lawḥa 'al-waladu нарисовал ОПР картину ВИН ОПР мальчик ИМ 'Картину нарисовал мальчик' ↔ 'al-lawḥa rasama 'al-waladu ОПР картину ВИН нарисовал ОПР мальчик ИМ 'Картину нарисовал мальчик' ↔ 'al-waladu rasama 'a-lawḥa ОПР мальчик ИМ нарисовал-он ОПР картину ВИН 'Мальчик нарисовал картину' ↔ 'al-lawḥu rasama-hu 'al-waladu ОПР картину ИМ нарисовал-ее ОПР мальчик ИМ 'Картину нарисовал мальчик'.

3. ПС решает в арабской языковой системе следующие грамматические (и информационные) задачи:

3.1. Противопоставление именного типа предикации глагольному (различение информации о состоянии и информации о событии) — ф. 2.1.

3.2. Противопоставление предложения атрибутивному словосочетанию (различение информации-сообщения о событии или состоянии, сопряженной с категорией времени, и расширенной номинации, «свободной» от временных значений):

3.2.1. Противопоставление глагольного предложения атрибутивному словосочетанию (различение информации о том, кто/что является субъектом действия и информации о признаке лица/предмета, связанного с действием) — ф. 2.2.

3.2.2. Противопоставление бытийного предложения атрибутивному локальному словосочетанию (различение информации о предметной характеристике некоторого пространства и информации о пространственной характеристике некоторого лица/предмета) — ф. 2.3.

3.2.3. Противопоставление предложения тождества атрибутивному словосочетанию (различение информации об идентификации и расширенной номинации) — ф. 2.8.

3.3. Противопоставление предложения с «прямым» порядком слов предложению с инверсией (различение информации без экспрессии и информации с эмфазой) — ф. 2.4, 2.5; 2.9.

3.4. Противопоставление генитивного сочетания числительного и исчисляемого атрибутивному сочетанию исчисляемого и числительного (различение информации о числе счетных предметов и информации о количественной заданности предметов, составляющих закрытый список) — ф. 2.7.

3.5. Противопоставление атрибутивного словосочетания генитивному (различение расширенной номинации с невыделенным признаком и номинации с коммуникативно подчеркнутым признаком) — ф. 2.6.

Т.М. Махаматов

Отражение общественно-исторических процессов в эволюции национального языка

Проблема языка, имеющая многоаспектный характер, в первую очередь тесно связана с пониманием диалектики социализации человека и особенностей современного этапа процесса глобализации. Потому и методологически было бы правильным исследовать динамику языка в единстве вышеуказанных аспектов.

Язык является, по словам Гегеля, наиболее совершенным выражением духа. Следовательно, его совершенство определяется уровнем развития мышления и сознания человека. Современные когнитивные исследования выступает как переход из «несловесного языка» в животном мире к словесному языку и этот процесс происходит в неразрывном единстве с процессом превращения «неязыкового мышления» в языковое, рождение понятийного мышления человека. «Все высокоразвитые животные обладали и обладают языком как средством коммуникации, но не словесным».

Если элементарное мышление животных формируется на базе инстинкта и ориентировочной деятельности, то человеческое мышление рождается не только на основе способности создать орудие труда и орудийной деятельности, но и благодаря своему органическому единству с образованием языка. Согласно фило-

софским исследованиям З.М. Оруджева, язык является *первоначалом* в становлении человеческой природы. «Первоначало еще не явилось рождением природы человека, — пишет автор, — но уже ознаменовало «конец» того, что господствовало до него (отсюда — *разрыв*: словесный язык как первоначало отделяет животное от человека). Словесный язык лишь породил действительное начало, с которого началось формирование природы человека — сохранение внутреннего времени, то есть прошлое».

Элементарное мышление и несловесный язык высокоразвитых животных не выходит за рамки природно-предметного мира. Но словесный язык человека, формируя память, сохраняя и накапливая прошлое, осуществляет переход от материальной деятельности к идеальной, от объективной реальности к субъективной.

Обусловленность данного восхождения с процессом перехода от несловесного к словесному мышлению подтверждается исследованиями онтогенеза речи и умственной деятельности у детей. Как писала Н.И. Лепская, «в период перехода от лепета к речи (10–18 месяцев) в процессе предметной деятельности у ребенка накапливаются первоначальные знания об окружающем: познаются объекты внешнего мира, уясняются их действия». Далее она делает вывод: «Таким образом, доречевая стадия играет важную роль в последующем формировании ребенка как личности: здесь закладываются основы не только его физиологического, но и социального, а также собственно языкового развития».

Совершенствование языка отражает развитие мышления (формирование понятийного знания), конкретизацию знания, переход от неявного к явному знанию, от непосредственного предметно-ситуативного «доязыкового мышления» к «языковому». Оно основывается на накоплении практического опыта и развитие вербального выражения знания предмета и действия.

А.Д. Кошелев отмечает, что «концептуальный мир носителя языка разделяется на два слоя: слой **доязыковых концептов**, непосредственно соотнесенных с его жизненным миром и дающих его первичную категоризацию — **доязыковый мир**, и слой **наименованных языковых концептов (значений)** — продуктов когнитивного развития доязыковых концептов, — **языковый мир**, задающий категоризацию уже самих доязыковых концептов. Этот языковый мир состоит из **смыслов**, т.е. языковых ситуаций».

В результате своей эволюции язык приобретает относительную самостоятельность и становится активным фактором бытия общества. Он уже не только материальное бытие мысли, но и такой феномен, который способствует совершенствованию отношений между индивидом и коллективом; *создает идеальный и личностный мир индивида* и общественную память, общественное сознание, первой формой которого является миф. Развитие языка, сопровождающееся эволюцией памяти, формированием представлений и интериоризированной речи, проявляется в его выходе за рамки непосредственной предметной деятельности, в опосредованном отражении предметов и процессов. Теперь слова как знаки превращаются, по словам Л.С. Выготского, в «интеллектуальные орудия» «словесно-речевой деятельности», органически связанной с трудовой деятельностью, но имеющей относительную автономность от нее и противоположную направленность. «Существеннейшим отличием знака от орудия (труда. — Т.М.) и основой реального расхождения обеих линий, — пишет Л.С. Выготский, — является различная направленность того и другого. Орудие... направлено вовне, оно должно вызвать те или иные изменения в объекте, оно есть средство внешней деятельности человека, направленной на покорение природы. Знак... есть средство психологического воздействия на поведение — чужое или свое, средство внутренней деятельности, направленной на овладение самим человеком; знак направлен внутрь». Внутренняя деятельность, основанная на словах-знаках, т.е. на функционировании языка, формирует способность абстрагироваться от реальности, уходить в особую субъективную реальность, в мир идеальной деятельности. Это свидетельствует, что благодаря языку образуется внутренний мир субъекта-индивида; общество становится диалектическим единством индивидов и коллектива, его единство начинает опираться на слова-язык, на понимание прошлого, заключаемого в мифе.

Другим важнейшим фактором эволюции языка является внешние контакты сообщества с внешним миром, то есть открытость или закрытость общества. Происходит прямое или преобразованное заимствование слов и выражений, что приводит к качественному и количественному изменению языка. «Количественное и качественное развитие языка обусловлено «уровнем развития мышления людей и культурой народа определенного периода его существования». Современный этап глобализации, способствуя распространению новейших технологий и продук-

тов массовой культуры, активно влияет на динамику языка. Этим же процессом обусловлено процесс коэволюции национального языка у его носителей. Например, благодаря спутниковому телевидению, интернету национальные языки в разных концах нашей планеты становятся почти идентичными.

Ю.Ф. Музыченко

**Энциклопедия Байду Байкэ:
возможности для исследования
и преподавания китайского языка**

Байду Байкэ («Энциклопедия Байду», далее ББ) — один из трех главных интернет-проектов китайской компании Байду: официальной датой рождения проекта считают 21 апреля 2008 года [1].

Проект представляет собой редактируемую пользователями он-лайн энциклопедию.

В настоящее время — это один из крупнейших он-лайн ресурсов подобного рода не только в КНР, но и во всем мире: к ноябрю 2014 года количество статей достигло 10 млн (более чем в 2 раза больше, чем англоязычная Википедия, и почти в 10 раз больше, чем ее китайская версия). Для исследователей и преподавателей китайского языка ББ представляет собой гибридный лексикографический источник содержащий как традиционную лексикографическую информацию, так и инструментарий для решения задач машинной обработки текстов.

Работа по сбору информации и созданию статей выполняется коллективом добровольцев энтузиастов. Компания Байду организует и форматирует эту работу, а также обеспечивает доступ к ББ любому пользователю сети.

В этом заключается основное отличие ББ от традиционных толковых словарей, которые создавались коллективами лексикографов не более ста человек. Их словарный ресурс состоял из текстов художественных произведений, периодической печати и ограниченного круга текстов научного содержания. В современных условиях проекты типа ББ имеют возможность мобилизовать десятки тысяч авторов, которые наполняют энциклопедию статьями самого широкого содержания: от классической поэзии до популярных песен, сведениями как об исторических личностях, так и о современных звездах телевидения и спорта.

ББ принимает на себя редактирование поступающих текстов, которое обычно ограничивается стилистической правкой, хотя после этой редакции в некоторых статьях сохраняются элементы разговорного стиля и даже сленга. Полностью сознавая, что не все материалы энциклопедии могут быть признаны оригинальными, проделанный в рамках проекта ББ огромный труд по сбору и редактированию научной информации на китайском языке заслуживает самой высокой оценки

Анализ содержания статей разделов «литература» и «языкознание» показывает, что материалы вполне могут быть рекомендованы в качестве дополнительных материалов для исследователей китайского языка во всех его аспектах. Особую роль может сыграть ББ (особенно в части т. н. «избранных статей») в процессе преподавания китайского языка на разных курсах как источник мультимедийной информации и страноведческих знаний на китайском языке. Столь же важную роль эти материалы смогут сыграть и при чтении теоретических курсов.

Особую роль ББ должна сыграть в современных исследованиях лексикологии китайского языка. Для этого в ББ имеется целый ряд недокументированных возможностей. Основное содержание нашего исследовательского проекта основано именно на этой части ББ. Для того чтобы воспользоваться этими данными предлагаются технические приемы, позволяющие расширить объем информации для индивидуальных пользователей.

Несмотря на заявленную открытость ББ, компания Байду не предоставляет полного доступа к информации он-лайн: в тематических разделах показываются лишь избранные статьи, а дампы базы данных недоступны для загрузки. Поэтому желающим исследовать энциклопедию в деталях остается только воссоздавать базу самостоятельно с помощью различного рода поисковых агентов.

В нашем исследовании мы опираемся на данные полученные в результате применения двух стратегий поиска: поиск по ссылкам на страницах энциклопедии (ссылки из тематических разделов, внутренние ссылки) и поиск по заданным ссылкам.

Общая структура организации материала энциклопедии (основные категории и подкатегории) не раз рассматривалась в работах китайских исследователей (одна из недавних работ [2]). Однако эти исследования были проведены в общих чертах, недостаточных для ответа на интересующие нас лингвистические вопросы. В связи с этим наше исследование сосредоточено на ме-

тодике извлечения и анализа минимальной единицы семантической структуры ББ — тэгов (наш авторский перевод используемого в Baike Baidu термина 词条标签).

Анализ тэгов первых миллионов записей показывает, что «лексикографические» тэги 字词 词语 成语 熟语词 经济术语 法律术语 文言文 成语典故 俗语 方言 词汇 术语 汉字 приписаны существенной части статей энциклопедии.

Если добавить к этому имена собственные (по некоторым оценкам составляющие почти половину содержания энциклопедии) и географические названия, мы получаем многомерный (легко превращающийся из традиционного словаря по графическому принципу в словарь по семантическому принципу), легко масштабируемый словарь китайского языка недостижимого для традиционных словарей объема.

Ссылки

1. <http://baike.baidu.com/view/1.htm>
2. 汪灿 “百度百科信息组织方式分析” журнал 科技情报开发与经济 2014, 第24卷, 第24期

Д.М. Насилов

О функционально-семантическом статусе глагольных имен на *-ta* ~ *-tak* в «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари

В первом опыте описания грамматики тюркских языков, который представлен в классическом арабско-тюркском словаре Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-тюрк» (XI в.), его автор обратил внимание на проблему введения в корпус словаря лексикализованных дериватов и регулярных образований. Эти вопросы он обсуждает на примере отглагольных именных образований (масдаров). Махмуд Кашгари пишет, что он отказывается от регулярного включения в свой словарь дериватов, образующихся по типичным моделям, которые он, как правило, описывает: «Я отказался от неупотребительных [слов] в пользу употребительных, но я вывел правила для образования неупотребительных, [но] правильных [слов]».

В то же время Махмуд Кашгарский отмечает многозначность отглагольных именных форм, которые он относит к разряду имен существительных, имен прилагательных и типичных гла-

гольных имен действия (собственно масдаров). В этом отношении интересны его примеры на глагольные имена, образованных с помощью аффиксов *-ta* и *-tak*. Эти производные реализуют типичные для подобных образований в тюркских языках значения носителя процесса, его объекта, орудия и признака. Сюда относятся имена типа: *evmek* ‘спешка’; *gezmek* ‘прогулка’; *kesme* 1. ‘чёлка, чуб, локаны’, 2. ‘железный наконечник стрелы’; *ögme saç* ‘заплетенные волосы’ и др. Но в целом, в Словаре таких образований приведено сравнительно мало — всего 27 дериватов.

За обсуждаемыми Махмудом Кашгарским утилитарными вопросами о включении тех или иных глагольных дериватов в корпус словаря стоит важная теоретическая проблема исторической грамматики тюркских языков. Речь идет о направлении развития морфологических категорий и соответствующих показателей в сфере глагольного словообразования и словоизменения (точнее — формообразования).

Известно, что с углублением в историю тюркских языков в системе глагольных дериватов наблюдается «полисеманτικότητα» и «полифункциональность», которые позволяют этим производным выступать в разных синтаксических позициях в структуре высказывания для достижения определенных коммуникативных целей, однако одновременно следует также и допустить, что некое семантическое единство дериватов или некий их семантический «стержень», вносимый формантом в словоформу, был основой тех ее внутренних свойств, которые позволяли этой словоформе обслуживать определенный набор смыслов, подлежащих репрезентации в рамках одной ситуации.

Один из таких процессов, охвативший все без исключения древнейшие диалекты, шел в направлении преодоления полисемантической и полифункциональности морфем и многозначности выражаемых ими форм. Другой, не менее глобальный процесс связан с формированием и формализацией субъектно-объектных отношений и модальных признаков обозначаемой ситуации. Первый вел к взаимному дистанцированию отглагольных образований, к становлению отдельных функциональных форм глагола в совокупности с формальными средствами и правилами (моделями) встраивания их в структуру высказывания / предложения; второй обозначал кристаллизацию залоговых отношений и складывание парадигм, в частности аспектуально-темпоральных, внутри формирующихся различных наклонений глагола.

В ходе истории раннее затухание словообразовательной функции определенных аффиксов позволило шире использовать их в сфере формообразования в области глагольных имен, где эти аффиксы сохраняют активность на протяжении всего обозримого периода развития тюркских языков прежде всего в качестве показателя общетюркского имени действия на *-та* и на *-так*.

Л.Т. Нечаева

Употребление формы *сасэтэ итадаку* в современном японском языке

По мнению лингвистов, преподавателей японского языка, форма *сасэтэ итадаку* весьма сложна в употреблении.

Употребление *сасэтэ итадаку* возможно в ситуации, когда обязательно есть лицо, которое позволяет совершить действие, и это разрешение говорящим воспринимается с благодарностью.

Основное значение *сасэтэ итадаку* — просьба совершить определенное действие, за что говорящий будет благодарен. Такая просьба выражается формами *сасэтэ итадакитай но дэсу га...*, *сасэтэ итадакэмасу га...*, например:

Кё: *ва хаяку каэрасэтэ итадакитай-н дэс га, цума ва тайин-симасу нодэ*. «Позвольте мне сегодня уйти пораньше, так как жена выписывается из больницы».

Но, бывают ситуации, когда человек о чём-то просит, хотя это считается не очень прилично, что зависит от отношений между говорящим и тем человеком, к кому обращаются с просьбой, например:

Дзуцу:-*га хидой нодэ, мо:сивакэ аримасэн га, кё: ва со:тай-сасэтэ итадакэмасу дэсё: ка*. «Очень болит голова, извините, но можно ли мне сегодня уйти пораньше».

Однако на приеме, на вечеринке начало своего выступления, обычно предваряют словами:

Дэва, *ватаси мо хитокото-сасэтэ итадакимасу*. «Позвольте и мне сказать несколько слов».

Дэва, *сэнъэцу-дэ ва годзимасу га, кампай-но ондо-о торасэтэ итадакимасу*. «Хотя это и слишком смело с моей стороны, но позвольте сказать тост».

Форма прошедшего времени *сасэтэ итадайта* употребляется в ситуации, когда говорящему разрешили, позволили совершить

действие, за которое он благодарен, например, начальник разрешил уйти раньше с работы заболевшему сотруднику.

На следующий день выздоровевший сотрудник говорит начальнику:

Кино: *со:тай-сасэтэ итадайта о-кагэ-дэ, юккури ясуму кото-га дэкимасита*. *О-кокородзукаи, до:мо аригато: годзаимасита*. «Благодаря тому, что Вы вчера позволили мне раньше уйти с работы, я смог хорошо отдохнуть. Большое спасибо за Ваше внимание ко мне».

Форма *сасэтэ итадаку* употребляется и в ситуации, когда, не принимая во внимание желание (намерение) собеседника, просят о чем-то. Таким образом, хотя и само по себе выражение о просьбе вежливое, но просят вопреки позиции собеседника, получается несоответствие между действием и словами.

Форма *сасэтэ итадаку* является вежливой, но употребление этой формы в определенной ситуации может рассердить, испугать собеседника, поставить его в неудобное положение.

Има-мадэ *даматтэ хайтё:-ситэ оримасита га, го-икэн-ни сандо:-итасиканэмас нодэ, ватаси мо хитокото ивасэтэ итадакимас*. «До сих пор молчал, но сейчас трудно согласиться с Вами, позвольте и мне сказать».

Соно *кэн-ни цукимаситэ ва, корэ-мадэ-ни нандо мо мо:сиагэмасита то:ри, о-котовари-сасэтэ итадакимас*. «Как я и раньше неоднократно говорил по этому вопросу, позвольте мне отказаться (от этого предложения)».

Этой формой можно высказать собеседнику и отрицательное к нему отношение. Например, в компании сложилась для Вас неприятная ситуация, Ваше терпение кончилось, Вы решили уйти и говорите начальнику:

Кайся-о *ямэсасэтэ итадакимас*. «Позвольте мне уволиться».

Поскольку такое публичное заявление не совпадает с реальным положением дел, то начальник, безусловно, будет в замешательстве, и ему будет неприятно.

Бывают ситуации, когда не следует употреблять форму *сасэтэ итадаку*.

В том случае, если действие совершается по желанию, по воле говорящего, то форма *сасэтэ итадаку* не употребляется. Например, Вы посылаете деньги в какой-либо фонд, в сопроводительном письме надо писать только *со:кин-сита* или *со:кин-симасита* или *со:кин-итасимасита*, так как это действие, не разрешенное кем-либо, а Ваше собственное.

При представлении не надо говорить *Коно хару, А дайгаку-о соцугэ: сасэтэ итадакимасита*. Но эту фразу можно сказать профессору, который Вас опекал, такими словами Вы выразите ему свою благодарность. Тогда перевод этой фразы будет: «Благодаря Вашему вниманию я этой весной окончил университет А, и я Вам очень благодарен».

Во многих случаях вместо *сасэтэ итадаку* можно употребить
 < кудасай, дэсу, о... итадакэмасу ка, ситэ оримасу.

М.В. Порхоновский

Концепт «человек» в турецких пословицах

Основное действующее лицо турецких пословиц — человек, причем и как разумное живое существо, и как лицо социальное, действующее в рамках семейных и социальных отношений. Наиболее распространены лексемы ‘insan’, ‘kişi’ и ‘adam’.

На основе лексикостатистического анализа корпуса турецких паремий, насчитывающего свыше 5.000 пословиц (сборник пословиц М.Юртбаши — Yurtbaşı M. Sınıflandırılmış Türk atasözleri. Ankara, 1994), были получены следующие индексы (количество употреблений слов в пословицах):

- insan — 127;
- adam — 108;
- kişi — 56.

Таким образом, с точки зрения частотности использования лексема ‘insan’ уступает лишь лексемам ‘baş’ (голова) — индекс 162, ‘Allah’ (Аллах; бог) — 158, ‘at’ (лошадь) — 148 и ‘el’ (рука (кисть)) — 140, занимая 5-ое место по частотности среди всех лексем, встречающихся в пословицах. Необходимо отметить, что высокая частотность лексем ‘baş’ и ‘el’ объясняется тем, что они являются составляющими фразеологических оборотов и именно в таком качестве используются в паремиях. Лексема ‘adam’ занимает 8-ое, а лексема ‘kişi’ — 40-ое место среди наиболее частотных в турецких пословицах.

На наш взгляд, в турецком языке можно провести довольно четкую дифференциацию по гендерному признаку между лексемой ‘insan’, обозначающей и мужчину, и женщину, и лексемой ‘adam’, в подавляющем большинстве случаев обозначающей только мужчину (здесь можно провести аналогию с английской лексемой ‘man’, которая может обозначать как мужчину, так и человека

вообще, т.е. мужчину и женщину, но при этом против использования этой лексемы для обозначения человека вообще активно борются представительницы феминистских движений, которые однозначно расценивают ее значение как ‘мужчина’). Что касается лексемы ‘kişi’, то она используется, в основном, не для обозначения человека, а как счетное слово.

При рассмотрении корпуса турецких пословиц становится очевидным, что есть сугубо «мужские» области и занятия (по крайней мере, именно так они воспринимаются носителями турецкого языка), такие как торговля, война, государственная служба, воспитание сыновей, наука и т.д., где употребляется только лексема ‘adam’, а есть так называемые общечеловеческие ценности, где гендерные различия не являются значимыми, поэтому в таких пословицах используется лексема ‘insan’, или параллельно существует небольшое количество одинаковых пословиц как с лексемой ‘adam’, так и с лексемой ‘insan’, например:

Adam kıymetini adam bilir — İnsan kıymetini insan bilir ([Только] человек знает ценность другого человека).

Что же касается использования лексемы ‘kişi’ в пословицах, то в подавляющем большинстве случаев она несет функцию счетного слова или встречается в пословицах, где необходимо противопоставить «просто» человека и человека порядочного, почтенного, уважаемого, что выражается лексемой ‘adam’, например:

Kişi vezir olmakla adam olmaz (Человек, став визирем, не становится [от этого] порядочным человеком).

В заключение отметим, что статистический анализ лексики на материале языка турецких паремий является важным методологическим приемом для анализа семантики и прагматики ключевых компонентов турецкой языковой картины мира.

М.В. Софронов

Черты слоговой просодии древнекитайского языка в трактате

«Резной дракон литературной души»

Основной значимой единицей древнекитайского языка является слоговая морфема. Слог, выступавший как ее речевая реализация, выступает в тексте как изохронная единица, состоящая из реконструированных фонем, связанных в жесткую позиционную структуру. Прямые сведения о просодии древнекитайского язы-

ка отсутствуют. Однако одной из важных особенностей текстов философской и художественной прозы той эпохи является их метрическая структура, при которой текст представляет собой последовательность синтаксически связанных отрезков, состоящих из определенного числа слогов. Количественный состав этих отрезков не обязательно постоянен на всем протяжении текста, но при этом их величины остаются соизмеримыми, что дает указание на его интонационную просодию. Количественный состав отрезков, вероятно, зависел от замысла автора, а смена их состава на протяжении текста в целом связана как с его содержанием, так и со стилистическими соображениями. В качественном отношении каждый такой отрезок представляет собой синтаксическую единицу с собственным значением, которое как составная часть входит в текстовую единицу старшего уровня. Метрическая структура объясняется характерной для изолирующих языков неразвитостью морфологии древнекитайского языка, в частности отсутствием форм согласования, которые в языках других типов возможны прозаические тексты без явного деления на метрические отрезки. Структура письменных текстов непосредственно связана с их прагматикой: китайские тексты по традиции читаются вслух. Тексты художественной прозы и стихов предназначались для декламации, которая опиралась не только на речевую интонацию, но также и на слоговую просодию.

Сведения о слоговой просодии древнекитайского языка эпохи Хань приведены в 33 главе «Звучание и ритм» риторического трактата Лю Се (465–522) «Резной дракон литературной души», где были собраны сведения о слоговой просодии эпохи Хань, сохранные в филологической традиции «Шести династий».

Лю Се описывал просодию художественных текстов эпохи Хань в тех терминах, которые были приняты в те времена. Устное исполнение художественных текстов назвалось *сун* «декламация». Традиционное толкование этого термина дошло до нашего времени в нескольких формулировках, общий смысл которых состоит в том, что декламация предполагает устное исполнение поэтического произведения, не переходящее в пение. Лю Се цитирует традиционные термины обозначения высотных признаков слогов в эпоху Чжоу, которые были приведены у Хань Фэй Цзы: «В старину обучение певцов начинали с законов музыки: быстрые слоги должны быть пропеты на звуке ноты *гун*, а медленные — на звуке ноты *чи*». В описании просодии эпохи Хань Лю Се пользуется теми же признаками слогов: *цзи* «быстрый» и

суй «медленный». Скорость пения здесь выступает как метафора длительности звучания слога: краткий слог звучит быстро, долгий звучит медленно. Для того чтобы не исказить естественное звучание речи, слова должны быть подобраны таким образом, чтобы быстрые слоги были пропеты на звуке *гун* — самой низкой ноте китайской гаммы, а медленные слоги — на звуке *чи* — высокой предпоследней ноте. Длительность звучания слога при пении не означает существования фонологической длительности гласных, речь здесь может идти только о способности слогов, в принципе изохронных, длиться с отклонением от стандартного звучания в зависимости от их просодии текста в целом.

Говоря о звучании слогов при декламации художественного текста по правилам эпохи Хань Лю Се, не прибегает к терминам вокальной музыки. «Различаются два вида звучания (слога): летящее (наверху) и упавшее (внизу)». Летящее и упавшее звучания без указания нот здесь обозначают верхний и нижний регистр произношения слога, соответствующие высокому и низкому частотному уровню голоса. Каждый из этих видов звучания обладает дополнительным признаком движения во времени: «... упавшее звучание начинается, а затем прерывается, летящее звучание улетает и не возвращается». Таким образом, по Лю Се в китайском языке эпохи Хань слоги любого регистра могут быть как длительными, так и краткими, но при этом фактически слоги высоко регистра легко становились длительными, а слоги низкого регистра обычно были краткими. Все это означает, что лингвистической основой длительности слогов является регистр их произнесения, а ритм художественного произведения создается чередованием слогов высокого и низкого регистров. Соответственно при декламации художественного текста слоги обоих регистров использовались для формирования просодической структуры его отрезков.

Метафорой структуры двусложной стопы как элементарной просодической единицы, из которой строятся более сложные, является колодезный вал, который попеременно вращается в противоположных направлениях, но при этом не может дважды совершить движение в одном из них. Просодия двусложной стопы действует у Лю Се «как колодезный вал, попеременно вращающийся в противоположных направлениях, (каждое из них символизирует свойства слогов, которые могут создавать) как гармоническое, так и дисгармоническое (ее) звучание». Когда (слоги с одинаковыми свойствами) встречаются (в одной стопе),

обнаруживается хромота (ритма) или (избыточная) длительность стопы. (В первом случае) это называется недугом быстрого слога, а (во втором) также и заиканием автора. ... Только (с преодолением недугов) грубое звучание превращается в мелодию подобную звукам от ударов по нефриту». Иначе говоря, объединение в одной стопе двух слогов низкого регистра здесь выступает как аналогия спондея, двух слогов высокого регистра — как аналогия пиррихия. На вопрос о том, как должна звучать эта мелодия, Лю Се отвечает словами предания, будто бы «В древности носили на поясе нефритовые подвески. Чтобы шаги были ровными, а звуки не утрачивали стройности, подвеска тона гун находилась с левой, а подвеска тона чжи с правой стороны». При этом особое внимание Лю Се уделяет музыкальному строю исполнения художественного текста. Он упрекает поэта Лу Цзи — автора «Оды о словесности» в излишнем увлечении поэтикой Цюй Юаня, основанной на музыкальном строе царства Чу, и призывает поэтов придерживаться классического музыкального строя — двенадцатиступенной гаммы хуанчжун.

О взаимодействии сегментной структуры слога с мелодикой исполнения художественного текста Лю Се говорит: «Пение и декламация протекает по знакам письма и по фразам, однако жизненная сила (поэтического произведения) полностью проявляет себя в гармонии хэ, и в рифме юнь. Гармонией называется соответствие разных звуков (в инициали слога), а рифмой называется тождество одной и той же гласной (финали слога)». Слоги здесь обозначены как знаки письма по их графическому представлению, а стихотворные строки — как фразы по их речевому соответствию. Жизненная сила поэтического произведения — это эстетическое впечатление. Оно создается в поэтической строке межслоговыми связями, которые Лю Се называет гармонией и рифмой. Как слова китайского языка тот и другой термин означают согласие, согласование, правильное сочетание. Они почти синонимы, но означают согласие разных частей слога: гармония означает согласие инициалей, рифма означает тождество финалей. Согласие инициалей допускает несколько толкований, однако, поскольку идет о высоких и низких регистрах произношения слога, основная речь здесь идет об источнике регистра. Этим источником является качество инициали: при глухой инициали слог звучит в высоком регистре, при звонкой — в низком. Об этом говорит и сам Лю Се: «... сама по себе гармония хэ бывает низкой и высокой. Потому подбор (инициали по признаку гар-

монии) довольно труден, а их согласование зависит от умения автора владеть кистью». И далее, «Хорошо образованный талант с глубоким пониманием (поэзии) обычно разрезает слоги и сверлит тоны (т.е. тщателен в выборе слов и тонов. — М.С.); однако тот, чьи знания поверхностны, следует звукам в том виде, в котором они ему попались, не разбирая».

Таким образом, различие смысла слогов древнекитайского языка эпохи Хань достигалось сегментными средствами, регистр произношения слога не был смысловозначительным признаком, но выступал как дополнительный признак, сопровождающий качество начального согласного. Согласно риторике Лю Се для правильного звучания поэтической речи интервал между соседними слогами в стопе должен соответствовать интервалу между нотами гун и чжи, т.е. составлять квинту по китайскому классическому музыкальному строю. Это означает, что регистровое различие произношения слогов с глухими и звонкими инициалами в обычной устной форме древнекитайского языка было достаточно ощутимым, а при исполнении художественного текста оно задавалось с помощью музыкального обозначения. Внимание Лю Се к регистру произношения слогов в эпоху Хань не случайно. К этому историческому периоду относится процесс утраты звонкости согласных по меньшей мере в части диалектов китайского языка того времени. Ввиду того, что регистр произношения слога мог в определенных условиях компенсировать утрату звонкости инициали, он мог выступать как средство различения смыслов слогов с нечетким произношением начального согласного. Поэтому требование соблюдения квинтового интервала в сущности означает требование различения смыслов слогов с недостаточно четким сегментным составом. Поэтому естественно, что с дальнейшей утратой звонкости согласных на смену регистровым различиям пришла просодическая система четырех тонов, которая была официально установлена в конце V в.

Таким образом, у Лю Се звучание в верхнем регистре длительно, звучание в низком регистре — кратко. Это означает, что в приложении к декламации художественного текста термины теории музыки не требуются: при пении краткие должны быть пропевы на звуке гун, но при декламации достаточно низкого регистра слога, долгие должны быть пропевы на звуке чжи, но при декламации достаточно его высокого регистра.

Косвенные сведения, основанные на исследовании рифм древнекитайской поэзии, говорят о том, что просодия слогов середи-

ны V тысячелетия до н. э. отличалась от известной нам тональной просодии среднекитайского языка.

Состоящую из согласной инициали и гласной финали В позиции инициали древнекитайского слога выступали глухие, звонкие, придыхательные шумные согласные и сонанты. В позиции финали были представлены простые гласные, дифтонги, сочетания простых гласных с конечными шумными и носовыми сонантами. Такая фонологическая структура дает основание предполагать возможность существования в древнекитайском слоге также и регистровой просодии, которая присутствует в современных языках ЮВА.

Поэтические тексты той эпохи представляли собой рифмованные силлабические стихи разного слогового состава. В стихотворных текстах отрезки имели постоянную длину, измеряемую количеством слогов. Каждый из них составлял поэтическую строку, которая делилась цезурой на две стопы. Четырехсложные строки делились на две двусложные стопы, шестисложные — на две трехсложные. Строки в свою очередь были связаны между собой рифмами в строфы разной структуры.

Труд жизни буддийского монаха Лю Се был завершен в годы Чжунсинь (501–502) южной династии Ци (479–502), а с установлением династии Лян (502–557) трактат приобрел известность при дворе, где вокруг наследного принца Сяо Туна образовался кружок знатоков и любителей дитературы эпохи Хань. Важную роль в этом кружке играл его наставник Шэнь Юэ — реформатор слоговой просодии китайского языка. В биографиях как самого принца, так и Шэнь Юэ, упоминания о Лю Се отсутствуют, поэтому трудно сказать, входил ли он в число их близких друзей. Однако Лю Се и его трактат так или иначе были известны в кругу деятелей китайской культуры того времени. Его трактат получил известность как классический труд по поэтике словесного творчества эпохи династии Хань.

Се Линъюнь (385–433 гг. н.э. Примерно в 413 г. нашей эры., он призвал скульпторов для этой цели, и потребовал от Се Линъюня, написать легенду для изображения).

Высотные уровни пения указываются нотами, по которым движется вокальная мелодия, между тем как мелодия декламации базируется на интонации речи с высотными уровнями, соответствующими стандартным возможностям человеческого голоса. Соответственно правила исполнения вокальных произведений начинались с требований к высотному уровню произношения слога как основной единицы исполняемого текста.

Е.В. Стругова

К типологии неизбежных потерь при переводе (на материале японского языка)

Практика перевода постоянно подтверждает положение, которое основывается на различии языков и предполагает неизбежные потери при переходе от текста на языке оригинала к тексту на переводном языке. Это отсутствие взаимнооднозначного соответствия между формами или содержанием названных текстов. Описание того, как проявляется это несоответствие на отдельных языковых уровнях, или как оно связано со свойствами языкового знака, можно считать универсальным приемом. Анализ трудностей, возникающих при переводе с японского языка, дает материал для выводов относительно типа неизбежных потерь.

На фонетическом уровне это связано, например, с передачей ониматопоэтических единиц. Отражение в языках реальных звуков окружающего мира или образов, связанных со звуковой природой объекта реальности, редко совпадает: близость русск. «*журчать*» и японск. *тёротёро*, скорее, исключение. Фонетическое сходство единиц источника — главное условие, когда автор прибегает к игре слов: японск. *канэ то канэ*, которая теряется при переводе «*деньги и связи*». Стилистический вариант в японском языке порой образуется просто усечением слова, а переводной эквивалент данный способ не отражает: [ару]байто «*под-работка*» или *рэмидзэ*[рабуру] — название французского фильма «*Отверженные*».

Целый ряд потерь при переводе обусловлен системой японского письма. Фоноидеографическая письменность допускает разные отношения при использовании комбинаций иероглифов и знаков фонетических азбук как в пределах принятых правил орфографии, так и в области словообразования или стилистики.

Иероглиф в качестве графического знака может мотивировать значение слова, принадлежащее словарю, или окказионализма. Это хорошо видно на примере образования значимых имен или фамилий. Так, японский художник начала XX века Такэути Сэйхо, который проникся глубоким интересом к европейскому искусству, заменил в своем начальном псевдониме Сэйхо иероглиф, передающий китайский корень *сэй* «обитать, водиться», другим, соответствующим омофону-синониму: во вновь выбранном иероглифе присутствует графема «запад», что у японцев ассоциируется с Европой.

Невозможно отразить при переводе семантические отношения, которые связывают лексические единицы источника. Так, одним из ключевых приемов классической японской поэзии является использование слов, имеющих омофоны. Возникающие благодаря омофонам ассоциативные связи сообщают поэтическому произведению еще один или более смыслов, соответствующих авторскому замыслу, но в переводном произведении эти смыслы неизбежно оказываются в разделе «Комментарии». Количество синонимических пар в словарной системе постоянно растет в результате активного заимствования лексики из английского языка. Ситуация такова, что многие слова, принадлежащие исконному слою *ваго*, имеют синонимы в китайском по происхождению и структуре единиц слове *канго* и слове, образованном заимствованиями из европейских языков *гайрайго*. Организация японского текста позволяет использовать в предложении синонимы, когда один член синонимичной пары расположен в строке, а другой — часто заимствованное слово — располагается параллельно вне строки. В переводе чрезвычайно редко удастся объединить их даже в сочетании синонимичных эквивалентов.

Со словоупотреблением связана проблема функционирования той части словаря, которая определяется как фразеология в узком смысле слова. Несвободные сочетания, представляющие неделимые с точки зрения значения единицы, часто основываются на образах и ассоциациях, опирающихся на культуру носителей языка-источника. Считается, что переводчику обычно приходится выбирать между максимальной выраженностью содержания или поиском аналогов в переводном языке. Однако специфическая составляющая этих единиц неизбежно теряется.

М.В. Тихонова

**Слова, обогатившие немецкий язык
(на примере заимствований из арабского,
турецкого, японского и китайского языков)**

Заимствование слов — естественный и необходимый процесс языкового развития. Лексическое заимствование обогащает язык и, как правило, не вредит его самобытности, не нарушает его внутренние законы. Обогащение языка происходит в тех случаях, когда: 1) слова заимствуются вместе с новыми понятиями;

2) иноязычные дублиеты дифференцируются в своих значениях от слов национального языка, пополняя его состав стилистических и идеографических синонимов.

Все заимствованные слова делятся лингвистами на несколько групп: собственно заимствованные слова, интернационализмы, экзотизмы, иноязычные вкрапления, кальки и полукальки.

Многие лингвисты отмечают в языковом поведении общества носителей современного немецкого языка «стремление к экспрессивности и наглядности речи, к иносказанию, подражанию речи определенных кругов носителей языка» [1]. Это обусловлено возрастанием «престижа и авторитета некоторых сфер социальной жизни, например сферы административного управления, науки, техники, СМИ, искусства, рекламы, моды и спорта» [1]. И здесь никак не обойтись без иностранной лексики.

По степени ассимиляции иноязычные слова в современном немецком языке можно разделить на следующие группы [2]:

1. Интернационализмы: наиболее значимая часть иноязычной лексики, состоящая в основной массе из научно-технических и общественно-политических терминов;
2. Общеупотребительная лексика;
3. Малоупотребительная иноязычная лексика.

Подавляющее большинство восточных заимствований в немецком языке представляют интернационализмы и экзотизмы. Это, в основном, имена существительные, что объясняется предметной семантикой иноязычных слов. Данные о численности заимствованных слов, относящихся к тому или иному языку-источнику весьма противоречивы.

На процесс численного возрастания вокабуляра немецкого языка значительное влияние оказали арабизмы (*Arabismen*). В современном немецком языке насчитывается по разным данным до 500 заимствований из арабского языка. Языками-посредниками послужили такие языки, как испанский, французский, итальянский, английский, турецкий и др.

Admiral, Alkohol, Arsenal, Artischocke, Beduine, Elixier, Giraffe, Haschisch, Havarie, Kadi, Kismet, Magazin, makaber, Monsun, Rabatt, Safran, Sahara, Sofa, Sorbet, Zucker, Tarif, Algebra, Algorithmus, Chiffre, Ziffer, Aldebaran, Almanach, Altair, Azimut, Zenit, Fakir, Scheich, Kaffee и др.

На 200.000 лексических единиц современного немецкого языка приходится около 158 тюркизмов (*Turzismen*), менее 0,1%. Среди них: *Kaftan, Pascha*.

Слово *Joghurt* проникло почти во все языки мира в конце XVII столетия в значении «свернувшееся молоко», «сквашенное молоко», «простокваша» и полностью ассимилировалось в немецком языке [3].

Слово *Heckmeck* появилось в немецком языке во времена Первой мировой войны. Пленные турки, испытывавшие чувство голода, бесперебойно кричали: «Екмек, екмек!» (Хлеб!) — и этим весьма досаждали своим немецким братьям по несчастью, воевавшим с ними по одну линию фронта. Немцы возмущались: «Что за хекмек турки опять устроили!» Затем это выражение стало отождествляться в немецком языке с громкими бесперебойными восклицаниями и беспорядочной жестикуляцией [3].

Döner Kebab от *dönmek* (вращать) *kebab* (мясо или овощи, зажаренные на рашпере) и *Gulasch* от *kul* (раб, невольник) *aş* (еда, пища, кушанье) [3] пришлись носителям немецкого языка по вкусу. (Ср. *Гуляш* буквально — «пастушье» мясное блюдо) [4].

В список интегрированной в немецкий язык лексики японского происхождения (*Japanismen*) вошли следующие слова:

Aikido, Bonsai, Fugu, Geisha, Harakiri, Karate, Karoshi, Kimono, Origami, Riksha, Sake, Samurai, Surimi, Tsunami, Kamikaze, Karaoke, Wasabi, Yakuza, Yen, Tamagotchi, Tatami, Sumo, Shinkansen, -san, Mikado, Dojo, Ikebana и др.

Китайцам носители немецкого языка обязаны происхождением таких слов, как:

China, Feng-Shui, Kungfu, Oolong-Tee, Taifun, Tee и др.

Литература

1. Розен Е.В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. М., 1991. С. 182.
2. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962. С. 184.
3. Matthias Weimer. Wie die Türken Deutschland das 'Hurra' schenken // WAZ. Stand: 08.11.2009. <http://www.derwesten.de/panorama/wie-die-tuerken-deutschland-das-hurra-schenken-id243585.html#plx1559375621> (Abgerufen am 28.02.2015).
4. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М., 2004.

Е.Г. Фролова

Создание научной терминологии на филипино

С начала 30-х гг. XX в. филиппинские лингвисты говорили о нехватке лексики и особенно научной терминологии в «национальном языке», который они тогда начали создавать. Однако в лексикон этого идиома допускались слова только тагальского происхождения и тагальские неологизмы. Такая пуристическая политика проводилась до начала 70-х гг., когда в ходе обсуждения путей формирования нового общенационального языка филипино была признана необходимость расширения его словаря за счет включения иностранной лексики. Для этого были предложены два способа: использование заимствований в оригинальном написании, например: *magdecide* 'решать', и написание слова так, как оно произносится, например: *sayans* 'наука'. Второй способ был законодательно утвержден в 1987 г. при провозглашении филипино государственным языком. Для облегчения заимствования лексики из других языков в филипино были добавлены 8 букв (*c, f, j, ñ, q, v, x, z*). Однако общество восприняло негативно новые орфографические правила, что привело к появлению различных вариантов одних и тех же лексических единиц.

Острая нехватка научной терминологии сохраняется в филипино до сих пор, так как языком большинства научных работ и преподавания в высших учебных заведениях является английский. Многие филиппинские ученые осознают необходимость создания научной терминологии на филипино, но расходятся во мнениях о том, как решать эту проблему.

Двумя основными научными центрами, активно занимающимися разработкой научной терминологии по гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам, являются Центр языка филипино Университета Филиппин и Исследовательский центр факультета естественных наук Университета святого Фомы. В обоих учебных заведениях уже более 20 лет некоторые преподаватели читают лекции на филипино. Анализ учебников, изданных в этих университетах, показывает, что их авторы используют разные лексические единицы в качестве терминов: одни употребляют лексику из автохтонных языков Филиппин (главным образом тагальского), другие заимствуют терминологию из англий-

ского с разной степенью адаптации, например: *tuldik* (таг.) / *asento* (исп.) / *stress* (англ.) ‘ударение’, *pantig* (таг.) / *silaba* (исп.) / *silabol* (англ.) ‘слог’.

Те филиппинские ученые, которые создают научные термины по правилам адаптации заимствований в филипино, часто используют новые заимствования из английского даже там, где есть исконные тагальские лексемы или уже адаптированные заимствования из испанского, например: *dayalek* (англ.) вместо *diyalekto* (исп.) или *wikain* (таг.) ‘диалект’, *linggwistiks* (англ.) вместо *linggwistika* (исп.) или *palawikaan* (таг.) ‘лингвистика’. Тем самым они нарушают правила заимствования лексики в филипино, однозначно рекомендуя использовать, в первую очередь, заимствования из испанского языка и только при их отсутствии обращаться к английскому.

Причина неэффективности процесса создания научной терминологии на филипино заключается в отсутствии желания использовать филипино в своей работе у большинства филиппинских ученых и преподавателей. Получив образование на английском, они считают его универсальным языком и не находят нужным ни разрабатывать, ни унифицировать научную терминологию на филипино.

Список литературы

1. *Almario, Virgilio S.* Tradisyon at Wikang Filipino. Sentro ng Wikang Filipino. UP Diliman, Lungsod Quezon, 1997.
2. *Ortograpiyang Pambansa.* Komisyon sa Wikang Filipino. 2013.
3. *Sevilla F.* Ang Paggamit ng Filipino sa Agham. Daluyan, 2001. № 2. P. 95–101.

Л.В. Хохлова

Диапазоны распределения свойств эргативности в индоарийских языках Западной Индии

Большинство исследователей определяет эргативность как такую синтаксическую стратегию, которая предполагает маркирование агенса двухместного предиката как отличающегося от одинаково маркируемых агенса или пациенса одноместного предиката, а также от пациенса двухместного предиката. При этом многие синтаксические свойства эргативных конструкций трактуются лингвистами по-разному.

Так, Елизаренкова (Елизаренкова, 1967) считала одним из условий, необходимых и достаточных для того, чтобы считать конструкцию эргативной, наличие противопоставления эргативного падежа и инструментального или любого другого косвенного падежа, способного выступать как падеж деятеля. Сходных взглядов придерживался Бубеник (1996, 175–176), который считал, что подлинное развитие эргативной конструкции произошло в новоиндийский период, когда развился отдельный послелог эргативности, появился специальный маркер для прямого объекта и глагол перестал согласовываться с объектом. Противоположное мнение высказывал Г.А. Климов (Климов 1983; 112), который вслед за И.И. Мещаниновым утверждал, что ‘взаимное структурное обособление выражения субъекта переходного действия и косвенного объекта (в частности, инструмента и адресата) является шагом по номинативизации языковой структуры’.

Большинство синтаксических конструкций западных НИА, обнаруживающих черты эргативности, в отечественной лингвистике вслед за Т.Я. Елизаренковой принято называть ‘эргативообразными’ (Елизаренкова, 1967), подчеркивая тем самым вторичный характер и периферийность эргативной конструкции, непрочность ее положения в номинативно-аккузативной синтаксической системе современных западных индоарийских языков. Такая точка зрения соответствует также идеям Г.А. Климова об однонаправленном типологическом развитии языков (классный-активный-эргативный-номинативно/аккузативный). Факты индийских языков в случае такого подхода не противоречат разработанной Климовым общей теории эволюции языковых типов, в соответствии с которой невозможно диахроническое преобразование номинативной системы в эргативную. Не соглашаясь с теми типологами, которые рассматривают индоиранские языки в качестве представителей ‘расщепленной’ эргативной системы, Г.А. Климов предлагал считать их ‘номинативными’ в своей основе по следующим причинам: во-первых, в них наблюдается ‘последовательное проведение подлинной залоговой диатезы транзитивного глагола, возможной только в рамках корреляции активного и пассивного оборотов номинативной модели предложения’; во-вторых, применительно к ним ‘трудно говорить о подлинном эргативе и коррелирующем с ним абсолютном падеже, поскольку соответствующее падежное окончание или послелог обычно лишены присущей эргативу косвенно-объектной —

и, в частности, инструментальной — функции (как правило, это падеж чисто субъектной семантики).

М. Клайман рассматривала правила падежного маркирования и глагольного согласования в генетически различных языках Южной Азии. Она выстроила иерархию синтаксических признаков, согласно которой отсутствие в языке признака «А» имплицитно подразумевает отсутствие признака «Б», наличие «А» и отсутствие «Б» имплицитно подразумевают отсутствие признака «В» и т.п.

Различные критерии эргативности, предлагаемые разными лингвистами, приводят зачастую к прямо противоположным выводам относительно места того или иного языка на иерархической шкале эргативности. Так, Т.Я. Елизаренкова полагала, что хинди и западный панджаби по сравнению с другими западными НИА сохранили наибольшее количество черт эргативности, в то время как М. Клайман (Klaيمان, 1987) на основании своей иерархии эргативных свойств считала хинди и западный панджаби языками, далеко ушедшими по пути номинативизации.

В докладе предлагается сравнительный анализ признаков эргативности, использованных разными авторами, уточняется место марвари — базового диалекта раджастхани — в иерархии М. Клайман, а также делается попытка применить иерархию эргативных признаков, рассмотренных М. Клайман, к диахронической эволюции индоарийских языков Западной Индии. Будет показано, что в начале новоиндийского периода — времени наиболее последовательной эргативности — в западных индоарийских языках пациенс при двухместном предикате всегда маркировался так же, как агенс или пациенс одноместного предиката и отлично от агенса двухместного предиката. Пациенс двухместного предиката контролировал согласование вспомогательного глагола в лице. Позже согласование с прямым объектом в лице стало невозможно, а прямой объект в случае одушевленного референта стал маркироваться аккузативным послелогом. Таким образом, последовательно эргативная система ранних новоиндийских языков «расщепилась» на эргативный, контрастивный, нейтральный и номинативно-аккузативный варианты.

Литература

Елизаренкова Т.Я. Эргативная конструкция в новоиндийских языках // Эргативная конструкция в языках различных типов. М., 1967. С. 116–125.

Климов Г.А. Принципы континентальной типологии. М.: Наука, 1983.

Klaيمان М.Н. Mechanisms of Ergativity in South Asia. Studies in Ergativity / Ed. R.M.W. Dixon. Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1991.

Н.В. Шевлягина

“A mournful butler” — о проблемах перевода массового английского детектива на примере романа Чарльза Финча «Прекрасная голубая смерть»

Проблемы перевода всегда интересовали лингвистов. Достаточно вспомнить работы В.Г. Гака, Л.С. Бархударова, О.С. Ахмановой, А.Д. Швейцера и др. Вопросы перевода не теряют своей актуальности и сейчас, когда появляется такое количество переводной литературы. Об основной трудности перевода писали И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг, говоря, что при переводе невозможно обойтись без потерь и передать все своеобразие содержания и формы оригинала [4, 75]. В противном случае, когда переводчик стремится сохранить такое своеобразие любой ценой, это может привести к искаженному пониманию текста и/или появлению комических ситуаций.

Обратимся к книге Чарльза Финча «Прекрасная голубая смерть» в переводе И.Г. Гуровой [2]. Для удобства распределим примеры по нескольким группам.

1. Лексические сочетания разного вида: сокрушительно нудная часть дня (189), волосы нечесанно падали на лоб (201), взвешивал возвращение (198), колоссально много добра (305), легкий бриз страха (221), замученные сапоги (179), утревшись в кресле (130), сплюнул возле ступни (147), мелкий бой (237), взял роль преступника впервые (215), черный факт (246), посмотрел там и сям (307), россыпь официантов (155), шайка племянников (92). Сочетание “the blackest mood” переводится в книге как «чернейшее настроение» (187). Возможные альтернативы: отвратительнейшее, ужаснейшее, препоганое, так как в русском языке не существует выражения «черное настроение». Английское сочетание «a mournful butler» переводится как «похоронный дворецкий» (200) в значении грустный, с подавленным видом, а не дворецкий, который служит в похоронном бюро.

2. Фразеологические сочетания: держа свое обещание (308), отряхнуть этот прах со своих ног (15–16), пока львы нагуливают аппетит (36), дать хорошего пинка в брюки (308), не прекратить валять такого осла (229), угодить в капкан уверенности (92). Если рассмотреть одно из таких фразеологических сочетаний «свалить кого-то с ног ударом перышка» (250), то оно оказывается

Е.О. Акимущина

**Образ врача и мотивы врачевания
в творчестве Хилали (1470–1529):
к эволюции жанра *шахрашуб*
в средневековой персоязычной поэзии**

Бадр ад-Дин Хилали — один из выдающихся представителей гератского литературного круга XV–XVI вв. При рассмотрении творчества Хилали в рамках исследования эволюции жанра *шахрашуб* в персоязычной поэзии выяснилось, что в диване поэта встречается довольно много произведений, содержащих мотивы врачевания и упоминания о враче (*табиб*). Основная задача моих изысканий состояла в том, чтобы определить, какие из этих произведений можно отнести к жанру *шахрашуб*.

Рассмотренные произведения можно разделить на три группы в зависимости от доминирующих в них мотивов:

- 1) произведения, в которых преобладают любовные мотивы;
- 2) произведения, в которых доминируют пиршественные мотивы;
- 3) произведения, в которых господствуют панегирические мотивы.

В первую группу вошли газели, в которых врач и возлюбленный — один и тот же персонаж (первая подгруппа). Лирический герой испытывает жестокие страдания в разлуке с любимым и просит его прийти и исцелить от страданий. Может описываться красота возлюбленного, атрибуты его профессиональной деятельности (лекарства, медицинские инструменты и т.п.). Однако основное внимание читателя поэт фокусирует на жалобах влюбленного пациента, а не на восхвалении/описании красоты врача и его профессиональных навыков, которые у предшествующих поэтов, писавших аналогичные стихи (например, у Масуда Сада Салмана (1046–1121)), играли ключевую роль.

В первую группу я также включила газели, в которых врач является второстепенным персонажем (вторая подгруппа). Основные персонажи — лирический герой, страдающий в разлуке, и его возлюбленный/возлюбленная. Врач призван вылечить героя, но он или сам расстраивается от мучений пациента, или бессилен

ему помочь в борьбе с таким недугом. К первой группе я отнесла и те газели, в которых слово «врач» выступает в роли метафоры возлюбленного/возлюбленной (последние выполняют функции врача, исцеляющего душу и тело) (третья подгруппа).

Во вторую группу вошли произведения (преимущественно газели), в которых средством врачевания страданий лирического героя выступает вино. Оно исцеляет как душевные недуги (хотя бы на время заставляет забыть о любовных неурядицах и скорбях мира), так и физические (согревает зимой, снимает повышенную температуру при лихорадке). Здесь следует отметить, что любовная лирика Хилали носит религиозно-мистический характер, поэтому возлюбленная в его газелях носит черты божественной возлюбленной; желая узреть ее лик, лирический герой Хилали стремится к слиянию с Богом. Вино же в этом контексте выступает как средство познания Бога.

В третью группу вошли произведения (касыды), в которых врачом именуется восхваляемый: он несет исцеление подданным, поддерживая порядок в государстве и, таким образом, сохраняя гармонию во вверенном ему участке земного пространства. Данный мотив, по всей видимости, восходит к традиции описания правителя как культурного героя, который упорядочивает окружающий мир и защищает его от хаоса.

Итак, к жанру *шахрашуб* мы можем отнести только произведения, относящиеся к первой подгруппе первой группы. В остальных случаях мы имеем дело с транспозицией мотивов из жанра *шахрашуб* в регистр любовной и пиршественной поэзии. Что же касается мотива «правитель-врачеватель», то можно предположить, что этот мотив входит в общий фонд панегирических мотивов.

Е.А. Бакланова

**Народные художники Филиппин
в истории литературы страны**

Звание «Народного художника» на Филиппинах (англ. *National Artist*, таг. *Pambansang Alagad ng Sining*) с 1972 г. президентским указом присваивается выдающимся деятелям различных областей искусства. В филиппинской литературе этого звания были удостоены 13 крупных тагало- и англоязычных писателей, творивших в период с 1930-х по 2010-е гг. Его также получил дипломат

с мировым именем *Карлос П. Рóмуло* (1899–1985). Публицист и автор нескольких книг, свой основной вклад он все же внес не в литературу, а во внешнюю политику Архипелага.

Открывают плеяду Народных художников *Амадо Вера Эрнандес* (1903–1970) и *Хосе Гарсиа Вилья* (1908–1997). Их творчество в основном пришлось на 1930–60-е гг., но первый представляет тагалоязычную, а второй — англоязычную литературу 1-й пол. XX в. Антииспанская революция 1898 г., а затем борьба с американской неокOLONизацией дали мощный толчок к развитию реалистической традиции и социальных тем в филиппинской, прежде всего тагалоязычной, литературе. Наиболее яркое выражение они нашли в лирике и прозе А.В. Эрнандеса. С другой стороны, к 1930-м годам активная политика новой американской администрации по внедрению своего языка и культуры в основные сферы жизни филиппинцев принесла свои плоды: английский язык занял ключевые позиции в образовании, СМИ, управлении, экономике. Подражательный этап творчества на английском сменился этапом «экспериментирования», работы с формой (1924–1935), возглавленным поэтом-новатором Х.Г. Вильей.

В период от провозглашения Автономных Филиппин 1934–1935 гг. до японской оккупации к. 1941–1945 гг. растет интерес писателей к самоопределению, вопросу их роли и задач в литературе и общественной жизни; как в поэзии, так и в прозе усиливается тенденция к созданию произведений социальной направленности. Большая роль в развитии тагалской романистики принадлежит *Лáсаро Франсиско* (1898–1980), за свои остросоциальные, с элементами дидактизма, романы названного «Честью нации». В молодой англоязычной литературе развитие современного рассказа на английском ставят в заслугу *Франсиско Арсельяне* (1916–2002), чью прозу отличала особая выразительность языка. Мастерами новеллы признаны *Нестор В.М. Гонсалес* (1915–1999) и *Никомедес Хоакин* (1917–2004), после войны возглавившие и англоязычную романистику.

Послевоенное поколение филиппинских писателей составили выпускники вузов, часто прошедшие стажировки в университетах США, среди которых уже было немало женщин. Одна из них — *Эдит Тьемпо* (1919–2011) — удостоилась звания Народного художника как видный поэт и прозаик, внесший большой вклад не только в англоязычную литературу Филиппин, но и в обучение молодых писателей литературному мастерству. Это

звание присуждено и *Алехандро Росесу* (1924–2011) за юмористическую прозу на английском и активную работу в области культуры.

Главными темами литературы 2-й пол. XX в. становятся трагедия войны, конфликт филиппинской культуры и американизированного общества, вырождение интеллигенции, роль женщины в семье и обществе. Успешно развивается драматургия на обоих языках, и важное место в ней занимает *Роландо Тинио* (1937–1997). Тагалская романистика начинает уступать в качестве англоязычной, признанным мастером которой становится *Франсиско Сиониль Хосе* (р. 1924). Огромный вклад в поддержание и развитие тагалоязычной поэзии к. XX в. внес *Вирхилио Альмарио* (р. 1944), школу которого прошло не одно поколение филиппинских поэтов. Его соратник *Бьенвенидо Лумбера* (р. 1934), в свою очередь, заложил прочный фундамент академической литературной критики на Филиппинах. В 2014 г. в число ныне здравствующих Народных художников вошел *Сирило Баутиста* (р. 1941), поэт и прозаик современного типа — билингв, чье творчество отличается элементами постмодернизма и жанровым многообразием.

Литература

Lumbera, Bienvenido & Lumbera, Cynthia, eds. Philippine Literature. A History and Anthology. Pasig City: Anvil Publ., 2005.

National Commission for Culture and the Arts, official website: <http://www.ncca.gov.ph>

К. Барабошкин

Ван Чун (I в. н.э.) о литературном таланте

Ван Чун считал, что главным критерием в оценке литературы является утилитарность (эстетическая функция литературы, не до конца ещё осмысленная в эту эпоху, отодвигалась мыслителем на задний план). По мнению философа, литература — мощное средство воздействия на общество. Здесь Ван Чун выступает как последователь Конфуция, говорившего о воспитательной функции литературы: «*Песни (Шицзин) могут воздействовать внушением. В них можно отыскать наглядные примеры, они учат общительности, помогают выразить негодование; способствуют вблизи*

служению родителям, а в отдалении — государю» (Семененко, 2009, с. 116) [2]. Произведения же, идеи которых неприменимы на практике, называются «ложными», это порождает проблему, о которой Ван Чун писал следующее: «В миру доверяют [сказанному] в ложных книгах, полагая, [что записи] нанесённые на бамбук и шёлк, все [без исключения являются] тем, что передавали премудрые и достойные» (Чжан Сыли, 2008, с.89) [3]. А отсюда проистекает проблема таланта — кого считать «премудрыми и достойными»? Тут философ исходит из измышлений о природе человека: «Человеческая природа бывает и доброй и злой, как способности [к литературе] людей бывают высокими и низкими» (Чжан Сыли, 2008, с. 43) [3]. Ван Чун вводит иерархию среди литераторов по убыванию в их природе изначального таланта (подробнее см. (Барабощкин, 2014, с. 142) [1]). Мыслитель подчёркивает важность таланта, и выступает против утверждения о том, что для написания произведения нужны лишь покой и свободное время: «[Я же скажу, что] мысли глупых и невежественных людей, [которые появляются у них] в тихом и спокойном месте, хотя и не будут [омрачены] тревогой, однако [такие люди] не смогут написать и одного иероглифа» (Чжан Сыли, 2008, с. 707). Более того, Ван Чун утверждает, что именно находящийся в гуще событий талантливый человек способен на составление полезного труда. Причем литератор не особо талантливый может, благодаря расширению своего кругозора, писать произведения лучше, нежели литератор, обладающий от природы большим талантом, но меньшим кругозором. А отсюда вытекает тот факт, что качество и значимость произведения зависит не от принадлежности к эпохе, а от таланта и кругозора человека. Поэтому можно утверждать, что Ван Чун являлся сторонником прогресса в литературе — литераторы последующих эпох, по его мнению, обладают большими знаниями, чем их предшественники, а потому труды каждой последующей эпохи могут с лёгкостью превосходить произведения древности. Наличие же превосходных трудов — необходимое условие для процветания общества. Именно поэтому приближение ко двору талантливых литераторов играет важную роль. В связи с этим, Ван Чун также поднимает проблему непризнанных талантов — он выступает против слепого следования канонам и игнорирования достойных трудов, которые не причисляют к канонической литературе. Рассуждения о литературном таланте влияют на классификацию произведений, на теорию творчества и многое другое в литературной концепции Ван Чуна.

Литература

1. Барабощкин К.Е. Отражение принципов син (природа) и цзыжань (естественность) в литературной концепции Ван Чуна (I в. н. э.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции (Москва, 14 апреля, 2014 г.) / Под ред. И.И. Абылгазиева, М.С. Мейер. М.: Ключ-С, МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, 2014. С. 141–142.
2. Семененко И. Изречения (Луньюй); Приложения. М.: Terra — Книжный клуб, 2009.
3. Чжан Сыли; Чжунго гудай вэньхуа цюань юэду (ди и цзи ди шицзю цэ). Луньхэн (шан, ся цэ). Чанчунь: Шидай Вэнь'И. 2008.

А.Г. Гурия

Придуманное время: индийская Древность в поэзии Кунвара Нараяна

Кунвар Нараян¹ (р. 1927) как поэт-мыслитель, поэт культуры. Сильное присутствие санскритского культурного пласта в его творчестве. Варианты отсылок к санскритской Древности: сюжет (персонаж с историей), локация культурного наследия (место со шлейфом легендарных ассоциаций), заимствование смыслообразующего мотива, отсылка к памятникам (Упанишады, Бхагавад-Гита и др.), философский инструментарий для круга вечных вопросов, подход к современному/переживаемому сейчас по аналогии с Древностью.

Отбор элементов как один из главных способов придания тексту желаемого смысла. Круг мотивов, связанных с индийской Древностью у поэта: нетронутая чистота и свежесть (первозданное прекрасное бытие), глубина осмысления жизни, умиротворение, разрешение жизненных и духовных конфликтов через примирение, обретение мудрости и внутренней свободы; достоинство, цельность, господство духовного над материальным; проникнутость красотой искусства, архитектуры, стиха, мысли (слово «культура» как узловое в его поэтике); гармония человека и природы; благоговейное любование жизнью; следы и воспоминания, несущие свет из прошлого; тление и бессмертие.

Контраст с образами мусульманского Средневековья и современности. Неизменное восхищение культурой и светлой стороной человеческой души; сочетающееся с ним присутствие Истории в ее кровавой и грозной ипостаси; контраст и конфликт

истинных ценностей в жизни (всего духовного, искреннего, бескорыстного, творческого) и ложных (погони людей за властью, роскошью, победами, принесение светлого и прекрасного в жертву более грубым материальным целям). Рост ощущения дисгармонии при переходе к современности, мотивы, заимствованные из абстракционизма и поэтики абсурда.

Роль санскритской Древности в создаваемой поэтом картине мира. Нетождественность изображаемого поэтом мира фактически бывшей эпохе Древности. Смысл проведенного поэтом отбора элементов для изображения: создание идиллии, картины гармоничного мироздания, где одинаково одухотворено всё живое и человек. Умышленное очищение этой Древности от всего грубого и низкого, слишком вещественно-жестокое (не обработанного искусством). Древность, данная на основе бессмертных памятников искусства и мысли. Создание из них собственной индийской Древности, придуманного времени Кунвара Нараяна. Истолкование древних сюжетов с точки зрения современного философа-гуманиста. Ссылка на тексты священной традиции при создании образа святого и величественного. Реминисценции Древности, обогащающие восприятие мира в настоящем. Изображение хода мысли философа по аналогии с древнеиндийской философией. Реконструкция и осмысление аналогичным способом (с применением обильных санскритизмов и новых слов, созданных по санскритским моделям) того, что для поэта особенно ценно в настоящем: это процесс взаимодействия читателя (как соавтора) с поэтом (т.е. человеческое понимание и сопереживание); рост, жизнь и благотворность дерева; любовь, проходящая сквозь годы человеческой жизни; ощущение присутствия Творца в природе Творения; примирение с существованием смерти как части жизни; любовь как потребность души и то, что бессмертно, что остается жить и действовать, пока перерождаются тела. В результате — дальнейшая жизнь, развитие и продолжение этой воссозданной индийской Древности в поэзии Кунвара Нараяна. Роль поэта как духовного наследника Древности настоящей — того, что было в ней глубокого, изысканно-прекрасного и человеческого.

Ю. Дрейзис

Исследование возможностей поэтического языка в творчестве Ян Сяобиня (1963–)¹

Ян Сяобинь относится к числу наиболее ярких авторов поколения «пост-туманной» (*хоумэнлун*) поэзии в Китае. Он родился в 1963 г. Шанхае, учился и работал в США, а в настоящее время базируется на Тайване, где занимается исследованием современных литературы и кино. Ян Сяобинь является автором критических статей, лекций, семи сборников стихов, а также двенадцати значительных работ по современной культуре, таких как «Китайский постмодерн» (*The Chinese Postmodern*, 2002), «История и риторика» (*Лиши юй сюцы*, 1999) и «Эстетика отрицания» (*Фоудиндэ мэйсюэ*, 1995). Он также выступал в качестве редактора авторитетных тайваньских журналов «Современная поэзия» (*Сяньдай ши*) и «ПоэзияСейчас» (*Сяньцзайши*) и занимался организацией выставки «Постфотографизм: след и палимпсест» (*Хоушэинчжуи: тумо юй цзунцзи*, 2008) в Пекине и Тайбэе.

Исследование возможностей поэтического языка и, шире, языка вообще играет в современной китайской поэзии очень важную роль. Именно на основании разведения стратегий апроприации языка в произведениях «пост-туманных» авторов вычленяются два полюса, или две творческие парадигмы, которые имеют преимущественное значение для тех или иных поэтов. Творчество Ян Сяобиня демонстрирует устойчивое тяготение к «интеллектуальному» лагерю, обычно ассоциированному с именами Цзан Ди (1964–), Оуян Цзяньхэ (1956–), Чэнь Дундуна (1961–), Сяо Кайюя (1960–), Сунь Вэньбо (1956–) и др. Их творчество нацелено на вычленение самой природы языка. Поэты проверяют жизнеспособность тех элементов, которые не востребованы нормативной речью, реализуют потенциально возможные нормы. Игнорируя фразеологическую связность слов, экспериментируя с грамматикой, внося в текст элементы просторечья, авторы заставляют заметить конфликт истины с нормой.

Подобное трансформированное употребление языковых единиц, как показывает нам творчество Ян Сяобиня, основано и на общем для разных традиций «филологизме» поэтического текста XX–XXI вв., сосредоточенности поэтов в рефлексии над

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14–28–00130).

словом и логикой формирования значения. Одновременно оно соотносится с противопоставлением языка поэзии (как образа, обозначающего метафорически особую природу поэтического сообщения) и языка повседневности, каждый из которых представляет фокус внимания отдельной поэтической традиции и свой модус существования поэтической речи. Речь идёт о зазоре между представлением о том, как должен говорить поэт (в зоне языковой условности), и как он говорит «на самом деле». В таких случаях поэты отдают решительное предпочтение системе, которая опирается на саму логику языка, что контрастирует с идеями поэтической речи с точки зрения обывателя (условная речь, полная метафор, речь украшенная). В поэзии оказывается ценно именно нарушение нормы, искажение языковых законов. Слова и фразы в неправильном или метафорическом употреблении, иногда кажущиеся авторскими капризами и деструктивными новшествами, часто восстанавливают утраченные смыслы языка.

Б.С. Зулумян

Армянская средневековая лирика. Особенности развития и поэтика

Армянская письменная литература развивается, начиная с V в., со времени создания Месропом Маштоцем алфавита в 405 г. Средневековая армянская литература включает в себя более 12 веков литературного развития — с V по XVII вв. Этот большой период (отказавшись от термина Возрождение), принято делить на Раннее Средневековье (V–IX вв.), Зрелое Средневековье (X–XVI вв.) и Позднее Средневековье XVI–XVII вв.).

В истории армянского художественного слова переход от эпического формульно-схематичного мышления и, соответственно, постепенного формирования осознанного авторского стиля, ввиду длительного культурного развития (домаштоцевский период), отсутствует. Духовная поэзия первых отцов церкви Маштоца, Саака Партева, Хоренаци имеет выраженные индивидуальные черты авторского стиля. Комментируя или создавая парафразы, стихи на библейские и евангельские темы, они вкладывали лирическую эмоцию, поэтический вкус. Несколько веков развития литературы в рамках духовной поэзии сформировали абстрактно-поэтическую лексику, тематику и топику.

Формирование художественной прозы происходило в трудах армянских историков, все они — авторские, причем голос автора и его позиция ярко выражены в структуре художественно оформленного повествования. К этому времени относится первое дошедшее до нас самостоятельное (не имеющее прикладного характера) произведение Давтага Кертога (VII век) «Плач на смерть князя Джеванди», который приводит в своей «Истории страны агванов» Мовсес Каганкатваци. Форма плача свидетельствует о неразрывной связи светской литературы и армянского народного искусства, где плач является одним из основных жанровых форм, в то же время изобразительные же средства (применение акростиха и др.) — рафинированной книжной традиции.

X век, также как и V в., занимает особое положение в истории армянской культуры — это эпоха культурного расцвета, когда завершается институализация литературы как вида искусства. В творчестве первого великого армянского поэта, богослова, музыканта средневековья Григора Нарекаци (945/950–1003), его поэмы «Книга скорбных песнопений» и, в частности духовных песнях, появляется ряд новых изобразительных средств: предметность и пластическое изображение действительности, отражение реального мира, красота природы и человека, уникальные для его времени художественные открытия: аллитерация, внутренние рифмы, композиция, лексика. В его творчестве наметился поворот гуманистической мысли к человеку как высшей ценности.

Армянская литература Зрелого Средневековья (делится на подразделы: XI–XIII и XIV–XVII вв.), оставаясь в пределах церковной деятельности, приобретает светский характер, происходит *секуляризации литературы*, размежевание художественной и научной компоненты. Формируется новая жанровая система: басня, рассказ, лирическое стихотворение, ода, элегия, поэма, историческая поэма-плач, в поэзии вместо монорифмы вводится разнообразная рифмы. Новая эстетическая система и мировоззрение сопровождается переходом на народный — среднеармянский, язык притч Мхитара Гоша и басен Вардана Айгекци. Основными темами в лирике Фрика, Ованеса Плуга Ерзнкаци, Хачатуря Кечареци, Костандина Ерзнкаци, Мкртича Нагаша, Григориса Ахтамарци выступают уже темы социальной несправедливости, земной любви, красоты природы, взаимоотношений человека и окружающей действительности. Они еще имеют аллегорическую заданность, но настолько уже оторваны от обозначаемого предмета, что приобретают самостоятельное лирическое звучание.

Одна из отличительных особенностей армянской средневековой литературы заключается в ее самостоятельности, для которой влияния (персидское, арабское), имевшие место в эти века, оставались на уровне внешнего, «орнаментального» воздействия. Период XIV–XVI вв. можно характеризовать, как светскую литературу. Наряду с традиционными религиозными темами развивается философско-медитативная лирика, вводятся мотивы поклонения женщине, красоте природы, воспевания весны, розы и соловья. У Ованеса Тлкуранци, поэта-лирика, эти темы уже лишены религиозной аллегоричности, нарастает драматизм, интенсивность тропов, образности. Большое значение в поэзии имела тема скитальчества (пандухтства), изгнания, выражающая тоску по родине; широко распространенная в народной поэзии, она способствовала формированию патриотической поэзии. Выдающийся представитель светского искусства лирик Наапет Кучак (XVI в.), под именем которого обобщилась многовековая традиция народного стиха — айрена, вносил в поэзию жизнеутверждающие настроения, воспевал женщину, мирские радости наряду с трагическими переживаниями влюбленного, непониманием косного окружения.

Творчество Саят-Новы (1722–1795) знаменует переход от Позднего Средневековья к мышлению нового времени, смело заявляющего о свободе личности, выше всего ценящего человеческое достоинство. Хотя ашугская школа, в которой он творил (это продолжение армянского песнетворчества гусанов, бытующее по сей день) — форма средневековой культуры, но содержание, дух и идеи уже предвещают героя нового времени. Его проникновенный лиризм и глубина понимания человека и мира, отражение социальных противоречий, образ поэта, противостоящего власти имущим, противоречие идеала и действительности придают поэзии Саят-Новы общечеловеческое звучание.

Е.С. Кукушкина

К вопросу о правомерности постановки проблемы постмодернизма применительно к литературе Малайзии

В отличие от многих стран современного Востока, становлению постмодернизма как мировоззрения и его утверждению как доминанты духовной жизни Малайзии препятствовал определен-

ный набор культурно-исторических и социально-политических факторов.

Главные из них, — постепенность литературного развития при устойчивости к восприятию внешних воздействий, а также потребность малайцев в апелляции к традиции, прежде всего мусульманской.

Первый фактор предопределен еще образовательной политикой британцев, стремившихся ограничить основной массе коренного населения Малайи доступ к образованию выше начальной ступени. Роль творческой интеллигенции, стоявшей у истоков становления современной литературы, сыграло поколение слабо образованных и мало знакомых с мировой словесностью школьных учителей и журналистов. Это на многие годы определило специфику литературного процесса в Малайзии.

Второй фактор связан с тяжелой конкуренцией, в том числе в сфере культуры, которую малайцам приходится выдерживать с более динамичными иммигрантскими общинами — китайской и индийской, — опирающихся на огромный пласт наследия. В этих условиях ислам становится единственным богатым источником духовных и эстетических ценностей. Так поддерживается приверженность малайцев религиозному мировоззрению и мощному традиционному дискурсу, что в принципе противоречит природе постмодернизма.

Тем не менее, в определенный момент литературного развития (примерно с 1970-х годов) сложились условия, в которых теоретически могла начать формироваться словесность постмодернизма. К этому времени литературный процесс в Малайзии окончательно приобрел современные характеристики. На арену вышло первое поколение авторов с высшим образованием, иногда полученным за рубежом.

С тех пор периодически появляются произведения, обнаруживающие определенную размытость идейного стержня наряду с набором художественных приемов, свойственных постмодернистскому творчеству (поэзия Бахи Зайна и Мухаммада Хаджи Саллеха, драматургия Динсмана, проза Анвара Ридвана). Особенно хорошим материалом, иллюстрирующим данное явление, представляются романы «Утренний дождь» (1987) и «Владения Зени» (1994) А.Самада Саида, а также пьеса «Ток Перак» (1975) Сьеда Алви.

В романах А.Самада Саида переплетены реальный и вымышленный пласты сюжета (в первом произведении воображаемая

линия развивается в мире галлюцинаций героя, во втором — в романе, который он пишет). Автор насыщает произведения отсылками к исламской, в частности, суфийской традиции, к мифологии, к малайской и мировой литературе, к историческим событиям разного времени. Воображаемый мир героев полон мистификаций, создающих напряженное ожидание разгадки тайны, связанной с неким магическим текстом, который должен все объяснить, но так и остается неп прочитанным.

В основе пьесы Съеда Алви также лежит симуляция: герой теряет сознание и проживает целую воображаемую жизнь перед тем, как прийти в себя. Он — бродячий торговец снадобьями, чей коммерческий успех зависит от его красноречия. Текстуализация реальности сквозит в эпизодах, где подчеркивается власть, которую дает герою слово. В то же время проводится мысль о том, что слово не может полностью выразить смысл и чувство, из-за чего подлинный контакт невозможен: прожив в забытии семейную жизнь, герой приходит в себя, чтобы вновь в одиночестве продолжить путь.

Несмотря на наличие ряда внешних признаков, романы и пьесы вряд ли можно квалифицировать как вполне постмодернистские благодаря цементирующей их центральной идее особой малайской духовности, суть которой стремятся постичь и отстоять герои. Однако само существование подобных произведений говорит о потенциальной возможности развития постмодернизма на малайской почве.

С.В. Никольская

«Мысль семейная» в китайской литературе XX века

«Семейная» тема уходит корнями в древность, и не будет преувеличением утверждение, что в литературе каждой страны найдется не одно произведение о семье. Однако, прежде всего, возникает вопрос, как же его назвать: семейно-бытовым или домашним романом, романом мемуарным, семейной хроникой или семейной сагой.

В домашнем и семейно-бытовом романе в основном отражены жизнь и быт одного поколения семьи и намечается тенденция жизни поколения следующего.

Семейная хроника предполагает простое, без особых хитросплетений повествование, где все герои одинаково значимы, а центр тяжести перемещен на межличностные отношения в пределах семьи.

Семейная сага ассоциируется с многоплановым рассказом о жизни нескольких поколений одной семьи на фоне глобальных событий в стране.

Богатый материал для изучения указанной темы может дать китайская литература, ведь семейный уклад лежит в основе всей жизни. Страна — это большая семья, а семья — государство в миниатюре. Недаром особой любовью пользуется в роман Цао Сюэцина «Сон в Красном тереме» (сер. XVIII в.).

В романе Ба Цзиня «Семья» (1931), построенном по типу семейной хроники, рисуется внешне благополучная, но движущаяся к упадку большая семья. «Дети» хоть и почитают «отцов» в силу традиции, но больше не хотят жить по-старому. Глава рода не выдержав распада семьи, умирает, а самый младший представитель клана покидает дом навсегда. В семейно-бытовом романе Ба Цзиня раскрывается характер связи членов клана друг с другом. Отношения между ними строятся по принципу от единства к разрыву, а в центре внимания стоит проблема угасания традиционной семьи.

Совершенно иначе звучала семейная тема в 80-е и 90-е гг. XX в. Так, Мо Янь уже в названии — «Красный гаолян. Семейная сага» (1986) подчеркнул его жанровую принадлежность. События, происходящие в романе, изложены представителем четвертого поколения одной семьи, который в конце 70-х гг. XX в. обращается к событиям сорокалетней давности — японской агрессии в Китае и концентрирует внимание на сражении, произошедшем в его родных местах. Мо Янь буквально играет со временем — прерывистое, циклическое время раскручивается по спирали, каждый раз возвращаясь на исходную точку, от «сейчас» для рассказчика переходит к «сейчас» и «было» для главных героев. Так формируется рассказ о способности семьи воссоединиться в катастрофические исторические моменты, когда рушится все, а семья спланивается.

В небольшом романе «Из жизни женщин» (1995) Су Тун прежде всего сосредотачивается на судьбе женщины, которая неотделима от прошлого, настоящего и будущего семьи в целом. Повествование о четырех поколениях семьи охватывает длительный период — с 1938 по 1982 год. Три части повести названы «историями»

главных героинь — Сянь, Чжи, Сяо. Рассказ о первом поколении семьи, матери Сянь включен в историю её дочери. Судьба всех героинь трагична: первую соблазнил и покинул продюсер, вторая (Чжи) вышла замуж и после попытки суицида взяла ребенка из приюта, третья (Сяо), хоть и родила дочь о любимого мужа, но сразу развелась с ним и осталась одна с ребенком. Так Су Тун создает новую жанровую модификацию — «анти-семейный» роман, в котором подвергается сомнению возможность существования полноценной семьи.

В Китае, где семейные интересы всегда господствовали над индивидуальными, пока нет крупномасштабной саги, подобной европейской («Будденброки» Т.Манна, «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси) или ближневосточной («Джавдет-бей и его сыновья» О. Памука), хотя «семейная» тема встречается в китайской литературе XX в. в разнообразных вариантах. Прежде всего акцентируется внимание на постепенном угасании большой семьи — четыре поколения уже не могут ужиться под одной крышей, потому что младшие не хотят мириться с единовластием старших. В семейно-бытовом романе первой трети XX в. хотя и заметно влияние романа классического, но для автора гораздо важнее подчеркнуть, что в традиционной семье в новую историческую эпоху назревает кризис, и она движется от единства к раздробленности.

В последние десятилетия XX в. намечается тенденция рассказывать о семье, сфокусировав внимание на женщине. Если утверждается: женщина не может создать хорошую, счастливую семью, то получается, что сама идея «семейного романа» утрачивает актуальность. Если история семьи, где главную роль играет женщина, становится частью истории страны, то произведение приобретает характер «семейной саги».

Е.А. Оганова

К типологии сюжета «Сказки о царе Салтане...» А.С. Пушкина

К типологии сюжетов сказок А.С. Пушкина обращались не раз (работы М.К. Азадовского, Д.Т. Атаханова, М.К. Нурмухамедова и пр.). В одном из самых значимых исследований — монографии

М.К. Азадовского «Источники сказок А.С. Пушкина» — делается акцент на близость сказок Пушкина западно-европейским авторским и фольклорным сюжетам. Вопрос об источниках «Сказки о царе Салтане...» в данной работе, как и во многих других работах, посвященных этой проблеме, остается открытым.

Известнейший тюрколог Н.К. Дмитриев в своем предисловии к сборнику переводов турецких сказок делает интересное наблюдение о типологической близости пушкинской сказки с турецкими народными сказками, указывая, что исследовать сюжет «Сказки о царе Салтане...» следует с привлечением турецких материалов, в частности, в качестве возможного источника сюжета «Сказки о царе Салтане...» он называет турецкую сказку «Дильрюкюш», обращая внимание на близость героев и некоторых мотивов обеих сказок, но не развивая эту тему более подробно. При детальном анализе сюжетообразующих мотивов «Сказки о царе Салтане...» и «Дильрюкюш» наблюдение ученого получает очень внушительное подтверждение. Оставляя в стороне вопрос о практически полном совпадении главных и второстепенных персонажей обеих сказок, что само по себе может послужить темой отдельного исследования, в данном докладе я попытаюсь путём сопоставительного анализа сюжетов пушкинской и турецкой сказки проследить общие для них мотивы (с акцентом на мотивы турецкой сказки, т.к. мотивы пушкинской «Сказки о царе Салтане...» всем хорошо известны).

1. В обеих сказках идентична завязка. Действие начинается с того, что, собравшись как-то вечером, сестры (в обеих сказках фигурируют три сестры) делятся друг с другом заветными мечтами: старшая и средняя сестры мечтают о пиршествах и пышных нарядах, младшая мечтает родить ребенка. Падишах подслушивает их разговор и отдает предпочтение младшей сестре.

2. Мотив рождения детей, обладающих набором «чудесных» качеств: мальчик-богатырь и дети, похожие на шар солнца.

3. Мотив вредительства двух старших сестер: в обеих сказках завистливые сестры с помощью бабки (в турецком варианте бабка-повитуха — эбе-ханым) скрывают истинное положение дел от государя. В обеих сказках правитель узнает, что у него родилось существо нечеловеческого рода.

4. Мотив наказания: когда правитель узнает о том, что у него не будет детей, младшую сестру приговаривают к наказанию: за-

рывают по пояс в землю с тем, чтобы каждый проходящий бросил в нее камень.

5. Мотив стремительного взросления ребенка: в турецкой сказке выражен при помощи медиальной формулы «дети растут день ото дня... им исполняется 8–10 лет».

6. Мотив героических подвигов главных героев, происходящих в новом сказочном пространстве — вне дворца падишаха и соответственно вне страны Салтана. Первое, чем начинают заниматься окрепшие юноши, — это охота, во время которой царевич спасает царевну Лебедь, а сын падишаха встречает отца.

7. Мотив добывания героем чудес (впрочем, характерный для волшебной сказки вообще); в «Дюльрюкюш» он более развит: юноша преодолевает сложный путь, приобретает помощника в лице дэва, находит колодец, получает ключи, проходит через дверь пещеры и оказывается на кладбище, вблизи которого и расположен большой дворец.

8. Мотив чудесной жены: пери становится женой сына падишаха («Дюльрюкюш»), а Лебедь — женой царевича («Сказка...»).

9. Мотив волшебного превращения главного героя: в турецком источнике обратимой метаморфозой является превращение юноши в камень до самой шеи, у Пушкина царевич становится комаром, потом мухой и, наконец, шмелём. Необратимое превращение встречается только у Пушкина — Лебедь превращается в царевну.

10. В конце обеих сказок устраивается грандиозный пир в честь государей, славящий торжество добра.

Также крайне интересным представляется сопоставить «Сказку о царе Салтане...» с турецкой фольклорной «Сказкой о Плешаке», которая во второй своей половине являет пример удивительного сюжетного соответствия сказке Пушкина, что подкрепляется и большими текстуальными совпадениями: Плешака вместе с девушкой и ребенком заколачивают в бочку и кидают в море, Плешак «по соизволению рыбы» воздвигает такой дворец-конак, что многие проезжающие мимо «давались диву», а изумленный падишах специально приезжает посмотреть на диковинный дворец. Эти сопоставления на уровне мотивов обеих сказок можно продолжать и далее.

Таким образом, число совпадающих мотивов в пушкинской «Сказке о царе Салтане...» и турецких фольклорных сказках

«Дюльрюкюш» и «Сказка о Плешаке» значительно, при том что в турецких источниках набор сказочных мотивов гораздо более богат, чем у Пушкина (так, в турецких источниках встречается мотив нахождения и вскармливания грудных детей, воспитания детей чужим лицом, мотив обмана антагонистом героя, мотив спасения младшей сестры и пр.).

Все это позволяет утверждать, что, очевидно, указанные выше турецкие сказки или их варианты были знакомы Пушкину и сыграли свою роль в сюжетостроении его знаменитой сказки.

К.Т. Осипова

Высказывания сотрапезников как источник мудрости

Большинство материалов для своих трактатов и антологий арабские ученые получали не столько из письменных источников, сколько во время интеллектуальных собраний (*маджалис*). Гномические высказывания (*хикма*) во многом определяла форму общения и идеологию правящих слоев: мудрые ритмизованные сентенции, возводимые к авторитетному источнику, использовались для большей убедительности речи, усиления ее эстетических качеств. *Хикма* отражала должную модель поведения, основанную на предыдущем опыте. Известный арабский критик Ибн Дурайд (837–934 / 223–321) дает такое определение: «Любое изречение, которое дает совет, побуждает к благородному поступку или предостерегает дурное поведение есть *хикма*». Одной из социально-профессиональных групп, пользовавшейся особым статусом при дворе, были сотрапезники (*надама*). Наиболее важным качеством *надима* было умение поддерживать разговор — будь то ученый диспут или шутовское препирательство — в соответствии с глубоким пониманием сути человеческой природы. Цель данного доклада — рассмотреть меткие и остроумные изречения сотрапезников в рамках корпуса гномических изречений в классической арабской литературе. Предметом анализа являются сборники исторических анекдотов (ал-Сули, ал-Са'алаби), филологические труды (Ибн ал-Асир, ал-Майдани, ат-Танухи), а также трактаты жанра *адаб* (Ибн ал-Ракик, ал-Уашша').

А.Л. Полян

**Наивная поэзия искушенных авторов:
поэзия еврейского просвещения на идише**

Как национальный еврейский язык и как язык многовековой еврейской литературной традиции воспринимался иврит. Однако в еврейском просвещении в Германии, парадоксальным образом, как язык еврейской самоидентификации стал концептуализироваться именно идиш — язык, связанный с еврейской изоляцией. Еврейские просветители в Германии прокламировали вытеснение идиша из всех сфер коммуникации и замену его языком титульной культуры — немецким, французским и т.д. И действительно, на протяжении нескольких поколений западноевропейское еврейство практически перестало использовать идиш. Однако в Восточной Европе по ряду причин еврейское просвещение обращалось к идишу как к языку литературного творчества.

Сложилась ситуация, когда в рамках одной дискурсивной практики — поэзии — сосуществовали два языка с совершенно разным статусом: сакральный и высокий язык (иврит) и vernacular (идиш). Вслед за И. Эвен-Зоаром, мы обозначаем подобную ситуацию как существование полисистемы.

Два эти языка концептуализировались совершенно по-разному: иврит — как богоданный язык, дарованный людям, чтобы отличать их от животных и уподоблять ангелам, идиш — как язык, существование которого определяется естественными законами, возникший по естественным причинам; ивриту приписывалась в первую очередь символическая и эстетическая функция, идишу — коммуникативная.

Традиционно основным языком литературного творчества был именно иврит, и это представление, подкрепленное языковой политикой просветителей, просуществовало вплоть до конца XIX века. Практически все восточноевропейские писатели XIX века начинали свою творческую деятельность на иврите, и лишь позже переходили на идиш. С одной стороны, такой переход помогал достичь широкой читательской аудитории (тиражи самых популярных книг на идише почти в 1000 раз превосходили соответствующий показатель на иврите). С другой стороны, обращение к идишу как к языку литературного творчества считалось недостойным настоящего писателя и даже предосуди-

тельным. Как отмечает Д. Мирон, на протяжении нескольких десятилетий просветительские писатели, сочиняя произведение на идише, считали своим долгом предпослать ему предисловие с объяснением столь странного выбора языка. Частым мотивом этих предисловий было ощущение собственного новаторства: авторы отмечали, что писать им тем сложнее, что на идише практически ничего не написано. Так сложилась литературная традиция, которая на протяжении нескольких десятилетий (с 1810-х до 1880-х гг.) отрицала свое существование.

Просветительская поэзия на идише появляется еще позже, чем проза: первые сборники выходят только в 1860-е годы, — и в системе родов и жанров просветительской литературы на идише остается маргинальной.

Наше выступление посвящено просветительской поэзии на идише — прежде всего идишеязычным стихам двуязычных просветительских поэтов (И.Л. Гордона и А.Б. Готлобера). Поэтические их тексты на иврите и на идише заметно разнятся между собой. Наметим несколько основных различий:

1. Просодия. Если восточноевропейская просветительская поэзия на иврите писалась в соответствии со сложной системой просодических правил (силлабика, унаследованная от итальянских еврейских поэтов, с некоторыми коррективами; строгие правила рифмовки и подсчета слогов, учитывающие чуждую восточноевропейскому ивриту произносительную традицию), то поэзия тех же авторов на идише ориентируется на силлаботонику по русскому образцу.

2. Метатекстовая и метаязыковая рефлексия. Идеалом поэтического языка провозглашался библейский иврит, который определялся как «чистый» и «беспримесный». Просветительская поэзия стремилась к лексической, морфологической и цитатной чистоте: она старалась избегать постбиблейских лексем, словоформ и цитат. Поэзия же на идише была максимально стилистически и морфологически гетерогенна и не была построена на цитировании. Меньшая степень рефлексии делала поэзию на идише более открытой к современным литературным влияниям (не артикулируемым).

3. Положение в системе стилей. На иврите писалась высокая поэзия, на идише — низкие жанры. Соответственно, только в поэзии на идише были возможны пародия — с одной стороны — и скепсис по поводу назначения поэзии — с другой.

Основная литература

Even-Zohar Itamar. Polysystem Studies // Poetics Today. Vol. 11. Number 1. Spring 1990.

Miron D. A Traveler Disguised. A Study in the Rise of Modern Yiddish Fiction in the Nineteenth Century. N.Y., 1973.

Shavit U. Ha-mahpekha ha-ritmit. Tel Aviv, 1983.

3. Рамазанов**Тема предопределения судьбы человека
в арабо-мусульманской литературе**

Тема предопределения судьбы человека в исламе и фатализма является одной из наименее изученных в российском востоковедении. В первую очередь рассматривается частотность и характер упоминаний терминов, связанных с предопределением в Коране, а также других смежных тем. В Коране неоднократно подчеркивается правильность решений, выносимых Аллахом относительно судьбы людей. Далее следует лексикологическая справка относительно терминов, используемых в описании темы фатализма, в том числе в доисламский период. Фатализм в исламе тесно связан с учением о Судном дне, воздаянии за деяния на Земле.

Важно и обратить внимание на то, как отражалась эта тема в трудах богословов, к примеру, аль-Бухари. Здесь намечаются разногласия в подходах к данной теме.

Ядро работы составляет глава о трансформации данной темы в средневековой арабской литературе (макамы, народные романы и т.д.).

Данная проблема рассматривалась также греческих философов (Сократ, Платон, Аристотель), ее можно проанализировать и с точки зрения христианской догмы (идея первородного греха), мыслителей эпохи Возрождения (Бэкон, Декарт, Лейбниц — рациональное превыше духовного).

Ряд мусульманских учений тем или иным образом выступали против идеи об отсутствии воли у человека. В частности, кадариты, мурджииты, ашириты и мутазилиты были теми представителями мусульманской философии, которые считали, что человек обладает способностью влиять на события своей жизни, и что он отвечает за свои деяния.

Джабариты придерживались идеи абсолютного фатализма, человек по их мнению — пассивный агент.

При рассмотрении данной темы необходимо увязать ее с представлениями о фатализме, Судном дне, воздаянии после смерти, причем не только в исламе, но и в других мировых религиях и культуре. В целом в Коране не раз упоминается, что судьба человека предрешена, но тем не менее ему стоит избегать плохих поступков, с тем чтобы в Судный день было принято решение в его пользу и он оказался впоследствии в Раю.

М.Л. Рейснер**Проблема становления средневекового
романа в персидской классической литературе**

Ученые, занимавшиеся проблемой становления ранних романых форм в разных литературных традициях, такие, как, Е.М. Мелетинский, уже сформировали общее представление о том, какова типологическая характеристика этого вида нарративной литературы. Были выделены основные жанровые признаки и подтипы средневекового романа, выяснены генетические корни романических сюжетов, такие, например, как богатырская сказка и героический эпос. Средневековый роман был, наряду с любовной лирикой, закономерным способом выражения идеи индивидуальной любви. На нем я и сосредоточу внимание.

Общие выводы нуждаются в конкретизации применительно к персидской литературной традиции. Это касается и источников формирования фонда сюжетов, и способов романизации старых повествовательных моделей, и этапов развития средневекового романа как одного из наиболее продуктивных жанров классической персидской поэзии в период ее наивысшего подъема (X–XV вв.).

Начнем с источников формирования фонда сюжетов. Помимо собственно иранских источников, восходящих к доисламской эпохе и связанных с героическими и историческими преданиями («Вис и Рамин» Гургани — XI в., «Хусрав и Ширин» Низами — XII в.), сюжеты могли иметь также арабское или греческое происхождение. Арабские сюжеты о несчастных влюбленных, связанные с традицией 'узритской любовной лирики, не только вошли в персидскую поэзию как самостоятельные сюжеты («Гулшах и Варка» Аййуки — XI в., «Лайли и Маджнун» Низами — XII в.), но и выступили в качестве специфического механизма трансфор-

мации местных героико-исторических повествований. Греческие сюжеты можно разделить на две группы — популярные истории об Искандере (Александре Македонском) и все остальные («Вамик и 'Азра» 'Унсури — XI в., «Саламан и Абсал» Джами — XV в.). Следы сюжетной схемы эллинистического любовного романа-испытания можно обнаружить также в построении первой части поэмы «Хусрав и Ширин» Низами, в которой герои-влюбленные преодолевают исключительно внешние препятствия на пути соединения.

Способы переосмысления старых эпических сюжетных моделей с целью создания новых — романских — относятся как к области смысла и кругу идей произведения, так и к области формы. Главной чертой романа следует считать сосредоточение на личной судьбе главного героя. Если в героическом эпосе решаются судьбы государства, народа, нередко воспринимаемые как судьбы всего мира, то в романе повествование затрагивает личные проблемы, лежащие в области чувств и отношений отдельного индивида. Эпос учится у лирики описывать внутренний мир человека, поэтому в ранних образцах персидской любовно-романической поэмы налицо заимствования из любовной лирики. В повествование добавляются монологи и диалоги, раскрывающие мотивировки поступков, движение мысли персонажа. В качестве несюжетных вставок используются «песни» (*суруд*), любовные стихи (*газал*) и письма (*нама*) персонажей, которые становятся специфическими жанровыми маркерами.

Если обратиться к вопросу периодизации развития жанра можно выделить четыре основных этапа: 1) формирование синкретического комплекса персидского героического эпоса и его распад (Фирдауси «Шах-нама», рубеж X и XI веков); 2) складывание романического типа эпического повествования (Аййуки, 'Унсури, Гургани — XI в.); 3) формирование канона романического эпоса (Низами — XII в.); 4) экстенсивное развитие канона — формирование дидактико-философской, аллегорической и др. разновидностей романического эпоса (Санаи, 'Аттар, Амир Хусрав Дихлеви, Джами и др. — XII–XV вв.).

Литература

Мелетинский Е.М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М.: Наука, ГРВЛ, 1983.

Рейснер М.Л. «Дидактика любви»: «Десять писем» в поэме Гургани «Вис и Рамин» (XI в.) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 2. С. 55–67.

Рейснер М.Л. Лирические вставки в персидском любовно-романическом эпосе XI–XIII вв.: генезис и жаровые функции // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 1. С. 49–61.

М.Л. Рейснер

Поэма «Йусуф и Зулейха» Азера Бигдели (XVIII в.) в его антологии «Храм огня» («Атешкаде»)

Первая поэтическая обработка коранической истории Йусуфа в персидской литературе восходит к рубежу X и XI века. Первоначально она приписывалась Фирдоуси, однако современные иранисты от этой атрибуции отказались. В отечественной науке эту самую раннюю поэму впервые описал Е.Э. Бертельс. Самой популярной и «образцовой» по праву считается поэма «Йусуф и Зулейха» 'Абд ар-Рахмана Джами, созданная в 1483 году. После Джами количество обработок сюжета возросло. Известность получили поэмы Назима Харави (XVII в.) и Лотф 'Али-бек Азер Бигдели (XVIII в.). Сочинение последнего привлекло мое внимание по двум причинам. Во-первых, Азер — яркий представитель и собиратель стихов исфаханской школы поэтов, деятельность которой вылилась в литературное движение, декларировавшее идею «возврата к древности» и получившее название «Базгашт-е адаби» («Литературное возвращение»). Во-вторых, Азер, по всей видимости, высоко ценил свое произведение, поскольку включил его полный текст в составленную им антологию «Атешкаде».

На данном этапе изучения эволюции коранической истории Йусуфа в персидской поэзии мне удалось привлечь к анализу «Истории пророков» (*Кисас ал-анбийа*). Ознакомление с этим источником показало, что все поэтические обработки опирались именно на этот вариант изложения сюжета. Примыкающие к традиции комментирования Корана «Истории пророков», с одной стороны, полностью следуют за сурой «Йусуф», с другой стороны, в них предпринимается попытка найти мотивировки поступкам героев, оправдать или осудить их, а также заполнить сюжетные и логические «пустоты», имевшиеся в кораническом рассказе. Именно в «Кисас» в историю Йусуфа проникают новые эпизоды и персонажи. Персидская версия «Историй пророков», созданная в XI в., принадлежит перу Абу Исхака Нишапури. Сле-

довательно, концовка предания, отсутствующая в суре 12 Корана и повествующая о повторной встрече Йусуфа и Зулейхи, была известна уже на раннем этапе формирования литературы на новоперсидском языке. Все сюжетные ходы персоязычной версии «Кисас ал-анбийя» получили дальнейшее развитие и в репертуаре мотивов персидской классической лирики, и в романических поэмах. Очевидно, Азер Бигдели выбрал своим ориентиром одноименную поэму Джами. Об этом свидетельствует и порядок следования глав, и отдельные детали повествования. Однако Азер еще в большей степени, чем Джами, стремился ограничить историю Йусуфа перипетиями его отношений с Зулейхой, т.е. окончательно закрепить за этим сюжетом статус любовного романа. Так, из повествования была исключена линия толкования Йусуфом снов фараона и возвышения героя при египетском дворе, которая подробно развернута у Джами.

Обращает на себя внимание, что уже в поэме Джами, обладающей всеми характеристиками романического нарратива, можно наблюдать наличие эротических элементов. Речь идет, прежде всего, о главе, посвященной описанию первой брачной ночи Йусуфа и Зулейхи. Азер также включает в свою поэму аналогичную главу. Ключевым мотивом главы у обоих авторов выступает сохранение героиней девственности невзирая на предшествующую жизнь в браке. Метафорическое воплощение любовной сцены выглядит общим для обоих поэтов и восходит к соответствующему эпизоду поэмы Низами «Хосров и Ширин». Наличие развитой традиции эротических сцен указывается на прямую связь поэмы Джами с поэмой Низами, что уже отмечалось мною в прошлогоднем докладе, и на ориентацию Азера на классические образцы романического эпоса.

Не вызывает сомнения также, что Азер воспринимал историю Йусуфа исключительно в рамках канона любовно-романической поэмы, а связь с кораническим преданием выглядела все более условной.

Литература

Абу Исхак Ибрахим Нишапури. Кисас ал-анбийя (Истории пророков) / Ред. Х. Йагмаи. Тегеран, 1392 (2014). С. 84–149.

Азер Бигдели, Лотф Али-бек. Атешкаде (Храм огня). 2-е изд. Ч. 2. Тегеран, 1388 (2010). С. 782–783.

Низами Ганджеви. Хосров ва Ширин / Ред. и коммент. Б. Зенджани. Тегеран, 1376 (1998). С. 235–237.

М.М. Репенкова

Лингво-культурологический анализ текста турецкого детектива

Лингво-культурологический анализ популярного детективного романа турецкого прозаика А. Умида «Рапсодия Бейоглу» (Beyoğlu Rapsodisi, 2003) демонстрирует принадлежность этого произведения к массовой литературе, что выражается:

1. В стилистической конфликтности текста. Автор соединяет книжную и разговорно-просторечную лексику в одном контексте: «Я заметил, как *в мгновение ока* последние следы радости исчезли с Катиного лица. Она потянулась, взяла бокал с вином, молча выпила. *Уже хлебнувший* Кенан даже не заметил *глупости, которую он сморозил*». Литературно-книжная форма «в мгновение ока» (bir anda) сочетается с просторечным определением «уже хлебнувший» (çakırkeyif) и просторечным устойчивым сочетанием «сморозить глупость» (pot kırmak). Преднамеренные сочетания маркированных средств не отвечают высокому вкусу;

2. В профессионально-технических вставках, нарушающих ясность речи. Например, из области фотосъемки: «В потолок были вмонтированы *несущие рельсы*, мне в глаза бросились две *подвижные лебёдки*. Полагаю, что их использовали для проведения съемки сверху. Посередине студии стояли два огромных *парафлэша*, а перед ними *шаттер*, служащий для смягчения светового потока...». Технические детали типа «подвижные лебёдки» (hareketli vinç), «несущие рельсы» (taşıyıcı raylar) расширяют представление о проведении профессиональной фотосъемки. Но слова узкого употребления типа «парафлэш» (paraflaş — осветительные лампы), «шаттер» (perdeleyici — ширма-светопоглотитель) не разъясняются;

3. В использовании обценнизмов и жаргонизмов. Они употребляются в высказываниях представителей криминальных кругов. Часто это междометные выкрики или вставки-сорняки, которые помогают писателю более достоверно воспроизвести языковой быт криминальной среды, служат сигналами принадлежности того или иного персонажа к криминальному кругу, то есть участвуют в формировании оппозиции «свой — чужой»;

4. В небогатом арсенале тропов. В тексте фиксируются единичные стандартные сравнения, чаще при описании городских улиц;

«Эта великолепная улица, похожая на большую реку с множеством рукавов и протоков, объяла всё и вся...». С рекой сравнивается ночная толпа на улице Истикляль и сама улица. С бушующей рекой сравнивается человеческая жизнь. С морем сравниваются полные грусти зелёные глаза героини. Стамбульский район Бейоглу сравнивается с Вавилонской башней, один из главных героев Кенан — с Эрколе Пуаро, а другой Селим — с ходячей энциклопедией и доктором Ватсоном и т.п. В романе имеются малочисленные метафорические олицетворения, используемые автором при описании улиц и зданий Бейоглу. Улицы и дома приобретают у А.Умида свойства людей, а люди — свойства пространства. Единичные несложные метафоры демонстрируют ход размышлений главных героев в процессе раскрытия ими преступлений: «Аналитические выкладки Кенана уводили его в тупик, в *болотную топь*...». Основа метафорического переноса значения осознаётся без труда. Анализ тропеических средств приводит к выводу о стандартности образного мышления автора;

5. В среднелитературной речевой культуре. В целом А.Умид относится к литературной языковой традиции с уважением, хотя в тексте и присутствуют языковые нарушения: «Эта женщина действительно *втюрилась* в нашего парня». Просторечное «втюриться» (abaу yakmak) следовало бы заменить литературным формой «влюбиться» (aşık olmak). Вряд ли в речи рассказчика целесообразно использование просторечных устойчивых словосочетаний типа «рыдать весь в слезах и соплях» (salya sümük ağlamak), «нализаться» (kafaları çekmek) и т.п.

Лингво-культурологический анализ романа Ахмеда Умида «Рhapsодия Бейоглу» позволяет выявить стандартность, клишированность вербального выражения мысли автора, которые доминируют над средствами образного воссоздания действительности. Писатель оперирует готовыми стереотипными формулами, пытаясь создать занимательный детективный сюжет. Но эта занимательность вытесняет в романе эстетическую функцию.

Список литературы

Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А. Массовая литература сегодня. М., 2010.

Черняк М.А. Массовая литература XX века. М., 2009.

Ümit A. Beyoğlu Rapsodisi. İstanbul, 2013.

О. Сапожникова

Первая монгольская поэтика

«Врата литературы»: традиция и новаторство

Поэтический трактат С. Буяннэмэха датирован 1935 годом. Сочинение, состоящее из двух тетрадей и пяти глав, представляет собой своеобразный учебник для начинающих литераторов с заданиями и упражнениями для читателей. Первая часть посвящена специфике художественной литературы, ее функциям и особенностям, а также стихосложению, вторая — стилю письменной литературы, повествовательным жанрам и поэтическому созвучию и синтаксису, в третьей части внимание автора снова обращено на художественные особенности стихотворений и на традиционные для монгольской литературы жанры такие, как магтал, юрол и сургал. Четвертая часть содержит рассуждения Буяннэмэха о комической литературе, крупных и малых повествовательных жанрах, а также рассуждения о загадках, баснях и о драме. Пятая, заключительная часть, посвящена понятию литературного таланта и художественной критике.

В учебном пособии Буяннэмэха наибольшее внимание уделено произведению как художественному целому: его составу, структуре и функционированию. Вопросы типологии и генезиса опущены.

Основополагающими понятиями для Буяннэмэха как теоретика литературы являются: художественная целостность и содержательность формы. В трактате есть отдельные подглавы, посвященные содержанию произведения (тема, идея, смысл, замысел) и форме (стилистические и композиционные приемы).

Действительно, Буяннэмэх описывает практически все жанры и виды современной ему монгольской литературы конца XIX — начала XX вв. при этом монгольский автор остается верным старой поэтической традиции и канону Дандина. Буяннэмэх выделяет устную и письменную литературу. Можно сказать, что для него подлинная литература — это письменные сочинения. Особое внимание уделено фигуре автора и понятию авторства. При этом он опускает фольклор, но обращается к таким исконно народным жанрам как загадки, басни, магталы, юролы в контексте авторской литературы.

Подлинной художественной литературой в старое время у монголов считалась именно поэзия, а проза всегда была функ-

циональна. Возможно, поэтому большая часть трактата посвящена поэзии. Отметим, что несколько глав он посвящает парным строкам и двустушиям, которые являются отдельной традицией в монгольской старой литературе, этот стиль и вид творчества еще до сих пор не изучен. Здесь просматривается влияние китайской поэзии парных строк — традиция каллиграфии — на свитках поверх живописи и графического изображения всегда писали двустушия.

Не меньше внимания он уделяет повествовательным жанрам. Похоже, что термин *өгүүлэг* придумал впервые Буяннэмэх, чтобы конкретизировать повествовательный жанр малых форм, обозначил его переходную форму — *үлгэр-өгүүлэг*. При этом *үлгэр* — здесь не сказка, а повествование, т.е. привычное обозначение жанра рассказа в старой литературе.

Теоретические положения Буяннэмэх иллюстрирует сюжетами из новой революционной действительности в аллегорической форме — тоже в духе старой поэтики. Но так решались тогда задачи агитации и пропаганды, борьбы старого плохого с хорошим новым: видимое примирение старой формы и нового содержания.

Впервые Буяннэмэх освещает такой род литературы как драма. Большое внимание он уделяет комедиям и трагедиям. Интересно, что в стороне не остается и опера.

Необычный поэтический трактат Буяннэмэх будто бы сам сочетает в себе несколько «жанров»: он похож на учебное пособие, дневник, очерк. Главное достижение монгольского автора состоит в том, что в своем сочинении он смог запечатлеть переходный период монгольской литературы.

И.И. Семененко

Китайская экзегеза как диалогический жанр

В Китае конфуцианскую экзегезу (о ней прежде всего идет речь) нередко возводят к Конфуцию (VI-V), и как доминирующая часть традиционной китайской литературы она непрерывно развивалась до отмены экзаменационной системы в 1905 г. За это время возникло множество форм толкования, включая эссе, записи речей и др., но основу китайской комментаторской традиции составил подстрочный комментарий, который разделился на два основных вида с их разновидностями: первичный, *чжу* (*чжуань*, *цзи*,

чжанцзюй, *цзи чжу* и др.), писавшийся на канонический текст, и вторичный, *шу* (*ишу*, *чжэнги*, *шуи* и др.), пояснявший первичный комментарий. И оба, особенно *чжу*, отличались наибольшей близостью к исходному тексту. Поэтика этих жанровых форм, имевших философский, научный и литературный характер, чутко отражала особенности идеологического и художественного сознания сменявшихся исторических эпох. И она является весьма непростой, особенно в *шу* — комментарии на комментарий. В качестве одной из ее узловых тем выделяется вопрос о диалогической природе конфуцианского комментария.

Два аспекта этой темы на примере фрагмента из комментария Чжу Си (1130–1200) к *Мэнцзы*.

1. Риторическая полифоничность. Комментарий как рациональная гибридизация 6 разных эксплицитно обозначенных точек зрения: двух древних «премудрых людей» *шэнжэней* (Мэнцзы и по ссылке Чэн И на *Луньюй* — Конфуция), экзегета (Чжу Си), его двух современников — мыслителей XI–XII в.в., обучаемых им студентов. Но имплицитное наличие также судьбой точки зрения: древнего комментатора Чжао Ци (108–201), чей комментарий был для Чжу Си настольной книгой и всегда присутствовал, зримо или незримо, в его комментировании Мэнцзы.

2. Современные мыслители для Чжу Си как авторитеты. В процессе снятия дистанции между сакральной мудростью и обычным «человеком на дороге» превращение авторитарного слова во внутренне убедительное, а внутренне убедительного в свое слово.

Чжу Си. «Сводный комментарий к *Мэнцзы*» *Мэнцзы цзи чжу* (12.7.):

«...Есть предметы, и обязательно есть правила, подобно тому, как если есть уши и глаза, то имеются способности слуха и зрения, а если есть отец и сыновья, то имеются чувства отцовской любви и сыновней почтительности, это постоянная природа, которой придерживается народ, поэтому в чувствах людей не может не быть любви к этим прекрасным качествам. Если исходить из этого, то можно увидеть добро человеческой природы, и три учения, о которых спрашивал Гундуцзы, без какого-либо спора о них сами собой проясняются. Учитель Чэн (Чэн И, 1033–1107) говорит: “Природа — это принцип, а принцип един для Яо с Шунем и для человека на дороге. Дарование получают от порыва (*ци*), а порыв бывает чистым и мутным; те, кто по-

лучают его чистым, становятся достойными, а кто получает его грязным, — глупыми. Если 'познают в учении' (Лунъюй, 16.9.), то независимо от чистоты и мутности духа могут достигнуть добра и возвратиться к изначальности природы, [таковы были] Тан и Воинственный, которые 'этого добились сами' (Мэнцзы, 13.30.). А сказанное Конфуцием о том, что 'низшая глупость не изменяется' (Лунъюй, 17.3.), относится к людям, 'насилующим и отбрасывающим себя' (Мэнцзы, 7.10.). [Он] также говорит: "Рассуждение о природе без рассуждения о порыве не полно, рассуждение о порыве без рассуждения о природе не ясно; отделять их друг от друга не является правильным". Учитель Чжан (Чжан Ши, 1133–1180) говорит: "В телесном содержится природа порывистой материи (*ци чжи чжи син*); если добро возвращается к ней, то природа Неба и Земли сохраняется. Поэтому в природе порывистой материи благородный муж обладает тем, что ею не является". По моему скромному мнению, в этом высказывании учителя Чэна иероглиф "дарование" употребляется в несколько ином [смысле], чем в данном тексте Мэнцзы. Мэнцзы говорит о нем, указывая только на его происхождение от природы, поэтому считает, что дарование не может не быть добрым; учитель Чэн говорит о нем, указывая вместе с тем на то, что его получают от порыва, и в таком случае дарование человека изначально может различаться по ясности и силе — [это] и есть то, что учитель Чжан называет порывистой материей. Хотя [эти] два учения различаются, в каждом есть то, что можно принять, но если исходить из принципа вещей, то [понимание] учителя Чэна является более тонким. Хотя в порывистой материи может быть недоброе, но [это] не наносит вреда изначальной доброте; хотя природа изначально добра, но не может обходиться без того, чтобы не трудились над ее исследованием и исправлением; [это] то, во что учащиеся должны глубоко и до тонкостей вникнуть».

Список литературы

1. Gardner D.K. Confucian Commentary and Chinese Intellectual History // The Journal of Asian Studies. 1998. 57. No. 2.
2. Imagining Boundaries: changing Confucian doctrines, texts, and hermeneutics / Ed. by Kai-wing Chou, On-cho Ng, and B. John. Henderson. State University of New York Press, Albany, 1999.
3. Gardner D.K. The Four Books: The Basic Teachings of the Later Confucian Tradition. Indianapolis: Hackett Publishing. 2007.

М.В. Семенюк

Изображение «Культурной революции» в романе Ван Аньи («История Дядюшки»)

Осмысление собственного исторического прошлого всегда играло значимую роль для китайского литературного творчества, новую актуальность это приобрело во второй половине XX века. Трагический опыт политических кампаний и в особенности «культурной революции» вызвал необходимость поиска новых, адекватных этому содержанию форм художественного творчества. Начиная с 80-х годов мы можем наблюдать появление целого ряда направлений этого поиска: «литературу шрамов», наполненную болью о пережитом, литературу «поисков корней», искавшую смысл в возвращении к истокам, литературу «дум о прошедшем» и ряд других. Оригинальную форму переосмысления и литературного воплощения опыта «культурной революции» мы можем увидеть в произведениях известного современного автора — писательницы Ван Аньи. Будучи непосредственной жертвой политики реформ, она в своих произведениях «драматизирует» этот опыт в том смысле, что он обретает свою художественную форму, и «литературность» этой формы подчеркивается автором. Особенно ярко этот прием проявился в романе 1990 года «История Дядюшки».

Действие романа охватывает «отправления в горы и деревни» и, собственно, «культурную революцию». Повествование построено по типу романа в романе, «хоушэ сяошо»[1], то есть в нем описан процесс создания самого текста, в расследовании, сверке фактов и сопоставлении версий, проводимом нарратором в попытках ответить на главный вопрос — какова же истинная судьба героя. Расследование ведется с опорой на еще одно литературное произведение, автор которого — сам главный герой-Дядюшка. Он, будучи писателем, «переписывает» историю своей жизни, что помогает ему обрести новое положение в обществе. Пытаясь освободиться от ненавистного прошлого, он сочиняет себе другое, в котором он счастливчик и герой, он верит в него сам и заставляет поверить других.

Вокруг этого «произведения» появляется ряд альтернативных историй, связанных с различными персонажами, вся ткань романа построена на переплетении истинного и ложного. Это диктует специфический характер изображения «культурной революции» — мы видим массу ее «вариантов» в различном изло-

жении, из которых доминирующий — тот, в котором «культрев» становится чем-то, наподобие деревенского празднования, когда «каждый день в маленьком селе был похож на ... бесплатное представление трагикомических спектаклей»[2]. Так трагедия целого поколения низводится до бессмысленного разбирательства вокруг главного героя, которое, за неимением фактов, различным образом домысливается.

Элементы «осознанной литературности» проявляются и в наличии программных заявлений рассказчицы о замысле повествования, об отборе сюжетных линий, о принципах создания образа, а также в композиционных приемах: обозначение значимых моментов сюжета до их появления в тексте, инверсии и ретроспекции сюжета. В сюжете причинно-следственные связи между элементами постоянно конструируются заново, что придает действию характер расследования, которое, в итоге, приводит читателя к истинной истории, воплощенной в развязке, где мы видим несчастного, лишенного идеалов и смысла жизни человека, символа целого «потерянного поколения».

Таким образом, в романе присутствует не только изображение исторической действительности, но и попытка через литературную форму осмыслить и принять ее. Изобразив «культурную революцию» как представление на потеху зрителям и читателям, сатирически акцентируя «литературность» происходящего, автор смещает акцент драмы событий, высвечивая трагедию социальную, трагедию «потерянного поколения» без морали и идеалов, для которого «добро» и «зло» подменилось «счастьем» или «несчастьем», и которое в попытках изжить пугающее прошлое обратилось к игре в литературу и к сочинению историй. Тем самым, «История Дядюшки» стала частью важнейшего процесса в новейшей литературе Китая, в рамках которого произошел переход от «обнажающих оставленные болезненные раны и шрамы» произведений к более глубокому субъективному творчеству, описывающему «внутренний мир человека и скрытые особенности человеческой натуры»[3].

Литература

1. Чэнь Сыхэ. Чжунго сяндандай вэньсюэ минпянь шиуцзян (Пятнадцать лекций знаменитых произведениях новой и новейшей литературы). Пекин, 2003.
2. Ван Аньи Шушу дэ гуши — Ван Аньи чжунпянь сяошо (История Дядюшки — Проза Ван Аньи). Шанхай, 2004.
3. Лю Цзайфу. Дух китайской литературы и путь ее развития за последние 10 лет // Жэньминь вэньсюэ. 1988. Вып. 2.

Г.В. Стрелкова

Старинный сюжет о Видье и Сундаре сквозь века и страны

Доклад посвящен трансформации традиционного сюжета о Видье (Знание, Наука) и Сундаре (Красота) на протяжении веков, вплоть до эпохи Просвещения в Индии. Проявления просветительских тенденций наблюдаются в произведениях индийской литературы уже с середины XVIII века. Один из наиболее известных поэтов того времени — бенгалец Бхаратчандра Рай (1760–1853), придворный поэт, создал по заказу своего патрона поэму «Аннадамангалкавья» (Прославление богини Аннады-Аннапурны, дарительницы пищи) в традиционной жанровой форме «мангалкавья». Вторая часть этой трёхчастной поэмы популярна и по сей день под названием «Видья Сундар». В ней излагается любовный сюжет, который был известен и в санскритской поэзии («Чаурапанчашика» Билханы), о принцессе Видье и принце Сундаре. Поэтические достоинства «Видья Сундар» Бхаратчандры Рая, светский характер его трактовки сюжета о двух влюблённых, которым помогает богиня Аннада-Калика, использование новых тем, а также хорошо известных исторических и этнографических реалий, — всё это способствовало славе и самого поэта, и «Аннадамангалкавьи». Поэма считается одной из предтеч литературы Нового времени в Индии. «Отец» индийского Просвещения, Рам Мохан Рай, в своей грамматике бенгальского языка использовал примеры в основном из «Видьи Сундара». Позже, в XIX веке, эта поэма получила драматургическое воплощение на бенгальском и других языках Индии.

Поэма «Видья Сундар» была переведена еще в конце XVIII века и на русский язык нашим великим соотечественником Герасимом Лебедевым (1749–1817), чью память бережно хранят индийцы, почитая Г. Лебедева как родоначальника индийского театра Нового времени. Он включил несколько песен из «Видьи Сундара» и в одну из своих постановок на бенгальском языке. Перевод с бенгальского на русский именно этой части поэмы Бхаратчандры Рая подтверждает популярность поэмы, которая позже была адаптирована или переведена на другие индийские языки. Слава «Видьи Сундара» достигла и хиндиязычных районов Индии. Основатель современной литературы хинди Бхаратенду Харишчандра (1850–1885) написал свою раннюю пьесу «Видья Сундар» (1868), кото-

рая считается переложением (*рупаантар*) пьесы бенгальского драматурга XIX века Ятиндрамохана Тхакура о принце Сундаре из южного Канчи и принцессе Видье из Бардхавана. Сюжет этой пьесы в основном соответствует более ранней интерпретации сюжета Бхаратчандрай Раем.

Доклад основывается преимущественно на пьесе хинди Бхаратенду Харишчандры. Рассматриваются изменения, внесённые им в композицию традиционной *натйки*, а также в сюжет, с тем, чтобы создать более современную атмосферу, лишённую элементов сказочности. Характеризуются также элементы реализма, используемые при создании образов и главных героев, и второстепенных персонажей. Учитывая, что среди более поздних пьес Бх. Харишчандры были и символично-аллегорические, его ранняя героиня, принцесса Видья (Знание) может быть воспринята как символ образованной и прогрессивной молодой женщины, достоинствам которой помогает расцвести принц Сундар (Красота). Молодой драматург практически не использовал сказочных мотивов сюжета, а действие приблизил к жизни Индии той эпохи. Язык пьесы XIX века очень близок современному хинди — кхари боли, что помогает реализовать принцип «развлекая, наставляя». Это, очевидно, входило в намерения начинающего драматурга, который позже основал в Бенаресе школу для мальчиков, а также написал еще одну пьесу на классический сюжет «Истинный Харишчандра», непосредственно адресованную детям, которых следует просвещать и учить добру и вечному.

С.Н. Утургаури

Назым Хикмет и Орхан Кемаль

Великим художникам самой судьбой предопределено далеко опережать своих современников, опережать время во всём, что составляет искусство. Таков был Назым Хикмет. Именно по этой причине у поэта не оказалось единомышленников. Справедлива мысль о литературном одиночестве поэта. Единомышленники и последователи в искусстве появятся позже, при жизни его надежду питали лишь те, кого он учил сам — и не где-нибудь, а в тюрьме. Назым объяснял это «желанием продолжить свой род», что следует понимать как желание передать жизненный и литературный опыт, добытый ценой долгих и трудных поисков, как заботу о на-

циональном искусстве. Вот почему Назым находил таланты там, где их никто никогда не находил. Вот почему тюрьму, где провёл многие годы своей жизни на родине, он превратил в университет, дав дорогу в искусство таким известным — и не только в Турции — деятелям национальной культуры, как прозаики Кемаль Тахир и Орхан Кемаль, как поэт А.Кафир (Меричбой), художник Ибрагим Балабан.

Назым обладал удивительной способностью создавать вокруг себя поле притяжения, где царили взаимопонимание, человеколюбие, дружба, и люди тянулись к нему. Многие заключённые называли Назыма отцом. А для тех, кого он учил, он действительно был духовным отцом.

Однако каковы были результаты назымовских уроков, стали ли ученики последователями своего учителя? Имеющиеся материалы, главным образом исследования российских туркологов, позволяют ответить на этот вопрос относительно лишь одного «слушателя назымовского университета» — Орхана Кемаля, дружба Назыма с которым была скреплена более чем трёхлетним пребыванием в одной камере, в которой они встретились зимой 1940 года.

Именно Назым обнаружил в молодом сокамернике талант рассказчика, твёрдой рукой направил его перо в русло прозы и предрёк ему большое будущее. Прозорливость Назыма в оценке способностей Орхана Кемаля, тогда ещё безызвестного Решида Огютчу, подтвердилась всем многогранным творчеством прозаика.

Опубликованные исследования, воспоминания, письма дают возможность восстановить многие эпизоды назымовских уроков.

Исследовательский материал позволяет заключить: прозаик Орхан Кемаль стал верным и последовательным единомышленником Назыма Хикмета. Орхан Кемаль не только воспринял философию и идеологию, которые исповедовал Назым Хикмет. Он блистательно реализовал основополагающие принципы поэтической системы великого поэта (изображение реальности в её буднично проявлении, отсутствие авторского диктата, простота — но не упрощённость — безыскусность, лаконичность формы, которые требуют строжайший отбор слов, точность деталей). Но реализовал не механически, а в соответствии с собственной творческой индивидуальностью и законами прозаических жанров, добавив и свои художественные открытия: искусную диалогическую речь, лёгкую добродушную иронию и знаменитый

подтекст — умение оставлять за текстом основную идею произведения.

Назым Хикмет не оставлял без внимания Орхана Кемала и после того, как тот покинул тюрьму. Назым продолжал анализировать и оценивать каждое опубликованное произведение Орхана, одновременно давая «технические советы». Например, правильно применять сравнения, как во благо содержания использовать знаки препинания, какими должны быть обложка и качество бумаги для книги.

Спустя много лет, в разговоре об Орхане Кемале Назым Хикмет с горечью скажет: «А я та ничего и не смог сделать для этого парня». Все достижения писателя, ставшего классиком турецкой литературы, он относил за счёт его таланта.

М.В. Фролова

**Грани постмодернизма в современной
индонезийской литературе: романы
Айю Утами и литературное течение женской
прозы *састра ванги***

Течение женской прозы *састра ванги* (букв. «душистая литература») развивается в Индонезии с конца 1990-х гг. Новая женская литература поднимает некогда табуированные темы секса и насилия, полигамии, внебрачных связей и свободных отношений. Произведения современных авторов отражают социально-политические процессы последних лет: подъем феминистского движения происходит параллельно укреплению позиций модернистского ислама и патриархальности. Разрыв между вестернизированными индонезийцами и защитниками патриархальных и религиозных ценностей становится все более заметным.

Общественный процесс, получивший название *джилбабизация* (от *jilbab* — женский головной платок, символ новой правоверной индонезийской мусульманки), коррелирует с расцветом модернистского движения исламистов. В то же время в обществе развивается противоположная тенденция в виде совершенно иных культурно-идеологических тяготений, находя выражение и в литературе. Движение *састра ванги* противостоит набирающей популярность мусульманской литературе (*састра ислам*), авторами которой преимущественно являются мужчины. *Састра ислам*

пропагандирует ценности адата и шариата. Тем самым есть основания говорить об отчетливой тенденции к поляризации в индонезийской литературе последних лет, сопровождаемой оживленной полемикой между сторонниками двух направлений.

Как защитники, так и критики *састра ванги* сходятся во мнении, что женская литература смогла поднять темы, ранее запрещенные к обсуждению нормами традиционной морали. Данная тематика разрабатывается по законам постмодернизма. Яркой иллюстрацией данного явления выступают произведения провозвестницы и апологета *састра ванги*, самой известной современной писательницей Индонезии Айю Утами. В диалогии «Саман» и «Ларунг» (названия даны романам по именам главных героев) Утами апеллирует к доисламскому прошлому страны, привлекая массу традиционных яванских сюжетов, мотивов и образов. Сосредоточенность на синкретической яванской культуре в современной Индонезии воспринимается как опосредованная, но убежденная конфронтация с исламским дискурсом, как протест против стагнации мусульманской культуры.

В соответствии с установками постмодернизма, выдвигаемый на первый план яванский дискурс тоже не может считаться идеологическим ядром романа, присутствуя в нем больше в качестве фактуры. Писательница прибегает к прихотливой, но поверхностной ремифологизации традиции яванцев, рассыпав по тексту множество отсылок к тем или иным её элементам.

На этом зыбком мировоззренческом основании в романах разворачиваются две социальные темы: феминистского пробуждения в Индонезии (история дружбы четырех подруг) и политической борьбы периода так называемого «Нового порядка». Развитие этих тем придает произведениям налет реалистичности, однако автор все время ведет интеллектуальную игру с читателем, интригуя его новыми и новыми символами, не поддающимися однозначной трактовке.

Композиция романов Утами строится по принципу калейдоскопа, отсутствует деление на главы, лишь иногда указываются даты и места дневниковых записей персонажей. Все творчество Айю Утами носит синтезированный характер, ремифологизация домусульманской древности островов Индонезийского архипелага предпринимается с помощью западной модели мышления. Автор отсылает читателя к многообразию всей индонезийской литературной традиции, создавая ее ризоматическую картину, переключает нарративную перспективу, локации и временные

Н.В. Громова

Перевод русских предлогов

Перевод русских предложно-падежных конструкций представляет определенную трудность особенно в тех языках, где отсутствует падежная система или количество предлогов ограничено. К таким языкам относятся языки банту, в том числе и суахили. Единственным непроемким предлогом в суахили является предлог, он же сочинительный союз *na*. Все остальные предлоги разнообразной семантики являются производными от других частей речи, заимствованными или комбинированными.

При переводе русских предлогов на язык суахили обнаруживаются три основных способа: а) русский предлог переводится соответствующим ему по значению суахилийским предлогом ('они говорили о собрании' *walizungumza juu ya mkutano*); б) одному русскому предлогу соответствуют в суахили два или более предлогов ('отношения между родственниками' *uhusiano kati ya / baina ya / miongoni mwa ndugu*); в) падежно-предложной конструкции русского языка соответствует в суахили беспредложная. В этом случае наличествуют два варианта: предлог в суахили не выражен материально ('он ответил на вопросы' *alijibumaskwali*); предлогу соответствует локативная форма существительного ('она достала из сумки' *alitoa mkobani*).

На примере русского полисемантического предлога «на» рассмотрим реализацию способов перевода. Широкое семантическое поле предлога «на» представляет собой совокупность нескольких составляющих (по крайней мере, не менее семи основных семантических вариантов).

1) Пространственные значения этого предлога, в основном, сводятся к двум: локализация в пространстве (где?) и локализация по отношению к ориентиру (куда?). Все оттенки локативной семантики русского предлога «на» можно перевести как беспредложным способом с помощью локативного суффикса *-ni*, так и используя соответствующие предлоги, например: 'находиться на столе / на ферме / на востоке' *kiwepo juu ya meza / kwenye shamba/*

huko mashariki = *kiwepo mezani / shambani / upande wa mashariki*; 'ехать на ферму / на восток' *kwenda katika shamba/ huko mashariki* = *kwenda shambani / mashariki*.

2) Темпоральное значение предлога «на» указывает на срок совершения действия (на сколько?). Как в русском, так и в суахили существительное, которому предшествует предлог, имеет значение какого-либо отрезка времени. В этом случае язык суахили использует предлоги *kwa*, *mnamo* или *katika*: 'на минуту' *kwa dakika moja*; 'на Новый год' *mnamo Mwaka Mpya*; 'на будущей неделе' *katika wiki ijayo*. В суахили возможен и беспредложный вариант: 'на следующий день' *kesho yake*.

3) Целевое значение реализуется в суахили с помощью предлога *kwa*: 'подарок на память' *zawadi kwa kumbukumbu*; 'перевод на суахили' *tafsiri kwa Kiswahili*; или в зависимости от семантики глагола возможен перевод без предлога: 'учиться на летчика' *-somea uanahewa*.

4) Количественное значение предлога «на» в переводе на язык суахили осуществляется с помощью предлога *kwa* при обозначении количественного / качественного различия, при делении или обмене: 'на 10процентов больше' *kwa asilimia 10 zaidi*; 'на 10 см выше' *-refu kwa santimita 10*; 'разделить на два' *-gawa kwa mbili*; 'менять на валюту' *-badili kwa fedha za kigeni*. Значение меры предмета выражается именной группой с посессивной связкой: 'бочка на 5 литров' *pipaya / yenye lita 5*.

5) Значение сравнения или сходства предметов реализуются в суахили с помощью предлога *na*, обычно в сочетании с глаголом с суффиксом реципрока: 'быть похожим на отца' *-fanana na baba*.

6) Инструментальное значение (значение орудия, средства передвижения или совершения действия) обычно передается предлогом *kwa*: 'закрывать на ключ' *-funga kwa ufunguo*; 'приехать на автобусе' *-fika kwa basi*; или в зависимости от семантики основного глагола другими предлогами, например: 'опираться на палку' *-egama juu ya fimbo*.

7) При выражении эмоционального состояния в языке суахили используется объектный показатель в соответствующем глаголе: 'жаловаться на боль' *-yashtaki maumivu*; 'сердиться на друга' *-mkasirikia rafiki*; 'надеяться на помощь' *-utegetea msaada*.

Переводчик, который в результате обучения и усвоения норм языка суахили «чувствует» его, должен уметь выбрать адекватный вариант перевода русских падежно-предложных конструкций.

М.А. Косогорова

Особенности перевода текстов на языке фула: именные группы

При переводе текстов иностранных языков можно столкнуться с рядом лингвоспецифических проблем, связанных с различиями языка-источника и языка-реципиента. Африканские языки, как типологически и культурологически более далёкие, имеют больше специфических черт, нежели европейские. Язык фула не является в этом отношении исключением; наоборот, ввиду своего обширного ареала (дисперсно охватывает территорию южнее Сахары от Сенегала до Красного моря) и обилия диалектов, тексты фула представляют из себя, возможно, ещё более сложное для перевода явление. Из-за этого кажется логичным не пытаться охватить в докладе все проблемные моменты перевода текстов фула, а коснуться лишь проблем, связанных с переводом именной группы как одного из самых интересных аспектов языка.

Особенности текстов на языке фула, вызывающие сложности при переводе на другие языки, можно условно разделить на три категории: лексические, грамматические и синтаксические.

Лексические особенности текстов фула связаны, в первую очередь, со значительными различиями экстралингвистических (культурных, социальных, географических) реалий языка фула и европейских языков. При этом можно сразу уточнить, что европейские языки культуры (термин [Клоков 2000: 72]) разных африканских стран исторически имели больше контактов с местными языками, чем, например, русский, и поэтому находятся ближе с точки зрения перевода лексики.

Первым делом отметим наличие в языке фула так называемых 'специфических концептов'. К ним относятся, например, особые имена родства, такие как *kaaw* 'старший брат матери' (традиционно является главным родственником и принимает большее участие в судьбе ребёнка, чем родной отец); предметы обихода, например *rottirde* 'калебаса, из которой едят' (фульбе ни при каких обстоятельствах не едят из посуды, в которой приготовлена еда и не подают её на стол, для этого есть специальные приборы); также некоторые предметы одежды, масти животных и пр. Специфические концепты, помимо лексического соответствия, требуют при переводе сноски с объяснением значения этого концепта; без этого перевод не может называться полноценным.

Во-вторых, язык фула использует множество лексики, которой нельзя сопоставить однолексемный перевод, предпочтительный во многих случаях (в т.ч. перевод поэзии или глоссирование). К такой лексике, например, относятся названия растений и животных. Так, например, *saamataahi* можно исчерпывающе перевести как *Hymenocardia acida*, но в некоторых случаях уместнее выбрать вариант «кустарник с корой красноватого дерева; отвар корней используется как средство от лихорадки» [Зубко 1980: 417] или «*sinjaaru* 'дикое растение'» [Bettison 2006: 135]. Выбор варианта остаётся на усмотрение переводчика в зависимости от ситуации и жанра, однако однолексемный перевод, кроме чересчур гиперонимичного 'кустарник' для подобных лексем фула отсутствует.

Грамматические особенности именной группы, составляющие трудность при переводе текстов фула, во многом связаны с различиями именной классификации между фула и европейскими языками. Речь идёт об уникально обширной системе именных классов (20 общефульских, а в некоторых диалектах их число доходит до 25), включающих в себя как грамматические характеристики (напр. число), так и семантические (напр. размерность). Однако система классов не противопоставляет мужской и женский род, что вызывает трудность при переводе, например, таких конструкций: *kun yahi* 'он/она [про ребёнка] пошёл/пошла'. Если в тексте не поясняется, про ребёнка какого пола идёт речь, работа переводчика приобретает необычные функции домысливания. Категория размерности или 'мензуратив' (терм. [Мельчук 1980: 95]) не представляет большой проблемы для перевода на русский язык, однако при переводе, например, на французский язык подобрать однолексемный перевод для градуального диминутива *bidfo-binnel-biikun* 'ребёнок'-'ребёночек'-'ребятёночек' не всегда возможно.

Интересной особенностью именной группы фула является четырёхчастная система определённости, представляющая особую проблему при переводе на русский язык, где категория определённости не выражена. Градацию определённости вида *bare-bareeru-bareeru ndun-nduu bareeru* 'собака в самом общем смысле'-'какая-то собака'-'собака, известная всем участникам коммуникативной ситуации'-'вот эта собака' невозможно перевести на русский язык с помощью однолексемного соответствия.

Также для точного перевода именной группы фула на русский язык зачастую необходимо делать выбор между отглагольным су-

существительным и собственно существительным. Необходимость выбора обусловлена тем, что в языке фула глагольные и отглагольные лексемы составляют большинство, поэтому многие словоформы, выступающие в роли существительных, являются на самом деле причастиями, например *suttotoodo* 'охотник' буквально переводится как 'охотящийся' < *suttude* 'охотиться', поэтому выбор между 'охотник' и 'охотящийся' остаётся на усмотрение переводчика.

Синтаксические особенности именной группы фула, представляющие затруднения при переводе, на удивление немногочисленны. Во многом это обусловлено типологическим сходством синтаксических структур между фула и европейскими языками, но также тем, что при переводе синтаксическая структура адаптируется к языку-реципиенту с наименьшими потерями. К сложностям, которые всё же стоит отметить, относятся, во-первых, наличие нулевой анафоры в сложносочинённом предложении. При полнолексемном субъекте после первого его употребления во всех последующих клаузах необходима субъектная анафора, в то время как при местоименном субъекте обязателен повтор местоимения в каждой клаузе.

Также, ввиду отсутствия в фула падежной системы, отношения глагольных актантов регулируются их позицией относительно глагола. Эта система зависит от полнолексемного или местоименного воплощения актантов, управления глагола и при этом не является единообразной во всех диалектах, поэтому при переводе необходимо учитывать все привходящие факторы.

Мало исследована тема *локативных предложных групп* (терм. [Косогорова: 2015]) в языке фула, но уже очевидно, что существует определённая семантическая разница между, например, *teewi no ka wureere* 'мясо в котелке' *teewi no ka nder wureere* 'мясо внутри котелка'. Приведённый пример относительно легко адаптируется как к русскому, так и к английскому (in~inside), немецкому (in~innerhalb) или французскому (dans~dedans) языкам, однако локативные предложные группы не ограничиваются таким примером и могут уточнять, например, предлог 'над' или 'сзади'.

Таким образом, лингвоспецифика текстов фула обуславливает определённые трудности при переводе их на европейские языки, причём как в сторону расширения списка соответствий в языке-реципиенте, так и в сторону его сужения. Качество, полнота и экономичность перевода — это баланс, который во многом зависит от знания переводчиком лингвоспецифических особенностей языка.

Литература

Bettison Jim & Karen. Dictionnaire Pular-Français. 2-e éd. Labé: Traducteurs Pionniers de la Bible, 2006.

Зубко Г.В. Фула-русско-французский словарь. М.: Русский язык, 1980.

Клоков В.Т. Французский язык в Африке. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000.

Косогорова М.А. Предложные локативные конструкции в пулар: распределение оборотов с *e* и *ka* М., 2015 [в печати].

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II. М.; Вена, 1998.

С.Л. Кравченко

Транскрипция эфиопских имен собственных на русский язык

В научных статьях, в художественной и общественно-политической литературе при транскрибировании в процессе перевода эфиопских топонимических и антропонимических названий до сих пор существуют многочисленные искажения и неточности. Основной причиной возникновения разнобоя в написании эфиопских имен является то, что в России было мало специалистов по амхарскому языку, поэтому при транскрибировании имен собственных на русский язык пользовались (и в настоящее время продолжают пользоваться) их написанием на английском, итальянском и французском языках. Однако звуковой строй амхарского языка отличается от звукового строя западноевропейских языков. Это привело к тому, что в научной и художественной литературе появилось много вариантов транскрипций одних и тех же названий, что, в свою очередь, привело к возникновению неточностей и в передаче их на русский язык.

Благодаря глубокому изучению амхарского языка за последние годы положение с транскрипцией эфиопских топонимических и антропонимических названий улучшилось. Для некоторых широко известных названий, транскрипция которых незначительно отличается от амхарского произношения, и существует прочная международная традиция и многолетнее словоупотребление и литература, может быть сохранена традиционная передача, например: Аддис-Абеба вместо Аддис-Абэба. В данном случае также не соблюдается правило акцентуации: ударение падает на второй слог Аддис-Абэба. Однако по правилам акцентуации в амхарском языке в данном слове ударение должно падать на по-

следний слог: Аддис-Абэбба. Что касается топонимических названий, положение изменилось, когда в 1974г. был издан Словарь географических названий Эфиопии, который содержит более двух тысяч географических названий Эфиопии, а также основные географические термины, наиболее часто встречающиеся в картографических, справочных и литературных материалах.

Главным недостатком записей эфиопских названий является то, что средствами латинской графики (без дополнительных знаков) невозможно передать особенности фонетики амхарского языка. В качестве примера можно привести несколько написаний имени последнего императора Эфиопии: HaileSelassie, Haile-Sillase, HaileSelassé — соответственно в русской транскрипции Хайле Селассие, Хайле Селассе и др. Второй компонент этого имени означает «троица». Слово образовано от глагола *sälläsä* «делать трижды». Этот глагол относится к глаголам типа Б, у которых второй коренной согласный сохраняет удвоение во всех грамматических формах. Слово «троица» принадлежит к именам существительным, образованным от трехсложных глаголов посредством внутренней флексии, которая сочетается со способом суффиксации, в данном случае *-е* по модели 1ə22a3e. Таким образом, слово «троица» транскрибируется Сылласе. Появление в латинском написании двух *s* связано с правилом чтения *s* в английском языке: эта согласная читается как *s* в сочетании *ss*, Если же *s* стоит между двумя гласными, она читается как *z*. Что касается окончания *-ie* (в русской транскрипции *-ие*), то в соответствии с английскими правилами чтения *-е*, стоящая в конце слова, является так называемой «немой е», т.е. она не читается, что и обусловило появление буквосочетания *-ie* при транскрибировании английского языка эфиопских названий.

В последнее время особые звуки амхарского языка («ы» и «э») в некоторых научных работах иностранных изданий передаются посредством добавления диакритических знаков *ä, é, ñ* к основным латинским буквам. Это позволяет, в свою очередь, более точно передать эфиопские названия с латинского написания на русский язык.

Устоявшееся транскрибирование некоторых эфиопских имен собственных имеет право на существование, но в большинстве случаев все же стремление к правильной транскрипции должно возобладать.

В.Я. Порхомовский

Перевод Библии на африканские языки: историко-культурный и филологический аспекты

Переводы Библии образует самостоятельную и чрезвычайно обширную область анализа, включающую не только вопросы, непосредственно относящиеся к лингвистическому переводоведению, но и принципиально важный круг проблем, характерных только для переводов Библии. Так, следует различать переводы Библии по их конфессиональной и прагматической направленности. Важно учитывать, ориентируется ли перевод на масоретский текст *Biblia Hebraica*, на Септуагинту или на Вульгату, при этом сам перевод может быть сделан с библейского иврита.

Отмеченные выше факторы могут существенным образом влиять на особенности языка и стиля перевода. Так, язык перевода может быть намеренно архаизированным или, напротив, отражать наиболее поздние, даже разговорные нормы соответствующего языка. При этом важную роль играет наличие престижных версий, отражающих ранние диахронические стадии соответствующих языков. Этот выбор в значительной степени определяет характер лексики и синтаксических структур. Перевод, ориентированный на аудиторию, имеющую необходимое образование, существенно отличается от перевода, предназначенного не для носителей соответствующего языка, а для тех, кто плохо владеет этим языком и использует его только в качестве лингва франка.

Что касается собственно лингвистических аспектов, то здесь распространено предложенное Ю. Найдой противопоставление динамической и формальной эквивалентности. В первом случае во главу угла ставится семантика и прагматика, во втором — формальная структура переводимого текста, разумеется, с учетом типологических различий языков оригинала и перевода. Эта модель во многом воспроизводит известное противопоставление стратегий перевода: *'sense-for-sense ~ word-for-word'*, впервые четко сформулированное безусловным авторитетом в области перевода Библии Иеронимом Стридонским (автором латинского перевода Библии, известного как Вульгата) в «Письме к Паммахию о наилучшем способе перевода»:

«Я не только признаю, но открыто заявляю, что в переводах с греческого (кроме Священного Писания, где сам порядок слов — тайна) я передаю не слово словом, но мысль мыслью. Учитель мой в этом — Туллий, переложивший Платонова «Протагора» и Ксенофонов «Домострой» и две великолепные речи Эсхина и Демосфена друг против друга. Сколько он там пропустил, сколько прибавил, сколько изменил, чтобы особенности чужого языка передать особенностями своего — об этом сейчас говорить не время. Для меня достаточно авторитета самого переводчика, который в предисловии к этим речам говорит так: «Я перевел с аттического наречия самые известные речи двух красноречивейших риториков, обращенные друг против друга, Эсхина и Демосфена, — перевел не как толмач, но как Оратор, приспособив сами мысли и их выражение, как фигуры, так и слова, к нашей привычной речи. Я не считал необходимым передавать их слово в слово, но сохранил весь смысл и силу слов. Ибо полагал, что читателю слова нужны не по счету, а как бы по весу» [Альфа и Омега. 1995. № 4(7): 173–187].

Здесь очень важно, что для переводов Библии Иероним сделал исключение из общей модели, поскольку этот текст является сакральным, т.е. требующим особой точности при переводе. Отметим, что сам Иероним отказывается в своем письме осуждать приводимые им примеры искажений древнееврейского текста в цитируемых евангелистами в греческих переводах пассажах из Ветхого Завета.

Серьезные трудности при переводах Библии создают различия в языковой картине мира между языком-источником и целевым языком перевода на самых разных уровнях — от социокультурных парадигм до экологии, флоры и фауны, пищевого кода и т.д. Очевидно, что подобная проблематика может быть особенно актуальной для переводов Библии на африканские языки. В этих же ситуациях особую важность имеет задача создания монотеистического дискурса в младописьменном языке или при графизации бесписьменного языка.

Принципиально важный аспект при переводе Ветхого Завета определяется следующим обстоятельством: текст еврейского Священного Писания складывался на протяжении длительного времени, поэтому в нем сохранились следы традиционных политеистических религиозных представлений и культов. В результате в масоретском тексте BIBLIA HEBRAICA представлены многочисленные случаи, когда лексика и отдельные фрагменты текста

не соответствуют монотеистическим канонам. Здесь возникает дилемма, следует ли воспроизводить оригинал максимально точным образом, т.е. сохраняя подобные пассажи, или подвергать их редактированию для устранения противоречий с более поздними каноническими представлениями. Эти два подхода были нами определены как филологическая и идеологическая стратегии перевода соответственно. Соотношение этих двух стратегий перевода Ветхого Завета явилось основой для типологического анализа, представленного в серии публикаций автора настоящего доклада, в том числе совместно с Ф. Кассьюто и М.Р. Урб, на материале различных переводов Библии на языки хауса и африкаанс в сопоставлении с переводами на различные европейские языки. Результаты этой работы представлены в настоящем докладе.

Ю.Г. Суетина

Особенности перевода материалов СМИ на хауса на русский язык

При обучении студентов навыкам перевода материалов СМИ — газетных и журнальных статей, радиопередач на хауса на русский язык возникает ряд проблем, связанных как с различиями в грамматическом строе этих двух языков, так и с особенностями подачи материалов общественно-политического и экономического характера в СМИ на хауса.

Синтаксис языка хауса весьма отличен от синтаксиса русского языка. Так, в русском языке существуют причастные и деепричастные обороты и, наряду с ними, относительные придаточные предложения (ПП), которых нет в хауса, но имеются относительные придаточные предложения. Поэтому студентам, начинающим переводить материалы СМИ, кажется вполне естественным все относительные предложения хауса переводить аналогичными ПП русского языка. В одном сложном предложении может быть до 7–8 ПП, и в переводе на русский язык перед нами предстаёт некая конструкция, которая, хотя и отражает структуру предложения в хауса, но совершенно невозможна в русском языке. Вот только один пример: *Shugaban'kasar IvoryCoast, wanda ya hau kan karagar mulki a shekarar da ta gabata, ya sauka a birnin Addis Ababa da ke 'kasar Habasha don halartan taron'kungiyarAU, wanda aka kira don shawarwari kann ya'aduwar cutar Ebola wadda ta bazu a'kasashen da*

ke Afirka ta Yamma. В этом предложении имеется 5 ПП и, если мы переведем его дословно на русский язык, то получится следующее: 'Президент Кот в'Ивуара, который пришел к власти в году, который прошел, прибыл в город АдисАбебу, который находится в Эфиопии, чтобы принять участие в конференции Африканского Союза, которую созвали для обсуждения борьбы с лихорадкой Эбола, которая распространилась в странах, которые находятся в Западной Африке'. Вполне можно было бы избежать употребления трех ПП, не нарушая никоим образом подачу данной информации. Так, вместо употребления ПП ...*dakegabata* можно было употребить слово *bara* 'прошлый год', а ПП ...*da ke 'kasar Habasha* '... который находится в Эфиопии' и ... *da ke Afirka ta Yamma*.. которые в Западной Африке...'легко поддаются замене на генитивную конструкцию *na kasar Habasha* и *-n Afirka ta Yamma*. Студентам предлагается заменить одно или несколько ПП на соответствующие причастные обороты. В конечном варианте данная фраза звучит следующим образом: 'Пришедший в прошлом году к власти президент Кот в'Ивуара прибыл в столицу Эфиопии АдисАбебу для участия в конференции Африканского Союза, созданной для обсуждения борьбы с лихорадкой Эбола, распространившейся в странах Западной Африки'.

Некоторую сложность представляют передов газетных заголовков. В хауса нет ни возвратных глаголов ('Конференция завершилась'), ни пассива, широко употребляемого в ряде западных языков. Поэтому в газетных заголовках употребляется активный залог, а при отсутствии субъекта действия — безличное местоимение в определенной глагольной форме. Так, заголовок *An daina ya'ke-ya'ke a Gabashin Ukraina* следует переводить как 'Военные действия на Востоке Украины прекращены', а *Shugaban 'kasa ya yi jawabi a Majalisar dokokin Nijeriya* как 'Выступление президента Нигерии в парламенте страны'.

Особую сложность для адекватного перевода представляют газетные заголовки, в состав которых входят фразеологические единицы (ФЕ). Иногда весь газетный заголовок может состоять из ФЕ: *Tura ta ci bango* 'Толчок попал в стену'. Чтобы понять, о чем идет речь, приходится читать статью до конца. Так, в статье со столь странным для европейского читателя заголовком речь идет о провале попытки нигерийский военных дать отпор боевикам на Северо-востоке Нигерии. Сам фразеологизм имеет значение

'потерпеть неудачу'. Наиболее адекватным переводом этого заголовка будет 'Неудача вооруженных сил Нигерии' или 'Военные Нигерии потерпели неудачу'. Материалы СМИ на хауса изобилуют ФЕ. Зачастую ФЕ вытесняют из употребления лексемы с нейтральным значением: вместо *babba* 'большой, всеобщий', например в *babban za'be* 'всеобщие выборы' используется *na gama gari* (досл. 'закончить город') — *zaben gama gari*, вместо 'мятежники' — *masu ta da 'kayar baya* (досл. 'поднимающие кость спины'). Чего только стоит отрывок из текста недавней передачи на хауса радиостанции «Немецкая волна»: *Kura ta fara lawafa a garin Munguna, bayan dakarun Nijeriya sun kasha masu ta da kayar baya 56 bayan 'dauki ba da'di da suka yi*. Досл.: 'Пыль начала ложиться в городе Мунгуно, после того как военные Нигерии уничтожили 30 поднимающих кость спины во взятии без удовольствия'. Правильный перевод: 'Напряжение начало спадать в городе Монгуно, после того как военные Нигерии уничтожили в произошедшей схватке 30 боевиков'.

И, конечно, нельзя забывать о переводе пословиц и поговорок, которые так любят хауса. Для некоторых из них легко можно найти соответствующий эквивалент в русском языке. Например: *Babu haya'ki inda babu wuta*. 'Нет дыма, где нет огня', что соответствует русскому 'Нет дыма без огня', или *Ba a ciyad da karnuka ranar farauta*. 'Не кормят собак в день охоты' — 'На охоту ехать — собак кормить'. А вот поговорку *A kai wa Barno dawak* 'Добавить коней в Борну' приходится переводить дословно с подстрочным пояснением, что в городе Борну находился крупнейший в центральной Африке рынок лошадей. Русский эквивалент этой поговорки 'Ехать в Тулу со своим самоваром' сюда не подходит из-за ярко выраженной национальной окраски.

М.Р. Урб

Передача реалий при переводе с языка африкаанс на русский язык

С точки зрения перевода большой интерес вызывают так называемые реалии, знания, составляющие национальную специфику народа и отражающие его этнокультурный характер. Они весьма разнообразны по своей тематике и относятся к истории и тради-

циям, географии и политике, повседневной жизни и культуре в самом широком смысле слова. Важно отметить, что эти знания создают фон, на основе которого только и может быть достигнуто адекватное понимание иноязычного текста.

Несмотря на то, что лексика языка африкаанс очень близка лексике нидерландского языка, словарь африкаанс содержит большой пласт слов, имеющий специфический южноафриканский характер. В данном случае речь идет о словах, обозначающих новые реалии, которые широко представлены в языке: 1) географические реалии: Южная Африка отличается большим разнообразием ландшафтов, природных зон, богатством флоры и фауны: *veld, fynbos, mopanieveld, Tafelberg, die Drakensberge, die Vaalrivier, die Oranjerivier, rooibos, jakaranda, kruidjie-roer-my-nie, wag-'n-bietjieboom, tjiengerientjee, steenbok, springbok, Kaapse dokter, kaap Agulhas, kaap die Goeie Hoop, Stellenbosch, Rand*; 2) этнографические реалии, связанные с образом жизни и социальными отношениями, трудовой деятельностью, культурой и искусством африканеров: *boer, baas, aia, braai, biltong, boerewors, bredie, bobotie, sosatie, skokiaan, Afrikaner, Kaaps-Hollands, Krugerdag, Geloftedag, Nagmaal, Klaas Vakie, rand*; 3) исторические реалии: *vryburger, die Groot Trek, voortrekker, ossewa, laer, Anglo-Boer oorlog, kappiekommando*; 4) общественно-политические реалии: *plaas, dorp, die provinsie Wes-Kaap, Transvaal, die Genootskap van Regte Afrikaners, Broederbond, Die Burger*.

Правильная передача значений таких лексических единиц требует не только знаний языка африкаанс, но и глубоких лингвострановедческих знаний. При переводе «культурной» лексики с африкаанс на русский язык следует также помнить, что основным способом восполнения нехватки собственных слов для обозначения реалий стало не заимствование из местных языков Южной Африки, а использование старых слов в новых значениях и создание неологизмов на собственной лексической базе.

При передаче значения реалии африкаанс на русский язык используются наиболее распространенные приемы перевода: транскрипция, калька/полукалька, описательный перевод. С помощью транскрипции передаются практически все имена собственные, например: *Paul Kruger* — Пауль Крюгер, *Piet Retief* — Пит Ретиф, *Stellenbosch* — Стелленбос, *die Tugela* — Тугела, *Die Burger* — газета 'Ди Бюргер', *De Beers* — корпорация 'Дэ Бирс'.

Если в состав названия входит значимое слово, то нередко применяется смешанный перевод, то есть сочетание транскрипции и семантического перевода, например, *Kaapse Skiereiland* 'Капский полуостров', *Vaalrivier* 'река Вааль'. Транскрипция может использоваться и в том случае, если необходимо сохранить национальный колорит. Так, например, слово *veld* 'вельд' — типичная реалия, которая стала интернациональным словом, войдя в другие языки путем транскрипции. Сохранив первоначальное значение «поле вообще», это старое германское слово приобрело в африкаанс более конкретное значение «дикое поле», «степь». Таким образом, 'вельд' обозначает степь не как тип растительности, а как характерный южноафриканский ландшафт, сопоставимый с прерией, пуштой или пампасами. Слово *boer* 'бур', помимо своего основного значения «крестьянин», «фермер», в языке африкаанс приобретает дополнительное значение и употребляется по отношению к представителям определенной этнической группы, т.е. африканерам.

Калькирование используется для передачи ряда географических названий, учебных и государственных учреждений, именований историко-культурных событий и объектов, терминов и др. Этот прием не всегда подразумевает буквальный перевод слова или словосочетания; часто приходится прибегать к некоторым трансформациям (изменение падежных форм, количества слов в словосочетании, порядок слов и др.). Например: *Kaap van die Goeie Hoop* 'мыс Доброй Надежды', *Tafelberg* 'Столовая гора', *Drakensberge* 'Драконовы горы', *Bloedrivier* 'Кровавая река', *die Afrikaanse Taalmonument* 'Памятник языку африкаанс'. В некоторых случаях употребляется смешанный способ, например, знаменательное событие в истории Южной Африки *Groot Trek* переводится как 'Великий Трек', где первая часть названия — калька (*groot* 'большой', 'великий'), а вторая часть передается транскрипцией (*trek* 'переселение', 'переезд').

Если особой точности передачи реалий не требуется, то можно прибегнуть к переводу с использованием функционального аналога, например, *boeta/boetie* 'бута/бути', широко используемая форма обращения к старшему/младшему брату или к сверстнику, вполне можно перевести словами 'брат', 'браток', 'братан', 'братишка', 'малый'.

Некоторые реалии переводятся при помощи транскрипции с описательным сопровождением, которое может быть как подробным, так и кратким: *ossewa* 'оссева' — крытый фургон/повозка с круглой крышей, запряженная волами (основное средство передвижения буров во времена Великого трека), *laer* 'лаэр' — передвижное полевое укрепление из фургонов, собранных в кольцо, *koeksisters* 'куксистерс' — сладкие плетеные косички из теста, обжаренные в сахарном сиропе.

Таким образом, при выборе переводческого приема, необходимо знать не только значение реалии, но и все, что с ней связано, т.е. внутреннее содержание реалии.

В.В. Бойцов

**Импортозамещение в стратегии и практике
хозяйственного развития стран Юго-
Восточной Азии**

Под импортозамещением обычно понимается экономическая политика, ориентированная на индустриализацию молодых национальных государств после достижения ими политической самостоятельности за счет развития отраслей, производящих промышленную продукцию взамен импортируемой. В то же время практика импортозамещения в отдельных странах выходила за обозначенные рамки, охватывая и другие сферы экономики, прежде всего сельское хозяйство (в Индонезии, на Филиппинах и в Малайзии).

На первом этапе импортозамещение состояло в налаживании производства простейших товаров потребительского назначения и некоторых видов технологически несложных инвестиционных товаров за счет собственных ресурсов. Такого рода практика была присуща практически всем странам ЮВА и отличалась в основном продолжительностью, масштабами и степенью диверсификации.

Последующий этап импортозамещающей модели в регионе, как и везде, был связан с освоением новых, технологически более сложных видов производства. Однако, в отличие от предыдущего этапа, он был ограничен более узким кругом стран, практически не затронув Мьянму, Лаос и Камбоджу и лишь в незначительной степени Бруней, а во Вьетнаме стартовал с большим временным лагом.

Переход к современному этапу импортозамещения в ЮВА, как и в других развивающихся странах, происходил на фоне набирающего там силу процесса экспорториентации их индустриального производства, вызванного постепенным ослаблением потенциала импортозамещения. Для него характерно развитие таких отраслей производства как электроника, транспортное машиностроение, нефтехимия, а в Малайзии и в Сингапуре и в сфере информационных технологий. В то же время планы налажива-

ния в некоторых странах региона, например в той же Малайзии, производства станков и другого промышленного оборудования оказались нереализованными. Однако все, в том числе наиболее успешно развивающиеся отрасли, как в импортозамещающих, так и экспортноориентированных отраслях промышленности базировались на сборке из импортируемых узлов, компонентов и нередко с использованием ввозимого из-за рубежа сырья. Поэтому прогресс импортозамещения в странах ЮВА чаще всего вызывает рост импорта за счет увеличения ввоза инвестиционных товаров и нередко ведет к перенасыщению узкого внутреннего рынка большинства этих стран.

Основные инструменты импортозамещения в странах ЮВА, наряду с прямым поощрением новых видов производства, ставили целью ограничение импорта. Однако масштабы их реализации были весьма отличными: от сравнительно мягких до крайне жестких. Нередко практика импортозамещения в регионе сопровождалась амбициозными проектами, как например, в Индонезии в годы «направляемой демократии» или на Филиппинах при президенте Ф.Маркосе, принимая подчас форму «опоры на собственные силы» вплоть до почти что полной автаркии как в Мьянме при генерале Не Вине или в Камбодже во время правления так называемых «красных кхмеров». Все эти эксперименты без исключения закончились экономической катастрофой и крахом правящих режимов. Однако, если исключить крайности, стратегия импортозамещения сыграла важную роль в процессе индустриализации стран ЮВА и ускорении темпов их экономического развития.

Л.С. Бочарова

Политика импортзамещения в арабских странах: общее и особенное

Стараясь обеспечить экономическую самостоятельность после обретения независимости большинство арабских стран, несмотря на свою несхожесть, в разное время избирали стратегию импортзамещения. Для ее реализации они прибегали к общим стандартным инструментам: активной роли государства и высоким барьерам в форме таможенных пошлин или нетарифных ограничений. Определенная работа в решении данной проблемы уже проделана. Каковы же ее результаты?

За период с 1995 г. по 2014 г. только Катару, ОАЭ и Иордании удалось снизить долю своего импорта в суммарном мировом показателе. В Алжире, Бахрейне, Египте, Кувейте, Марокко, Омане и Тунисе, где политика индустриализации проводится также уже длительное время, произошло, напротив, увеличение этого показателя. Изменилась структура экспорта. В Ливане, Тунисе, Марокко, Египте, Иордании и Бахрейне доля товаров обрабатывающей промышленности в экспорте выросла до 71–93%. При этом далеко не все арабские государства, где развита промышленность разного уровня передела экспортируют ее на внешний рынок. Так, в Катаре на одного жителя приходится 4429 долларов произведенной в обрабатывающей промышленности продукции, а доля обработки в экспорте не превышает 23%. В Кувейте аналогичные показатели составили в 2013 г. 2128 долларов, а долю товаров промышленной обработки не удалось довести даже до 1%. Это подводит к выводу о том, что в одних арабских странах стратегия импортзамещения направлена на освоение местного рынка или внутрирегионального, в других — на продвижение товаров на мировой рынок. Показателен в этом отношении пример аравийских монархий. Они приступили к индустриализации, стержнем которой было импортзамещение, в 1960–1970-е гг. Большие доходы от нефти позволили активно использовать государственное субсидирование производства, контролировать цены, а централизованное планирование способствовало концентрации большинства индустриальных проектов в госкомпаниях. Используя свои конкурентные преимущества (наличие сырья и дешевой энергии), было налажено производство нефтехимии, химических удобрений, стали, алюминия, стройматериалов и т.д. Однако, оно не было ориентировано на экспорт. Мировой опыт показывает, что такая государственная политика вредна для бизнеса и приводит к тому, что у производственных компаний отсутствуют стимулы для повышения конкурентоспособности своей продукции. По идее, только экспорт может показать реальную конкурентоспособность любого бизнеса.

В 1980–1990-е гг., когда произошел обвал цен на «черное золото», страны Персидского залива перешли к более гибким инструментам промышленной политики. Были снижены импортные тарифы, отменен контроль за ценами, значительную часть компаний приватизировали, местные валюты сильно девальвировались. В течение этого времени ни у одной страны этого региона не было увеличения несырьевого экспорта.

В начале 2000-х гг., когда вновь выросли цены на нефть, продолжилась политика либерализации, улучшилась среда для ведения бизнеса и конкурентоспособность. Высокие доходы населения создали высокий спрос на недвижимость, строительство и все виды местных услуг. Инвестиции в эти сферы давали больше прибыли при меньших рисках, но цены на эти услуги не определялись ценами на мировых рынках или в соседних странах.

Таким образом, приходится констатировать, что политика импортзамещения в монархиях Персидского залива не привела к «качественной» диверсификации экономики и значительному росту конкурентоспособности. В связи с этим специалисты Международного валютного фонда рекомендуют им сконцентрироваться, прежде всего, на быстром росте экспорта товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью, которые никак не связаны с добычей сырья и продолжить работу по всем факторам развития конкурентоспособности страны. Речь идет о развитии государственных и частных институтов, образования, здравоохранения, инфраструктуры, эффективности рынка труда и т.д. Скромные объемы экспорта несырьевых товаров уже сказываются на экономических показателях аравийских монархий. Благодаря высоким нефтяным доходам ВВП на душу населения растет, а производительность труда падает. Иными словами, при низких ценах на нефть прочие отрасли экономики не способны поддерживать высокий уровень благосостояния населения, к которому оно уже привыкло. А между тем, как сообщают специалисты в региональном обзоре Международного валютного фонда из-за последнего снижения цен на нефть на мировых рынках, арабские страны Персидского залива потеряют порядка \$300 млрд долларов. Причем, Саудовская Аравия, Бахрейн, Оман, Катар и Объединенные Арабские Эмираты будут иметь дефицит бюджета. В этой ситуации, видимо, политика импортзамещения потребует новой корректировки и исправления тех недочетов, которые были допущены ранее.

Что касается государств, где нефтяной фактор не играет доминирующей роли в экономике, то и в них можно наблюдать различные варианты политики импортзамещения. Скажем, в Египте, население которого составляет 97 млн человек, она направлена преимущественно на удовлетворение внутреннего спроса на промышленные и продовольственные товары, а в Марокко, Тунисе и Иордании производителя нацеливают на продвижение товаров на мировой рынок.

В. Гельбрас

Стратегические черты геоэкономической стратегии Китая

1. Двойное употребление понятия «стратегический» не является случайным. Оно определяется содержанием структурных элементов стратегии Китая. Под стратегией Китая понимается вековое стремление революционеров, а затем и руководителей страны добиться подъема Китая, позволяющего стране занять лидирующие позиции в мире и, тем самым, отомстить за своё былое унижение и порабощение. Конкретное воплощение этой идеи на каждом этапе отражалось в совокупности конкретных стратегических политик.

2. Современное положение Китая во многом определяется результатом безудержной гонки за лидером — США. Многолетние гигантские инвестиции в основной капитал и привлечение иностранных инвестиций позволили создать мощное многоотраслевое производство, ориентированное на экспорт. Одним из последствий мирового экономического кризиса явилось замедление развития ведущих стран Америки, Европы и Азии. В Китае образовались значительные излишние производственные мощности во многих отраслях промышленности.

3. В целях решения возникших проблем в Китае было решено, не свёртывая экспортное производство, с 2008 г. перенести центр тяжести в решении экономических проблем на развитие внутреннего рынка. С этой целью предпринят комплекс мер, начиная от повышения доходов населения, развития недвижимости, транспортной инфраструктуры и кончая подъёмом просвещения, здравоохранения, социального обеспечения. За прошедшие годы во всех областях развития внутреннего рынка достигнуты немалые успехи. Они, однако, не решили проблем, связанных с избыточными производственными мощностями и с продолжением экспортного производства.

4. В сложной обстановке на мировом и национальном рынке возникла необходимость развития внешнеэкономической стратегии. В настоящее время достаточно чётко проявились её отдельные черты (или направления). Некоторые из них заслуживают специального рассмотрения:

- экспорт капитала,
- создание зон свободной торговли как внутри страны, так и на международном уровне.

- обустройство экономического пространства сухопутного шёлкового пути и экономического пространства морского шёлкового пути.

5. По масштабам экспорта капитала Китай постепенно выходит в мировые лидеры. В соответствии с указаниями руководства происходит постепенный переход от приобретения фирм, заводов, месторождений к пакетным инвестициям. Цель — получить доступ к новинкам техники, технологий, к направлениям и результатам исследований, то есть к базовым условиям грядущего подъёма.

6. Зоны свободной торговли на международном уровне остаются в рамках уже известного мирового опыта. Создающиеся зоны внутри страны носят экспериментальный характер и рассчитаны на дополнительное привлечение иностранного капитала.

6. Идея экономического пространства шёлкового пути нуждается в тщательном рассмотрении. В рамках тезисов оно невозможно. Поэтому позволим себе использовать телеграфный и декларативный стиль. В идее двух путей заложено широкое понимание пространства — оно может быть сравнительно небольшой территорией, но также всей Азией, Африкой, Латинской Америкой, Европой, в конце концов, целым миром. Сформулирована краткая формула этой стратегии: «одно пространство, один путь» (一帶一路). «一帶» комментируется в Китае часто и подробно. «一路» в основном только упоминается. Китай готов предоставлять странам кредиты, технику, кадры. Обустройство призвано быть взаимовыгодным и служить интересам мира и процветания.

В. Гельбрас

Две важных вехи во внешнеэкономических связях Китая

1. Большую роль в экономическом развитии Китая, прежде всего в его экспортной ориентации, сыграли прямые иностранные инвестиции (ПИИ). За период 2007–2014 гг. они неизменно росли. За семь лет они возросли в 1,6 раза. Среднегодовой их темп соста-

вил 6,9%! Исключение составили только два года — 2009 и 2012. В 2014 г. объём ПИИ достиг рекордного уровня.

2. Мировой экономический кризис, с одной стороны, резко сузил рынок сбыта китайской продукции, привёл к образованию значительных излишних мощностей, но с другой, — под воздействием снижения цен на сырьё и сокращение импорта вызвал резкое увеличение валютных запасов Китая. В 2006 г. был преодолен рубеж в 1 трлн долл., в 2009 — 2 трлн, в 2011 — 3 трлн в июне 2014 г. запасы достигли 3,99 трлн долл.¹ Под воздействием мирового экономического кризиса ситуация на мировом рынке усложнилась. В экспортной ориентации экономики Китая возникли серьёзные трудности. Тем не менее, правительство предпринимает всё новые меры для привлечения ПИИ.

3. Изменился характер использования ПИИ. В последнее время более половины ПИИ направляются в непроизводственную сферу.

4. 2000-е годы характерны непрерывным наращиванием экспорта китайского капитала. За 2007–2013 гг. объём зарубежных инвестиций Китая возрос в 4 раза. В 2013 г. он достиг 107,84 млрд долл.² с увеличением за год на 22,8% при среднемировом приросте в 1,4%.

5. В 2010–2011 гг. произошёл перелом в зарубежной инвестиционной деятельности. Правительство объявило о намерении выделить 1 трлн долл. на 10-летнюю программу скупки зарубежных активов. Следовательно, для приобретения активов за рубежом планируется в среднем ежегодно затрачивать по 100 млрд долл. То есть округлённо почти в 2 раза больше по сравнению с 2008–2009 гг.

6. 2013–2014 гг. показательны практическим совпадением объёмов ПИИ, поступивших в Китай, и ПИИ Китая в другие страны. Учитывая темпы их роста, в недалёком будущем Китай станет «чистым» экспортёром капитала.

7. На самом деле точные данные о масштабах китайского экспорта капитала установить затруднительно. Этой деятельностью до последнего времени занималось 15,3 тыс. экспортёров. В 2014 г. правительство отменило большую часть ограничений для занятия этой деятельностью.

8. Принципиально важно, что одной из главных целей экспорта капитала является овладение новой и новейшей техникой

¹6 yue wo guo vaihuichubei zengzhi 3.99wanyi meiyuan http://www.gov.cn/2014-07/16/content_2717935.htm

²???

и технологией, новыми материалами и другими базовыми знаниями для инновационного развития экономики Китая. В США в этой связи установлен специальный порядок рассмотрения каждой сделки с участием китайских инвесторов.

В.А. Мельянецев

**Крупные развитые и развивающиеся страны
(2000–2014): траектории, пропорции
и факторы экономического роста**

Поставив задачу определить и сопоставить важнейшие параметры макроэкономической результативности развивающихся стран (РС) и развитых государств (РГ), входящих в G20, автор, сделав ряд расчетов, пришел к следующим выводам:

1. Воспользовавшись в условиях глобализации своими сравнительными преимуществами и проведя серию прагматичных реформ, ряд крупных РС в 2000–2014 гг. в целом сумели обеспечить **семикратное по сравнению с РГ превосходство** в среднегодовых **темпах и стабильности** прироста ВВП в расчете на душу населения, сократив более чем на 2/5 разрыв в уровнях развития с РГ.

2. По нашим расчетам, по представленной ниже «пилотной» модели, внутри «двадцатки» в 2000–2014 гг. более быстрый рост подушевого ВВП в РС по сравнению с РГ определялся: **на треть** — эффектом конвергенции, т.е. сравнительно более низким исходным уровнем подушевых доходов в РС; **на четверть** — в целом более высокой в РС нормой накопления физического и человеческого капитала; **на две пятых** — сравнительно более существенным (чем в РГ (!)) прогрессом в повышении за период уровня экономической свободы.

$$\text{GrY}/P_i = -4.0 - 0.04 * Y/P_{oi} + 0.22 * \text{NKH}_i + 1.35 * \Delta \text{EcFreed}_i,$$

$$(0.05) \quad (p=0.19) \quad (p=0.00) \quad (0.05)$$

$$R^2 \text{ adj.} = 0.80, N = 18, L = 2000-2014 \text{ гг.}$$

GrY/P_i и Y/P_{oi} — соответственно среднегодовой темп прироста и исходный уровень подушевого ВВП; NKH_i — доля капвложений, расходов на образование и НИОКР в ВВП, %; $\Delta \text{EcFreed}_i$ — изменение за период уровня экономической свободы.

3. РГ, переживающие ныне острые финансовые и социальные проблемы, уменьшили втрое свой **вклад в прирост ВВП G20** с 30% в 2000–2007 гг. до 10% в 2008–2014 гг. и на четверть — **свою долю в совокупном потенциале G20** (по шестикомпонентному композитному индексу в 2000–2014 гг. — с 62 до 45%).

4. По нашим расчетам по модели, описывающей ~ 3/4 вариаций среднегодовых темпов экономического роста десяти крупнейших РГ, исчисленных за 1950–1980 гг. и 1980–2014 гг., их замедление во втором периоде вызвано на 2/3 достижением РГ более высоких уровней подушевого дохода (а, стало быть, кроме прочего, трудовых и социальных издержек) и на 1/3 — переходом развитых обществ в функциональный режим **более быстрой утраты демографического дивиденда**. Средний возраст в РГ (в 2014 г. 42–43 года) в 1.5 раза выше, чем в РС (29–30 лет, без КНР –26).

$$\text{GrY}_{it} = 5 - 0.124Y/P_{i0} + 0.211 * \Delta P1564_i$$

$$(0.00) \quad (0.02) \quad (0.071)$$

$$R^2 \text{ adj.} = 0.753, N = 20.$$

GrY_{it} — среднегодовой темп прироста ВВП i-й страны из числа крупных РГ за 1950–1980 гг. и 1980–2014 гг.; Y/P_{oi} — подушевой ВВП в начальный год периода; $\Delta P1564_{it}$ — изменение за период t доли людей трудоспособного возраста (в п.п.).

5. Опередив в 2000–2014 гг. РГ по **уровню эффективности капиталовложений** и среднегодовым **темпам прироста совокупной факторной производительности** (СФП) в 2.5–3 раза, РС в целом сократили свое отставание по **уровню СФП** примерно на треть.

6. Однако по **уровню СФП и его вкладу** в прирост ВВП они в среднем все еще **втрое отстают** от РГ.

7. К тому же их **расширенный индекс человеческого развития**, скорректированный на уровень неравенства и степень развития свободы, отнесенный к показателю РГ, в 2000–2014 гг. несколько снизился, что в немалой мере определялось сравнительно слабым прогрессом в **качестве их социально-экономических и политических институтов** (рассчитано по данным ООН и ВБ).

И.Л. Тимонина

Политика импортозамещения на этапе реиндустриализации: опыт Японии

Политика импортозамещения проводилась в Японии в рамках государственной промышленной политики в 1950–1960-е годы на первых этапах реиндустриализации и модернизации экономики после второй мировой войны и в период высоких темпов экономического роста.

Главной особенностью и залогом успеха политики импортозамещения в Японии стало то, что она никогда (возможно, за исключением исторически короткого периода послевоенного восстановления 1945–1952 годов) не реализовывалась в чистом виде, а сочеталась с экспортноориентированной стратегией. Применительно к Японии больше подошел бы термин «импортонедопущение», поскольку в послевоенный период в силу контрфактно-исторических обстоятельств говорить о реальном «захвате» каких-либо сегментов японского рынка иностранными производителями не вполне корректно. Потенциальная же возможность возникновения подобной ситуации существовала. (Так, в 1930-е гг. японская металлургия с трудом конкурировала с импортной продукцией, а на рынке легковых автомобилей были представлены почти исключительно американские автомобили).

Возможность и рациональность гибкого симбиоза импортозамещения и экспортной ориентации в Японии была обусловлена историческими обстоятельствами, культурными, институциональными, социально-политическими особенностями развития страны, спецификой предпринимательской структуры, особым характером взаимоотношений бизнеса и государства, своеобразием позиционирования Японии в международном сообществе.

Направления и инструменты промышленной политики, нацеленные на импортозамещение, были представлены традиционно: импортные квоты и пошлины, система валютного бюджета, ограничения для прямых иностранных инвестиций. Рестриктивные методы использовались в тесной координации со стимулирующими инструментами политики, преимущественно прямого действия (государственные капиталовложения в инфраструктуру, система доступного кредита, льготное налогообложение, ускоренная амортизация, субсидии компаниям, выделение валюты на покупку патентов и лицензий), направленными на восстанов-

ление и модернизацию внутреннего производства в приоритетных отраслях, состав которых оперативно обновлялся (базовые капиталоемкие отрасли, позже — отрасли средней технической сложности).

Эти отрасли в силу своих технико-экономических характеристик развивались как отрасли массового производства, в условиях конкуренции на внутреннем рынке и благодаря возможности массового приобретения техники и технологий в русле новейших достижений мирового научно-технического прогресса. Система таможенно-тарифной защиты в Японии была гибкой, и в ее рамках допускался импорт сырья и материалов, оборудования, технологий, необходимых для развития и повышения конкурентоспособности японских производственных компаний. В числе других факторов все это создало условия для наращивания экспортного потенциала японских компаний и обеспечило возможность их быстрого выхода на зарубежные рынки даже при более высоких по сравнению с ценами мирового рынка издержках и более высокой цене внутреннего рынка.

В первой половине 1960-х гг. в Японии начался процесс либерализации внешнеэкономической, в том числе внешнеторговой сферы, уровень тарифной защиты постепенно снижался, и в промышленной политике стали очевидно преобладать цели наращивания экспортного потенциала.

Литература

1. Попов В.В. Промышленная политика — как определить отрасли, которые надо поддерживать // Журнал НЭА. 2014. № 2 (22). С. 186–190.
2. Полтерович В.М., Попов В.В. Промышленная политика, тарифы и золотовалютные резервы на разных стадиях развития (Глава 2 в кн.: В.Л. Макаров (ред). Стратегические проблемы национального развития и международного сотрудничества: дальневосточный вектор. Хабаровск: РАН, 2005. С. 77–143 (pages.nes.ru-vpopov/documents/Stages-Russian...))
3. Новое лицо японской промышленности / Под ред. К. Нагасу. Пер. с япон. М.: Прогресс, 1967.

Л.А. Фридман, Т.М. Алиев

Аравийские нефтегазовые монархии: 1913–2013 гг.

Рост добычи нефти в условиях повышения цен на энергоносители дал толчок экономическому развитию монархий Аравийского по-

луострова: Бахрейна, Катара, Кувейта, Омана, ОАЭ и Саудовской Аравии. Эти страны за последние 100 (а реально — 60–70 лет, т.е. за время смены двух поколений) осуществили переход от (полу)феодализма к реальностям XXI века. Оценка результативности указанного сдвига мы и попытаемся дать в настоящем исследовании.

Эти нефтегазовые монархии в начале XX века принадлежали к числу типичных азиатских государств. Их усредненный подушевой ВВП составлял в 1913 г. около 600 долл. (в ценах 1990 г.). За 100 лет — с 1913 г. по 2013 г. — подушевой ВВП Катара увеличился в 138 раз (!), Кувейта — в 85–90 раз, ОАЭ и Саудовской Аравии — в 55–60 раз, а Омана и Бахрейна — в 45–50 раз (см. таблицу).

ВВП на душу населения монархий Персидского залива и некоторых государств и территорий мира в 1913 г. и 2013 г.: сдвиги за 100 лет

Место в 2013 г.	Страна	ВВП на душу населения, 2013 г.	Место в 1913 г.	ВВП на душу населения, 1913 г.	2013/1913, раз	Сдвиг в ранжировании
1	Катар	82 867	66	600	138,1	–65
2	Кувейт	51 986	67	600	86,6	–65
5	ОАЭ	35 955	68	600	59,9	–63
6	Саудовская Аравия	33 824	69	600	56,4	–63
11	Оман	27 706	71	600	46,2	–60
12	Бахрейн	27 562	70	600	45,9	–58
	Справочно:					
3	Сингапур	49 525	32	1 367	36,2	–29
4	Норвегия	41 171	18	2 447	16,8	–14
7	Швейцария	33 756	1	7 093	4,8	6
9	США	33 423	2	5 301	6,3	7
8	Гонконг, САР	33 461	35	1 279	26,2	–27
34	Россия	15 170	29	1 450	10,5	5
51	Иран	9 803	46	1 000	9,8	5
52	Ирак	9 552	47	1 000	9,6	5
58	Китай	7 487	73	552	13,6	–15
55	Алжир	8 367	41	1 163	7,2	14
70	Индия	3 403	64	673	5,1	6

75	Йемен	2 489	72	600	4,1	3
	В среднем в мире	8 989	..	1 543	5,8	..

Среди всех остальных 74 стран, охваченных расчетами, наибольшую эффективность экономического роста показали Южная Корея (42 раза), Сингапур (36 раз), Тайвань (32 раза) и Гонконг (26 раз). Все эти восточноазиатские страны и территории в последней четверти XX в. — начале XXI в. добились крупнейших успехов в деле индустриализации, а в дальнейшем — постиндустриального развития.

Однако, арабийские нефтегазовые монархии не могут быть названы развитыми странами, если учитывать не только величину подушевого ВВП (по которой Катар в 2013 г. занял даже первое место в мире), но также развитие человеческого потенциала и общественных отношений, уровень демократии и политических свобод и т.п.

Полученные результаты позволяют по-иному взглянуть на проблемы ресурсного изобилия или, напротив, «ресурсного проклятия» и «голландской болезни», которые отчасти в силу этих броских эпитетов привлекают внимание как исследователей, так и особенно околонуучных кругов. Некоторые исследователи, например, сравнивали темпы экономического роста в нефтегазовых и энергодефицитных государствах за **20–30 лет**. Но, на наш взгляд, целесообразно и даже необходимо значительно расширить временной горизонт для такого рода сравнений. Исходя из гораздо более широких критериев мы использовали **столетний** горизонт для изучения геоэкономических сдвигов за период с 1913 г. по 2013 г.

Несмотря на широкое освещение и большое число исследований по этой тематике, до настоящего времени не ясен вопрос, что считать проявлением «голландской болезни», а идея «ресурсного проклятия» не получила серьезного теоретического обоснования. По мнению некоторых ученых, феномена «ресурсного проклятия» не существует, более того, они указывают на благоприятное влияние изобильных природных ресурсов на экономический рост. Авторы тезисов полагают, что можно лишь говорить о противоречивости влияния ресурсного изобилия на экономический рост и экономическое развитие различных стран, обладающих избыточными ресурсами.

Angus Maddison project [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/home.htm>

Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. OECD, Paris, 2003.

База данных Всемирного банка World dataBank [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://databank.worldbank.org/>.

Религия стран Азии и Африки: история и современность

А.В. Бочковская

Современные технологии для саморекламы «надконфессиональных» общин (на примере индийской Дера Сача Сауда)

Деятельность псевдо-религиозных или «надконфессиональных» организаций и сообществ, возглавляемых проповедниками, гуру, «живыми богами» — далеко не новое явление в Южной Азии. «Вся Индия кишит святыми, бормочущими проповеди на незнакомых языках; фанатиками, потрясенными и снедаемыми огнем религиозного рвения; мечтателями, болтунами и ясновидцами. Так было от начала времен и так будет до конца», — писал Р. Киплинг в знаменитом романе «Ким» (1901). Аналогичная картина наблюдается в Индии начала XXI в. — с той лишь разницей, что сегодняшние вероучители и ясновидцы все шире применяют высокие технологии для воздействия на своих последователей. Особенно в этом преуспевают те, кто делает ставку на универсальный или «внеконфессиональный» характер проповедуемой идеологии: таким образом заметно расширяется потенциальный круг «паствы», прежде всего за счет привлечения самых низких социальных слоев.

Дера Сача Сауда (ДСС) — одно из динамично растущих современных сообществ, чья скандально известная деятельность строится вокруг авторитарного лидера, ориентирующегося преимущественно на низкастовое население Панджаба и Харианы, а также Раджастхана, Уттар-Прадеша и других штатов Северной Индии. За почти 70-летнюю историю своего существования оно прошло путь от небольшой общины в г. Сирса (совр. Хариана) до организации, насчитывающей миллионы человек по всей Индии и за ее пределами. ДСС позиционирует себя в качестве учреждения, предназначенного для достижения «духовной эмансипации»; места «слияния всех религий мира». В силу приверженности идее «живого бога-гуру» община вызывает полное неприятие со стороны духовных авторитетов сикхизма.

Начиная с 1990-х гг., когда во главе ДСС встал нынешний гуру Гурмит Рам Рахим Сингх, обладающий неординарными организаторскими качествами, она стала превращаться в крупный бизнес-проект. На сегодняшний день ДСС является крупнейшим земельным собственником, владеющим промышленными предприятиями, образовательными и медицинскими учреждениями, а также активно участвует в масштабных благотворительных акциях.

Успех сообщества в значительной степени обусловлен хорошо организованной саморекламой с применением самых современных методов и средств пропаганды. ДСС имеет свои печатные органы, телевизионный канал (регулярные проповеди гуру ведутся в прямом эфире), выпускает колоссальное количество литературы, аудио- и видеоматериалов, доступно рассказывающих о достижениях организации.

С целью еще большего охвата потенциальной аудитории ДСС сняла полнометражный фильм «Посланник» (*The Messenger*; изначально — *Messenger of God*, «Посланник Божий»), который в феврале 2015 г. вышел в общеиндийский прокат после череды исков и судебных разбирательств в ряде штатов. Главным действующим лицом и исполнителем в фильме выступает глава общины, в прямом и переносном смысле воспевающий «универсальные» принципы идеологии Дера Сача Сауда.

Особый интерес для исследования представляют интернет-проекты ДСС: информативный и постоянно обновляющийся сайт (www.derasachasauda.org), страницы в популярных социальных сетях, мобильные приложения ориентированы как на последователей Гурмита Рама Рахима Сингха в Индии, так и на обширную диаспору. Сайт также использовался главой общины для осторожной пропаганды своей книги «Рухани джаваб» (*Ruhānī Javāb*, «Духовный ответ») — своеобразной альтернативы сикхской «Ади-грантх». В случае с ДСС мы имеем дело с концептом «религии онлайн», т.е. с распространением информации о религиозном сообществе через интернет, в отличие от «онлайн-религии», предполагающей отправление религиозных обрядов с помощью Всемирной сети (см. C. Helland 2000, 2004, 2005, 2013; L. Dowson & D. Cowan 2004; G. Young 2004 и др.).

Агрессивная и успешная самореклама Дера Сача Сауда и других «надконфессиональных» сообществ на фоне роста их экономического и политического влияния в Панджабе и за его пределами вынуждает сикхскую общину уделять повышенное внимание

современным методам пропагандистской деятельности. Но пока что сикхи выступают в роли отстающей стороны.

А.М. Дулина

Роль и место божества Хатиман в учении монаха Нитирэн (1222–1282)

В конце XII–XIII веках в Японии на фоне общественно-политических потрясений и духовного кризиса возникали новые религиозные движения. Среди них деятельность монаха Нитирэн (1222–1282) можно назвать самой радикальной: он не только отвергал все виды учений кроме основанных на «Лотосовой сутре» (наиболее почитаемая сутра в Японии), но призывал уничтожить «дурных монахов» как причину всех бедствий страны, включая угрозу монгольского завоевания архипелага в конце XIII века.

За критику наиболее влиятельных буддийских школ в 1271 г. Нитирэн был приговорен военным правительством (которое стало новым центром власти после завершения междоусобных войн в конце XII в.) к ссылке на остров Садо (современная префектура Ниигата). По дороге к месту ссылки недалеко от города Камакура в местечке Тацу-но кути монахи решили казнить. Нитирэн обратился в молитве к Хатиман с просьбой защитить его как главного подвижника «Лотосовой сутры» и случилось чудо — яркое светящееся тело упало с неба, ослепило стражу, палач выронил меч.

Обращение Нитирэн к божеству Хатиман не случайно. В религиозном мировоззрении японцев того времени за Хатиман закрепился статус защитника страны от внешних врагов, покровителя воинского сословия во главе с сёгуном, «родового божества» династии государей вместе с прародительницей государева рода солнечной богиней Аматаэрасу, а также охранителя Закона Будды и всех его последователей.

Согласно учению о Хатиман, детально изложенному в анонимном сочинении служителя святилища Ивасимидзу «Хатиман гудо:кин» («Наставление глупым детям о Хатиман», начало XIV века), в одном из прошлых рождений Хатиман был Буддой Шакьямуни и для спасения всех живых существ читал проповеди, изложенные позднее в «Лотосовой сутре». Имя божества, записанное иероглифами «восемь знамен», толковалось как «восьмеричный путь» — главный способ избавления от страданий, провозглашенный Буддой Шакьямуни. В эпоху упадка Закона Будда

явился в Японию в облике божества, чтобы в доступной форме объяснить «глупым детям» суть учения о спасении.

Одним из способов почитания «Лotosовой сутры» Нитирэн считал написание тушью на бумажном свитке заглавия и имен действующих лиц сутры. На этой «мандале из письменных знаков» монах помещал имя Хатиман на одном уровне со своей подписью и именем богини Аматаэрасу.

Таким образом, Хатиман занимал важное место в учении Нитирэн, поскольку высокий авторитет божества среди воинского сословия, представителей государева дома и простого населения (последним Хатиман обещал спасение независимо от происхождения), его роль защитника подвижников «Лotosовой сутры» должны были придать весомости проповедям Нитирэн.

Список литературы

1. Хатиман гудо:кин (Наставление глупым детям о Хатиман) // Дзися энги (Предания о происхождении буддийских храмов и синтоистских святилищ). Серия: Нихон сисо: тайкэй (Основные произведения японской мысли). Т. 20. Токио: Иванами, 1975. С. 208–273.

2. Кангё: хатиман-сё: (Трактат об увещании Хатиман) // Нитирэн дайсё:нин го:сё дзэнсю: (Полное собрание сочинений Нитирэн Дайсё:нин) [Электронный ресурс] // URL: http://www.sokanet.jp/kaiin/gosho_search/page.php?n=576&x=74&y=18

Д.Р. Жантиев

Суфизм в поздне-османской Сирии: основные структуры и тенденции

Активизация деятельности ряда суфийских братств в сирийских провинциях Османской империи XIX в. представляется важным фактором для понимания той духовной и интеллектуальной атмосферы, в которой протекала общественно-политическая трансформация сирийского общества в эпоху реформ Танзимата и в последующие периоды османской истории. В первой четверти XIX в. в Дамаске исламский мистицизм обрел «новое дыхание» благодаря деятельности выдающегося суфийского шейха Халида (1776–1827), ставшего основателем новой ветви накшбандийской *тарики*, получившей в честь него наименование накшбандийа-халидийа. Требуя от своих последователей неукоснительного соблюдения норм шариата и верности следования *тарики*, шейх Халид оказал сильное духовное и интеллектуальное воздействие

на многих сирийских *улама* — как в Дамаске, так и в ряде других городов. За относительно недолгий период жизни и деятельности шейха Халида в Дамаске (1823–1827) братство накшбандийа стало наиболее влиятельной и многочисленной по числу приверженцев суфийской структурой в османской Сирии, успешно взаимодействуя и конкурируя с такими братствами как кадирийа и халватийа. Несмотря на подчеркнутую лояльность шейха Халида и его последователей по отношению к султану и османским властям в целом, султан Махмуд II с некоторым опасением относился в росту влияния накшбандийского шейха.

После смерти шейха Халида (1827) единство руководства *тарики* было постепенно утрачено. Во второй половине XIX в. оно оспаривалось, с одной стороны, представителями алимского семейства ал-Хани, а с другой — энергичным племянником покойного шейха, Ас'адом ас-Сахибом. В правление султана Абдул-Хамида II (1876–1909) ас-Сахиб получил протекцию со стороны влиятельного приближенного султана — шейха братства рифаййа Абу-ль-Худа ас-Сайади. Распространение рифаитского учения в северных районах Сирии (особенно в Халебе и Хаме) отчасти препятствовало дальнейшему продвижению братства накшбандийа-халидийа. Но, с другой стороны, последователи шейха Халида сохранили и продолжили его учение, а в Дамаске оно сохраняло доминирующие позиции.

Еще одним важным явлением в развитии суфийских учений в османской Сирии XIX в. стала религиозно-просветительская и духовно-творческая деятельность алжирского эмира Абд ал-Кадира, проведшего в Дамаске последний период своей жизни (1855–1883). Приверженность мистическому учению Ибн Араби (*Акбарийа*) побудила эмира Абд ал-Кадира к активной преподавательской деятельности, в ходе которой он приобщал своих учеников в таинства его текстов и идей.

Процессы реформ в сирийских провинциях Османской империи XIX в. протекали на фоне сохранения влияния традиционных исламских институтов, среди которых важную роль играли суфийские братства. Вплоть до начала XX в. суфизм оказывал наибольшее воздействие на мусульманскую интеллектуальную элиту, в определенной степени противодействуя как западным рационалистическим воззрениям, так и призывам возродить «истинный ислам» на основе салафитских принципов и подходов.

Литература

1. Hudson L. Transforming Damascus. Space and Modernity in an Islamic City. L.; N.Y., 2008.
2. Weismann I. Taste of modernity: Sufism, Salafiyya, and Arabism in Late Ottoman Damascus. Leiden; Boston; Köln, 2000.

О.М. Запрометова

Метаморфозы Торы:

Еврейская экзегеза поздней античности

Проникновение в духовный мир иной эпохи, включающее в себя понимание текстов, созданных тысячелетия назад на древних языках и в жанрах, которые уже не существуют, непростая задача даже для специалиста¹. Сложность прочтения библейского текста и его перевода для читателя другой культуры часто обусловлена и многозначностью этого древнего текста. О важности развития современных экзегетических подходов свидетельствуют многочисленные научные конференции и новые исследовательские проекты. Доказывается, что скрытая метафоричность и символичность текстов требует интерпретации и выявления различных уровней значения, скрывающихся за его буквальным прочтением². Каждый

¹ Один из примеров этому — переводы библейского текста на современные нам языки, осуществляемые в рамках научной деятельности ИПБ (Института перевода Библии), российской научной организации, занимающейся переводом, изданием и распространением Библии на языках неславянских народов, проживающих в России и в сопредельных странах. Эти народы (около 85 млн человек) имеют различные культурные и религиозные корни и говорят на более чем 130 языках. Численность носителей некоторых из них составляет миллионы, другими владеют только несколько тысяч и даже сотен человек. Одни языки имеют давнюю литературную традицию, а для других письменность была создана совсем недавно. См.: <http://ibt.org.ru/> [1.03.2015]

² Ковельман А. Герменевтика еврейских текстов. М.: Книжники, 2012.

литературный памятник есть результат творчества представителей конкретной культурно-исторической эпохи. Примером этому могут служить представления о Торе и те изменения, которые это основополагающее понятие иудаизма претерпевает, начиная с эпохи Второго Храма вплоть до настоящего времени.

Начало еврейской экзегезы принято связывать с эпохой персидского правления и деятельностью книжника Ездры в Иерусалиме, датируемой исследователями V в. до н.э. В книге Ездры-Неемии впервые в еврейской историографии появляется тенденция копировать и цитировать документы, входившие в царскую переписку (Езд. 1.2–4; 6. 2–12), столь характерная для эллинистической историографии. Согласно этому источнику, Ездра было поручено Артаксерксом Первым контролировать исполнение Торы в Заречье, а также обучать Торе, которая впервые за всю историю должна была внедряться как уголовное и гражданское право в Земле Израиля (Езд. 7.1–26). Само слово *тора* — «учение, наставление» — происходит от корня *y-r-h* «стрелять / пускать стрелу» и таким образом этимологически относится к тому, что «попадает в цель»¹. Использование слова *тора* в качестве понятия, включающего в себя цельную систему законов и заповедей, относится к достаточно позднему времени. В Пятикнижии термин *тора* иногда появляется во множественном числе (Быт. 26.5; Исх. 18.20; Лев. 26.46 и др.) и относится к заповедям/повелениям, касающимся прежде всего культовой практики, обрядов или ритуалов жертвоприношений. Завет (*берит*), заключенный с Авраамом (15.8–20) и его потомками на Синае (Исх. 24), более поздней традицией был определен пребывать вечно (Пс. 110.9). Неотъемлемой частью ритуала заключения завета было жертвоприношение (рассечение жертвенных животных символизировало судьбу того, кто нарушит завет). Переживание человеком божественного присутствия, явленного в виде дыма и пламени, наводило страх и ужас (Быт. 15.2; Исх. 3.2–6, 13.22 и др.). Переосмысление «буквального» прочтения текста уже в библейскую эпоху стало всеобщим методом постижения действительности. Связь *Торы* и мудрости была установлена давно, о чем свидетельствует книга Второзакония, где утверждается непревзойденная справедливость правил и законов *Торы*, дарованной Израилю (Втор. 4.5–8).

¹ Holladay W.L. A Concise Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Leiden: Brill, 1988. P. 143–144; Bretter M.Z. “Torah” // The Jewish Study Bible. P. 1–7.

Говоря об анализе формирования новых представлений о *Торе* в исследуемую эпоху, нельзя не упомянуть неокантианство, оказавшее огромное влияние на развитие всей историографии XX в., и появление новых методологических подходов к изучению религий древнего Востока¹. Ранее нами было показано, почему термин *тора*, связывающий воедино известные библейские представления (завета, исполнение заповедей, жертвы, переживание божественного присутствия, страха и др.), в эпоху возвращения из вавилонского пленения получает новое истолкование и становится законодательством, а позднее, при переводе *Торы* на греческий язык, основополагающим понятием иудаизма — Законом. В дальнейшем развитии еврейской мысли в литературе Устной Торы, попытке преодоления философского логоса, можно увидеть пример рождения новых форм теоретического сознания. Истоки этого подхода обнаруживаются в более ранней эпохе и здесь нельзя не отметить интерес современных исследователей к метафоре как ключу к пониманию основ мышления, соединению логики и мифологии. Еще Кассирер, искавший в языке как логические, так и мифологические формы мышления, подчеркивал, что рефлекс мифологических представлений следует искать в метафоре. В докладе будут показаны пути развития логических (закон, определяемый через категорию времени) и образно-символических (свет, мудрость, истина и др.) представлений о *Торе* в эпоху поздней античности.

А.Б. Захарьин

Православие в Китае в XXI веке

В истории мировых религий найдется мало историй более непонятных и грустных, чем история православия в Китае. В стране, где по данным 2014 г. проживает 1 млрд 360 млн человек (20% жителей планеты), насчитывается всего 12–13 тыс. православных, число которых непрерывно сокращается. Лишь малая их часть знакома с канонами и многие не крещены в соответствии с православным обрядом. Китайская Автономная Православная Церковь практически не имеет официального статуса, а четыре ее прихода никак между собой не связаны. В 2000 г. в Харбине умирает последний

¹ Meaning and Representation in History / Ed. J. Rüsen. N.Y., 2008; Jordan S. Theorien und Methoden der Geschichtswissenschaft. Paderborn, 2009.

православный священник, и единственный действующий храм Харбина — Покровская церковь — остается без священника и богослужений. В 2003 г. умирает последний священник в Пекине. В Шанхае, помимо небольшой русской диаспоры, проживают всего около 30 православных китайцев, сохранились два храма. Богослужения, кроме Никольского храма, совершаются в консульстве России: по будням — визы, по воскресеньям — богослужения для 40–60 человек. В окошки выдачи виз ставят иконы. В Гонконге один православный приход.

Прокладывало ли православие насилем путь в Поднебесную? Парадоксально, что китайцы сами заводят у себя православие в конце XVII века. После падения русской крепости Албазин в 1685 г. около 100 русских пленных вместе со священником доставляются в Пекин. По распоряжению императора Канси создается «русская рота» императорской гвардии. Русским даются наделы земли, квартиры, жалованье. Для богослужения отводится буддийская кумирня, переделываемая в часовню, где отец Максим Леонтьев до 1695 г. венчает и отпевает. Впоследствии территория русской православной миссии — самая большая в мире — находится в сердце китайской столицы. Однако в 1914 г. в русской миссии всего 80 человек, из которых 46 — китайцы.

Является ли скромное положение православия в Китае результатом репрессий? Известно, что китайские католики долгое время подвергались репрессиям и находились в подполье, а многие находятся в подполье и сейчас. В 1900 г. во время восстания ихэтуаней от рук последних гибнет около 300 православных (из 1000), однако другие христианские конфессии несут еще большие потери: погибших католиков — 30 тыс., протестантов — 2 тыс. Во время Культурной революции (1966–1976) в Китае закрыты все православные храмы. С харбинских церквей сбиты кресты. Хунвэйбины сжигают деревянный Свято-Николаевский собор — православную святыню города. На его месте — памятник героям Культурной Революции, потом — клумба. Священников возят на грузовиках с надетыми на голову коровьими мордами, осмеивают, избивают. Однако то же происходит с католиками, протестантами, мусульманами, буддистами. Среди них еще больше жертв. Однако после Культурной революции численность верующих и храмов быстро восстанавливается и растет, только не православных. С началом реформ в 1987 г. и либерализацией религиозной политики число китайских католиков вырастает в 4 раза — до 15 млн человек, число протестантов в 20 раз — до 50 млн человек.

В Китае действуют десятки тысяч католических и протестантских приходов, причем католические и протестантские страны далеко, а у России с Китаем 4209 км общей границы.

Хотя в XXI веке имеет место некоторое возрождение китайского православия, статус его не высок. В некоторых крупных городах открыты православные храмы. Происходит обмен официальными делегациями. Однако вопрос, почему судьба православия в Китае столь печальна, продолжает занимать умы.

Б.А. Захарьин

Этика в контексте религиозных представлений в Древней Индии

Оба главных направления в древнеиндийской культурной традиции: *śrúti*, т.е. «услышанное» подвижниками-риши, и *smṛti*, «передаваемое» (в качестве предания), — предполагают в сакральных текстах постоянное переплетение религиозно-философских и этических представлений. В период ведизма инструментом для различения добра и зла служил ритуал, являвшийся единственным и обязательным средством коммуникации людей с богами: удовлетворявшие богов сакральные акты рассматривались как добро, вызывавшие их недовольство — как зло. Одним из основополагающих было понятие '*Rta*', т.е. незыблемого «порядка вещей», контролировавшего мироустройство, ритуал и мораль. Люди обязывались следовать соотнесенной со '*Rta*' Истине (*sat*-) и избегать Лжи (*asat*-); охранителями Истины выступали боги, тогда как приверженцами Лжи являлись демоны.

В последовавшую эпоху позднего ведизма — раннего брахманизма акцент с ритуального действия был перенесен на сакральное знание (*jñāna*-), т.е. на понимание того, что мироздание эфемерно и что конечной целью отдельного человека и социума в целом является обретение Спасения (*mokṣa*), которое имплицитно единство абсолютного «Я» (*Brahman*-) и индивидуального «я» (*ātman*-). Знание при этом понималось не просто как продукт интеллекта, не как то, что «может быть достигнуто речью, разумом или глазом»¹, но как некое очищение мыслей, слов и по-

¹ Катха упанишада. 2.3.12 // Упанишады. Перевод с санскрита, предисловие и комментарий А.Я. Сыркина. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1967. С. 111.

ступков. Предписания морали считались важными не сами по себе, но рассматривались как конкретные средства достижения внутреннего и внешнего совершенства. Отсюда — прописанные жрецами правила поведения индивида в обществе, сводившиеся к триединой модели следования Истине (*sāddhāraṇa dharma*), выполнения сословных ограничений (*varṇa dharma*) и полной реализации себя в разные периоды жизненного цикла (*āśrama dharma*). Унаследованные из эпохи ведизма идеологические категории постепенно меняли окраску, трансформируясь в собственно моральные ценности. Так понятие '*yajña*', во времена ведизма означавшее «кровавое жертвоприношение», в период ранних упанишад приобрело новый смысл — «жертвование собственными эгоистическими устремлениями». Таким же образом ведийский '*tapas*' «аскеза» стал пониматься не столько как способ достижения превосходства над людьми и богами, сколько как средство самоограничения, самоконтроля и самосовершенствования¹.

Следующей ступенью в деле развития этики стал период *smṛti*, в рамках которого были сотворены и оба великих эпоса — Махабхарата и Рамаяна, — и тексты Грихья-сутр, Дхарма-сутр и Дхарма-шастр, посвященные регулярным ритуалам, обрядам и нормам поведения. Именно в эту эпоху были отточены до совершенства выведенные ранее постулаты «дхармической триады» (*sāddhāraṇa*, *varṇa* и *āśrama*), продемонстрирована относительность границ между индивидуальной этикой и общественной моралью, в деталях сформулированы этические предписания и запреты. Подлинным катехизисом этических нормативов стала включенная в Махабхарату «Песнь Благого» (*Bhagavadgītā*), справедливо рассматриваемая как «Библия индуизма».

Р. Касумов

Алимский корпус Османской Сирии во взаимодействии с иноконфессиональными общинами (XVII — первая треть XIX в.)

Сирийское общество в рассматриваемый период носило во многом консервативный характер. Религия играла главную роль

¹ Tiwari K.N. Classical Indian ethical thought. 2-e ed. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers. 1998. P. 80–81.

в самоидентификации людей и оказывала значительное влияние на положение человека в местной социально-политической иерархии. При этом высокий уровень религиозной обособленности был характерен для всех конфессиональных общин региона.

В основе системы регулирования межконфессиональных отношений в Османской империи лежали два принципа: первый — принцип религиозной веротерпимости, отразившийся в статусе *ахль аз-зимма*; второй — принцип самоуправления иноконфессиональных общин, воплощением которого стала система миллетов.

Ислам, будучи государственной религией, занимал доминирующее положение как в сиро-палестинском регионе, так и во всей Османской империи. По этой причине важнейшую роль в общественно-политической жизни государства играл корпус алимов — мусульманских ученых и знатоков исламского вероучения, являвшихся главными хранителями традиционных исламских ценностей.

В условиях поликонфессионального сирийского общества именно от отношения этой очень авторитетной в глазах мусульманского большинства социальной группы к местным немусульманским религиозным общинам зависела стабильность межконфессиональных отношений в регионе.

В исторических источниках содержится не много информации о контактах христиан с представителями сирийского алимского корпуса. Причина этого кроится в отсутствии активного взаимодействия между различными конфессиональными группами.

Вместе с тем имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют говорить о том, что бытовые контакты между алимами и сирийскими немусульманами носили мирный и конструктивный характер, что подтверждается целым рядом примеров.

Представители мусульманского духовенства неоднократно заступались за зиммиев как перед османскими властями, так и перед их собственными религиозными руководителями. Известны случаи, когда именно алимы давали приют видным представителям немусульманских общин, скрывавшимся от преследований властей или их духовных иерархов.

Авторитетные мусульманские алимы, такие как, например, лидеры влиятельного дамаского клана аль-Муради, время от времени помогали христианам добиться у властей права на ремонт церквей.

Иногда христиане отдавали своих детей алимам на обучение. При этом имели место интеллектуальные контакты и на более высоком уровне. Самый яркий пример — диалог выдающегося мусульманского ученого-богослова и суфия Абд аль-Гани ан-Набулуси с православным Антиохийским патриархом Афанасием Даббасом. Для ан-Набулуси в целом характерно положительное отношение к христианам и христианской религии, что отразилось как в его полемических трудах, так и работах жанра *рихля*.

Серьезным аргументом в пользу отсутствия антагонизма в отношениях между представителями сирийского алимского корпуса и иноверцами является популярность у зиммиев шариатских судов, которая объясняется тем, что османские *кади* обычно, вопреки установленным предписаниям, принимали показания христиан и иудеев наравне со свидетельствами мусульман.

В источниках упоминается о дружественных отношениях как отдельных зиммиев, так и целых немусульманских общин с тем или иным алимом.

В 1807 г. дамаский правитель Йусуф-паша аль-Кундж издал целую серию указов, ужесточивших дискриминационные меры в отношении немусульман. В результате в Дамаске началось заметное обострение мужконфессиональных отношений. В этой ситуации именно лидеры дамаской алимской корпорации помешали дальнейшей эскалации конфликта, открыто осудив действия Йусуф-паши и вынудив его отменить большую часть введенных им указов.

В общем и целом для сирийского алимского корпуса в рассматриваемый период не был характерен религиозный фанатизм и стремление к разжиганию настроений, направленных против немусульман. При этом именно эта социальная группа, на которую во многом ориентировалось в своем поведении мусульманское большинство, играла важнейшую роль в сохранении мирного характера межконфессиональных отношений в Османской Сирии.

Однако подобная ситуация сохранялась лишь до начала осуществления в середине XIX в. реформ, предусматривавших введение принципа религиозного равноправия, против которого резко выступили многие представители сирийского алимского корпуса.

Е.М. Копоть

Православный масон Халиль аль-Хури: проблема историографической оценки

Халиль аль-Хури, родившийся в 1836 году в православной семье в Шувейфате, наряду с Бутрусом аль-Бустани являлся одной из главных фигур Арабской Нахды. Став первым местным арабом, публикующим газету на арабском языке в Бейруте — «Хадикат аль-Ахбар», — Хури за ее более чем полувековую историю (1858–1911) выпустил почти 3000 номеров. В 1858 году он первым публично представил понятие сирийского патриотизма в своей газете. Этот печатный орган стал важным механизмом по созданию «воображаемого сообщества сирийцев» и созданию новой светской идентичности.

По мнению израильской исследовательницы Фрумы Закс Халиля аль-Хури следует рассматривать как одного из пионеров создания сирийской идентичности, который был «основным голосом сирийской буржуазии и таким образом создал наиболее ранние смыслы и образы Сирийской идентичности и патриотизма». В докторской диссертации Арнона Гройсса, защищенной в Принстонском университете, Халиль аль-Хури выступает в качестве автора «общинного» концепта «сирианизма». Однако, в отличие от Ф. Закс, подчеркивается кратковременность влияния этого концепта среди христианской интеллигенции Бейрута и его ограниченный характер.

Одновременно с этим Халиль аль-Хури был одним из главных врагов православной общины, вмешиваясь в дела церкви в качестве оттоманского чиновника (в 1870–1880-х он работал государственным цензором в Бейруте, цензором немусульманских школ вилайета, «политическим директором вилайета»). В 1891 г. принимал участие в процессе выборов нового Антиохийского патриарха и в интересах османской администрации способствовал поражению «арабской» партии, объективно мешая объединению православных арабов вокруг патриарха. В силу этого ген. консул России в Бейруте К.Д. Петкович удостоил его оценки как человека «безнравственного и продажного, не имеющего никаких принципов религии, правоты и честности». Его преемник К.Н. Лишин в конце 90-х гг. XIX века дал аль-Хури не менее яркое прозвище: «Хитро-грекос Проползаки».

А.Е. Крымский является, насколько известно, единственным исследователем деятельности Халиля аль-Хури в отечественной

науке. В «Истории новой арабской литературы» он приводит оценку французской общественности статей «Хадикат аль-Ахбар» по поводу событий 1860 года, с которой, несомненно, согласен: «негодование с прибавкою несомненного омерзения». Позиция газеты и редактора, по его мнению, «возмущало и теперь продолжает глубоко возмущать нравственные чувства всякого беспристрастного исследователя событий». А.Е. Крымский не скрывает своего иронично-презрительного отношения к православному «поклоннику» Ламартина (намек на восхваления Фуада-паши).

Таким образом, если в западной исторической литературе Халиль аль-Хури предстает как один из идеологов новой сирийской идентичности и его деятельность получает положительную оценку, то в отечественном исследовании моральная оценка личности главного редактора делает его образ далеко не столь однозначным, превращая газету и ее редактора в послушный инструмент османского правительства.

А.М. Люлина

Проблема поиска реинкарнации Далай-ламы XIV

Механизм и особенности поиска и признания следующего Далай-ламы являются одной из самых специфичных особенностей в тибетском буддизме. Этой теме традиционно уделяется должное внимание в исторической науке, и в последние годы выходит все больше публикаций, актуализирующих современную значимость этого средневекового религиозного ритуала.

Согласно тибетской буддийской традиции, после смерти Далай-ламы и его кремации, специальная группа уполномоченных лиц, следуя предсказаниям самого Далай-ламы и «необычным» явлениям, отправляется на поиски следующего перерождения (реинкарнации — тулку, тиб. *sprul sku*) своего духовного лидера. Спустя несколько лет (обычно через два-три года) в пределах тибетского региона находят маленького мальчика, обладающего определёнными признаками, которого после необходимых испытаний забирают в Лхасу (во дворец Потала), где он воспитывается и проходит обучение под руководством своих прежних наставников. Однако уже с момента своего обнаружения и признания он почитается среди верующих как очередной Далай-лама. Такова в общих чертах обычная практика поиска и

обнаружения инкарнации высшего тибетского иерарха. Имен-но так и был в свое время найден и признан нынешний Далай-лама XIV Тензин Гьяцо.

Вопрос следующей инкарнации Далай-ламы не воспринимался актуальным в 1959 г., когда Тензин Гьяцо, после занятия Тибета Народно-освободительной армией Китая и подписания в 1951 г. в Пекине «Соглашения по мирному освобождению Тибета», покинул Тибет и отправился в Индию. В то время власти КНР относились к тибетскому буддизму и к его институтам как к религии, полной пережитков феодализма, проявления которых необходимым искоренять.

Далай-лама XIV — общепризнанный духовный лидер тибетцев всего мира, его статус и положение не изменилось после выезда из КНР. Следовательно, при закономерном стечении обстоятельств, его роль в поиске и утверждении «своей» реинкарнации велика. ЦТА утверждает, что поиск следующего перерождения является делом чисто религиозным, и должен осуществляться без какого-либо политического влияния. Однако китайское правительство утверждает, что имеет историческое право непосредственно влиять на утверждение далай-лам и других «живых будд» (высокопоставленных лам различных тибетских буддийских школ). Нельзя исключить такого развития событий, когда участие правительства КНР или ЦТА (в лице Далай-ламы и его окружения) в процессе поиска и воспитания следующего Далай-ламы может стать ключом к решению «тибетского вопроса», либо усугубить его. В данной статье мы рассмотрим проблему поиска и утверждения очередной инкарнации Далай-ламы XIV. В исследовании мы опираемся на китайские источники, на мнение представителей власти КНР, а также утверждения самого Далай-ламы и его окружения.

В.В. Орлов

Ислам как средство интеграции в концепциях арабского самоотождествления

Арабские идеологи, независимо от их политических убеждений и культурной ориентации, признают исламское вероучение в качестве средства интеграции арабского мира. Однако расхождения между ними в отношении светского/религиозного и панарабского/странового подходов к понятию арабской нации обусловили раз-

личные акценты в понимании ими исторического соотношения ислама и арабского самоотождествления.

Для большей части светски настроенных арабских националистов ислам представляет собой прежде всего совокупность культурных и морально-этических ценностей, органически и непротиворечиво соединенную с национальной идеей. В этом плане они воспринимают ислам как своего рода духовный континуум, не перекрывающий разнообразие культур Ближнего Востока и Северной Африки, а скорее объединяющий их системой своих ценностей, оставляя нетронутыми этнонациональные традиции народов, населяющих эти регионы. Для них исламская религия — существенная составная часть социальных структур и отношений у арабов на протяжении 1400 лет, а то и само воплощение целостности культуры и истории арабов со времен Пророка и до наших дней. Поэтому ислам рассматривался ими как неперемнная часть или даже основа арабского единства. К примеру, генеральный секретарь Лиги арабских государств Абд ар-Рахман Аззам еще в 40-е годы XX в. заявлял о том, что мусульманские идеалы являются собой фундаментальные ценности арабского национализма. Положительно относились к роли ислама в деле самоотождествления арабов и националисты христианского вероисповедания, внесшие большой вклад в разработку идеологических основ панарабского движения. В поисках путей национальной интеграции они выступали за признание ислама компонентом арабской культуры и ее самобытности. Например, сирийские христиане М. Афляк и К. Зурейк утверждали в своих трудах, что каждый араб, какой бы веры он ни придерживался, должен почитать Мухаммада — если не как Пророка, то как «героя арабского национализма», и поддерживать ислам как средство исторического самоутверждения арабской нации на мировой арене. Фактически идеологи арабо-христианского происхождения намеренно маскировали религиозную специфику ислама и подчеркивали его национальное содержание.

Тем не менее светски настроенные арабские националисты воспринимали принятие арабами ислама в VII в. как важный и цивилизационно-образующий, но все же отдельный эпизод их истории. При таком подходе «дух арабизма» (*уруба*) считался явлением намного более древним явлением, чем исламский призыв, а доисламские культуры Ближнего Востока и Северной Африки (древнеегипетская, шумерская, финикийская и др.) объявлялись протоэлементами арабской культуры, так и не достигшими

вплоть до создания исламской государственности подлинного и всеобъемлющего воплощения своего своеобразия. Это обстоятельство заставляло националистов светской ориентации проводить отчетливую границу между *уммой* (как мусульманской общиной) и нацией, рассматривая арабскую нацию как часть *уммы*, но обладающую собственными приоритетами развития.

Для представителей же богословских кругов, склонных к размышлениям о национальном сплочении арабов, ислам — это прежде всего источник духовного и мирского счастья для любых времен и народов (в том числе и для арабов). Поэтому особое внимание они обращали на исламскую веру как источник религиозной морали арабской нации. Поддерживая государственное объединение всех арабов, они обычно переосмысливали эту интеграцию в религиозном духе. Они предпочитали видеть в ней один из этапов на пути к исламизированному арабскому обществу, которое должно стать ядром всемирной мусульманской общины-*уммы*. В этом смысле, как они полагали, арабский национализм являлся не более чем производным понятием от исламских истин, что предопределило его вторичность и подчиненность национальных идей религиозным. При таком подходе явно или по умолчанию постулируется то, что никакие проявления арабского национализма не могут и не должны противоречить исламу. К тому же идеи панарабизма нередко оттеняются акцентированием богоизбранности арабов (из среды которых Аллахом был избран последний пророк в истории человечества), и их особом месте среди мусульман.

Синтез арабского национализма и панисламизма остается в конце XX — начале XXI в. наиболее действенным и перспективным направлением развития арабских националистических идей и мифологий. Еще при Гамале Абдель Насере (1952–1970) в Египте были предприняты последовательные попытки включения ислама в систему националистических ценностей. В основном за счет компромисса по исламским ценностям стал возможен идейно-политический диалог 60-х годов XX в. между насеровским Египтом, с одной стороны, и Саудовской Аравией, а также монархиями Персидского залива — с другой. Важным промежуточным результатом этого процесса стал синтез понятий «арабская и исламская умма», который стал частью политического лексикона, да и в целом идеологического оснащения практически всех правящих в арабском мире режимов. Сегодня, в эпоху

кризиса арабского национализма и разрушения основ арабской государственности в ряде стран (Ирак, Ливия, Сирия), этим синтезом успешно пользуются в своих целях представители противостоящих политических направлений современного арабского мира — от светских деятелей либерального или левого толка до идеологов радикальных и экстремистских организаций наподобие «Исламского джихада» или «Аль-Ка'иды».

А.М. Пальников

Активизация деятельности тарикатов в Турции в 1950-е годы

Период 1950-х годов открыл новую страницу в истории современной Турции. Страна перешла от монопартийной диктатуры Народно-республиканской партии к многопартийности. Происходили серьёзные социально-экономические изменения. Победившая на выборах 1950 года Демократическая партия проводила политику либерализации многих сфер турецкой жизни, в том числе и снимая запреты на религиозные проявления в общественной жизни. Курс на эксплуатацию религиозных чувств граждан в угоду своим политическим интересам дал свои плоды. Старая кемалистская элита, оказавшаяся в оппозиции видела в этом угрозу деконструкции всех светских принципов Турецкой республики. Консерваторы же происламского толка рассчитывали на дальнейшее укрепление религиозного фактора в турецкой общественной жизни. В обстановке ослабления государственного контроля над религией тарикаты, находившиеся до этого времени в полуподпольном положении, активно вктянулись в общественную деятельность в Турции.

Так, ускорившийся процесс урбанизации и государственная кампания строительства мечетей создали большую потребность в лицах духовного звания (фактически, в кадрах для Управления по делам религии). Количество школ имамов хатибов оставалось относительно небольшим. Во многом эту потребность смогли покрыть коранические курсы, которые были организованы тарикатами, прежде всего членами ордена Сулейманджилар. Первые коранические курсы, учреждённые орденом, были разрешены властями и официально открыты в 1952 году в Стамбуле. В последующие годы появилась большая сеть таких курсов по всей стране. Несмотря на периодические трения с властями, и прове-

дение исследований их деятельности, количество таких заведений увеличивалось на протяжении всех 1950-х годов. К 1956 году их было семьдесят, а к 1959 году — порядка тысячи.

Некоторые тарикаты восприняли смягчение религиозной политики как слабость власти и стали вести экстремистскую деятельность, направленную на уничтожение наследия Ататюрка и деконструкцию светского государства в целом. Особенно отличились на этом члены тариката тиджание. К началу 1950-х годов все члены тариката в Турции находились под арестом за нарушение запрета на чтение эзана на арабском языке. После снятия этого запрета они были отпущены. Получив свободу, члены тариката начали проводить акции вандализма по отношению к памятникам Ататюрку. Реакция властей последовала незамедлительно, многие члены тариката были приговорены к длительным тюремным срокам, а их лидер Кемаль Пилавоглу получил пятнадцать лет тюрьмы, с последующей пожизненной ссылкой на остров Бозджаада. В ответ на действия тиджание, 27 июля 1951 года был принят закон № 5816 «О преступлениях против Ататюрка». Отныне, уничтожение наследия Ататюрка каралось заключением до трёх лет, разрушение статуи, бюста и т.п. — сроком до пяти лет.

Большую активность в данный период проявляли последователи Саида Нурси. Демократическая партия прекратила многолетнее преследование лидера этого движения. Взамен, нурджулар стали фактическими союзниками демократов и укрепили электоральную базу партии. Саид Нурси лично встречался с Аднаном Мендересом и призывал своих последователей поддерживать ДП на выборах «ради Корана».

1950-е годы стали для Турции временем активного роста количества религиозных организаций. Вышедшие из тени тарикаты развернули широкую просветительскую и издательскую деятельность. Находившаяся у власти Демократическая партия, в свою очередь, стремилась привлекать такие массовые религиозные организации на свою сторону, дабы упрочить свою избирательную базу и укрепить политические позиции.

Литература

1. Gareth J. Political Islam in Turkey: Running West, Heading East? N.Y., 2008.
2. Dankwart R.A. Politics and Islam in Turkey, 1920–55. In *Islam and the West* / Ed. by Richard N. Frye, 67–107. Hague, 1957.
3. Tarhanlı İ.B. Müslüman toplum “laik” devlet: Türkiye’de Diyanet İşleri Başkanlığı (Muslim society, “secular” state: Turkey’s Presidency of Religious Affairs), İst. 1993.

Г.В. Стрелкова

Трансформация культа непальской Кумари Деви

Непал, лишь в конце 50-х годов XX века открывшийся миру, даже в наши дни вызывает большой интерес — и исследователей, и широкой публики, и туристов всего мира. Одна из наибольших достопримечательностей этой страны, расположенной в Гималаях, — существующий и по сей день культ «живой богини» Кумари Деви, Богини-девственницы. Происхождение культа характеризуется разнообразием и сочетанием нескольких религиозных составляющих (индуизм — в непальском варианте слияния вишнуизма и шиваизма, буддизм и тантрические представления, автохтонные верования, культ богини Теджас). Истории и современному состоянию культа Кумари Деви посвящена обширная исследовательская, популярная и художественная литература. В качестве примера приведём стихи «Живая богиня» из готовящегося к изданию сборника «Восьмиокий бог Катманду» индийского поэта-дипломата Абхая Кумара, который в настоящее время является Консулом по культуре Посольства Индии в Непале.

«Свободная от повреждений,/Черноглазая, белые зубы/ Без изъяна,
Маленький, чувствительный язычок,/Мелодичный голос, будто у
кукушки
Длинные, тонкие руки, изящные,/ Мягкие ладони, ножки
Прямые волосы закурчавились справа/ Не испугалась мужчин в
масках.

Еще не созревшая/ Живая богиня / Восседающая в колесницах
Влекомых поклоняющимися/ Что жаждут её благословений
Служители ожидающие день и ночь/ Осыпающие лепестками роз

После наступления зрелости/ Мои ноги боятся коснуться земли
Я не могу ходить, я не могу читать,/Я не могу танцевать, я замуж не
могу выходить
Даже царский двор не может помочь/ Богине, что вновь становится
человеком»

(пунктуация авторская, пер. с английского Г.В.Стрелковой)

Эти стихи отчасти отражают устойчивое представление о Кумари Деви, которую особый совет избирает из девочек от двух-трёх лет. Как правило, они принадлежат к буддийским кастам

неваров, и должны соответствовать многим и очень строгим требованиям.

Одна из немногих работ о Кумари Деви на русском языке — обстоятельная и глубокая статья «Культ Кумари в Непале» историка-непалиста, выпускника и преподавателя ИСАА МГУ, рано ушедшего из жизни Б.А. Иванова. В его работе, выгодно отличающейся от большинства популярных и научно-популярных статей, объективно, с исторической точки зрения исследуется происхождение и смысл этого культа. Исследователь полагал, что «растиражированный образ «богини-девственницы» не имеет почти ничего общего с действительностью» (1:31). В статье подчеркивается, что могут одновременно сосуществовать несколько Кумари Деви: «И только в Непале существует институт, «пирамида» (с элементами иерархии) Кумари — от Кумари большой семьи к Кумари квартала, затем поселения и княжества» (1:35). Это отличается от бытующего мнения о единственной Радж Кумари, которая сменяется (после достижения половой зрелости) другой, отвечающей всем необходимым требованиям. Черты культа, характерные именно для этой, несомненно, главной богини Непала, часто воспринимаются как уникальные и «законсервированные». Но проявления культа и почитания непальской «живой богини» отличаются поразительным, часто взаимоисключающим разнообразием. В данном докладе, с привлечением исследований о Непале, а также и художественных произведений, и личных впечатлений от посещения Катманду, рассматривается трансформация этого культа — особенно в последние годы, когда для Кумари Деви стало возможным получение образования, общение со сверстниками, киносъёмки и немислимые прежде путешествия.

Литература

Иванов Б.А. Культ Кумари в Непале /Культура Непала. Традиция и современность. М.: Гос. институт искусствознания, 2001.

Л.В. Хохлова

Проблемы самоидентификации в сикхской общине Индии и в сикхской диаспоре

Община, созданная гуру Нанакем (1469–1539), основателем сикхского вероучения, была собранием духовно близких людей, которые в социальной жизни, по-видимому, следовали предписаниям

индуизма и окружающими воспринимались как одна из многочисленных сект внутри индуизма. Создание некоторых собственных мест паломничества и ритуалов, например, первого рукотворного места паломничества при третьем гуру Амардасе (1479–1574), введение шестым гуру Харгобиндом (1595–1644) собственного обряда посвящения в гуру и даже создание собственного канона (Ади Грантха) пятым гуру Арджуном (1563–1606) не привели к идентификации и самоидентификации сикхов как отдельной от хинду общины.

Создание десятым гуру Гобиндом Сингхом хальсы — сикхской общины — обычно объясняют стремлением гуру к самоидентификации сикхов: вступление в хальсу связывало новых членов клятвами, которые позорно было нарушить. С другой стороны, пять «к», введенные гуру Гобиндом Сингхом: длинные волосы (kes), гребень для их расчесывания (kaⁿghā), специальное нижнее белье (kacch), металлический браслет (ka ā) и кинжал (kirpān) — создавали характерный внешний вид воина-сикха и делали для него бессмысленным бегство, так как он всегда выделялся из толпы.

Четкая самоидентификации сикхов как общины, отличной от хинду, произошла во второй половине XIX века отчасти под влиянием новых западных идей, быстро распространявшихся после аннексии Панджаба англичанами в 1849 г., отчасти перед лицом угрозы перехода многих сикхов в христианство.

Однако вопрос «кто такой сикх», на который пытались ответить многие историки, политологи и религиоведы, по-прежнему остается сложным. Согласно принятому общиной Кодексу поведения, сикхом считается тот, кто верит в Единого бога, десять Гуру, священные тексты Ади Грантха и не является адептом никакого другого вероучения. Кодекс поведения сикха предполагает сохранение введенных гуру Гобиндом Сингхом пяти «к», а также следование всем заветам гуру, предполагающим воздержание от курения, употребления алкоголя, супружескую верность и т.д. Сикху рекомендуется вставать между тремя и шестью часами утра, совершать омовение и в течение дня читать различные молитвы. Лишь немногие сикхи (амритдхари), прошедшие специальный обряд посвящения в хальсу, следуют большинству предписаний. Они составляют около 15% сикхской общины. Более 70% — «кесдхари» сикхи — сохраняют длинные волосы — наиболее заметный атрибут сикха. Примыкают к общине «сахадждхари сикхи» (около 10%) — потомки последователей гуру Нанак,

которые по тем или иным соображениям не вступали в хальсу и потому не придерживаются символов, введенных Гобиндом Сингхом. Комитет по управлению гурдварами — главный орган контроля и координации действий сикхской общины считает истинными сикхами только первую группу, к двум другим относится терпимо. Отрицательное отношение вызывают только сикхи, которые были членами хальсы и нарушили данные обеты. Их называют «патит» — «падшие».

Сама сикхская община отнюдь не представляет гомогенное сообщество, одинаково решающее проблемы идентификации и самоидентификации. В индийской деревне джат может курить и употреблять алкоголь, при этом считая себя и считаясь окружающими хорошим сикхом, в то время как для представителя касты кхатриев такое отступление от кодекса общины совершенно недопустимо.

Заметные отклонения от традиции наблюдаются в иерархии признаков самоидентификации в сикхской диаспоре. Многие сикхи, живущие в Австралии, США или Великобритании, были вынуждены менять свой внешний облик, прежде всего стричь волосы для того, чтобы адаптироваться в новом обществе и получить достойную работу, поэтому в различных странах диаспоры наблюдается благосклонное отношение к так называемым «мона» (стриженым) сикхам. Опросы, проведенные среди молодых сикхов Великобритании, показали, что для опрошенных наиболее важными мотивами самоидентификации являются не внешние признаки сикха, но такие положения сикхской доктрины, которые составляют, с их точки зрения, ее преимущество перед исламом: запрет на кросскузенные браки, религиозная терпимость, свобода в выборе брачного партнера, в том числе отсутствие запрета на однополые браки. Важным фактором самоидентификации назывался также язык панджаби.

в сикхской диаспоре. Многие сикхи, живущие в Австралии, США или Великобритании, были вынуждены менять свой внешний облик, прежде всего стричь волосы для того, чтобы адаптироваться в новом обществе и получить достойную работу, поэтому в различных странах диаспоры наблюдается благосклонное отношение к так называемым «мона» (стриженым) сикхам. Опросы, проведенные среди молодых сикхов Великобритании, показали, что для опрошенных наиболее важными мотивами самоидентификации являются не внешние признаки сикха, но такие положения сикхской доктрины, которые составляют, с их точки зрения,

ее преимущество перед исламом: запрет на кросскузенные браки, религиозная терпимость, свобода в выборе брачного партнера, в том числе отсутствие запрета на однополые браки. Важным фактором самоидентификации назывался также язык панджаби.

М.М. Якушев

Консульская экспедиция Д.В. Дашкова на Святую Землю в 1820 г.

В 1820 г. русский дипломат-писатель, будущий министр юстиции, второй советник Константинопольской миссии Д.В. Дашков был командирован российским посланником в Константинополе Г.А. Строгановым (1816–1821) в длительное экспедиционное плавание по Восточному Средиземноморью «для обозрения и приведения в надлежащее положение российских консульств в Леванте» и сбора информации по греко-латинскому конфликту, так как в 1819 г. межконфессиональная ситуация в Палестине накалилась из-за обострения споров вокруг святых мест между греческими и францисканскими монахами.

Французский посол в Константинополе маркиз де Ривьер (1816–1820), со своей стороны, вслед за российским коллегой Строгановым, также направил практически по тому же маршруту третьего секретаря Константинопольского посольства маркиза де Марселлюса, посетившего Архипелаг и Палестину.

Таким образом, Париж и Петербург договорились послать по одному представителю от своих дипломатических миссий в Константинополе для сбора сведений о возникшем конфликте и выработки предложений по его разрешению.

Оба дипломата опубликовали затем мемуары о своих путешествиях: Дашков назвал свой труд «Русские поклонники в Иерусалиме (СПб., 1826), а Марселлюс — «Воспоминания о Востоке виконта де Марселлюса, отставного полномочного министра» (в 2-х томах. Париж, 1839). В АВПРИ хранится подробный финансовый отчет Дашкова о консульской экспедиции с указанием маршрута, стоянок и ее путевых расходов, которые дают представление о выстраивании им отношений с местными османскими и греческими духовными властями на маршруте движения русских паломников по Святой Земле.

В ходе своей длительной морской экспедиции Дашков проинспектировал российские консульские учреждения на островах

греческого Архипелага, в Сирии, Египте и Палестине в сопровождении художника Максима Никифоровича Воробьева (1787–1855), которому было поручено «снять под величайшим секретом план храма Воскресения» в Иерусалиме.

В 1826 г. в журнале «Северные цветы» был напечатан отрывок из путешествия Д.В. Дашкова по Греции и Палестине под названием «Русские поклонники в Иерусалиме».

Из Константинополя, посетив Египет, Дашков направился в Палестину на судне капитана Янни Бури, прибыл в Яффу 21 августа 1820 г. и остался там на день. Дашков выделил «на подарки матросам» 15 пиастров/курушей, «в подарок людям муселлима» Яффы и «на пожертвование яффскому монастырю» — 150 пиастров, «за укладку на суда, переноску и мелкие расходы» — 36 пиастров, за наем лошадей и «проводную команду» — 377 пиастров и «людям Абу Гоша» в качестве подарка — 20 пиастров.

Из Яффы Дашков направился в Иерусалим, куда приехал 23 августа. В Святом граде его экспедиция пробыла с 23 августа по 14 сентября. Дашков заплатил святогробскому братству 1000 пиастров за «жительство и содержание в большом монастыре», в качестве подаяний другим греческим монастырям в Иерусалиме, Вифлееме, лавре Святого Саввы Освященного и «римским» (францисканским. — М.Я.) было пожертвовано 450 пиастров, за наем лошадей, «проводную команду» и другие издержки по переезду в Вифлеем, Гефсиманию и на Иордан было потрачено 395 пиастров, на «мелочные расходы» и «подарки людям муселлима» Иерусалима — 84 пиастра.

14 сентября Дашков отправился в Рамлю, где выделил на пожертвование «рамльским монастырям», заплатил сопровождавшим арабам, чегодарю муселлима Рамли и проводникам — 287 пиастров, за наем лошадей — 420 пиастров, за продовольствие чиновников и «проводной команды» — 82 пиастра.

Из Рамли Дашков направился в Акру, куда приехал 18 сентября и пробыл там до 30 сентября. Дашков заплатил офицерам паши, служителям и янычарам 247 пиастров, за отвоз россиянина Логинова, «отосланного как бродягу в Константинополь», капитану судна — 80 пиастров и за путевую провизию — 47 пиастров.

В ходе своего пребывания в Палестине Дашков составил предписания для Мостраса, познакомился с местными османскими властями, греческим духовенством и составил доклад барону Строганову о положении дел с русскими паломниками и ситуации в Леванте. В своем финансовом отчете Дашков отметил, что

в Палестине его путевые расходы и пожертвования составили свыше двух с половиной тысяч пиастров.

Следует отметить, что актуариус Георгий Мострас был командирован из Константинополя 19 декабря 1819 г. в составе передовой группы вместе с 3-м драгоманом Андреем Деодати и янычаром Абдаллой Бендерли, которой, по «особливому приказанию» Строганова, была выделена сумма в 1300 пиастров. В ходе поездки Мострас остался в Яффе, чтобы приступить к созданию там первого российского вице-консульства. 1 января 1820 г. он был назначен вице-консулом в Яффе.

Результатом длительного экспедиционного плавания Д.В. Дашкова по Восточному Средиземноморью стала инспекция левантских консульств, учреждение российского вице-консульства в Яффе в 1820 г. и получение информации о межконфессиональной ситуации на Святой Земле, в частности, греко-латинском споре накануне греческого восстания, а также сведений о положении русских богомольцев на Ближнем Востоке.

Круглый стол на тему: «Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа»

Т.Г. Гаджиев

Азербайджан и современные политико-экономические вызовы

В последнее время в мире происходят серьезные исторические процессы, которые, так или иначе, затрагивают большинство государств мира, в том числе и стран постсоветского пространства.

Одной из серьезных проблем последнего времени являются трагические события, происходящие в Украине.

Конфликт в Украине является самым масштабным за последние десятилетия на просторах Советского Союза и может серьезно подорвать стабильность, как в Европе, так и в постсоветском пространстве. После 20 лет относительного спокойствия, если не считать 6-ти дневную войну в августе 2008 г. в Грузии, украинский кризис ещё раз показал, насколько хрупок и шаток мир и стабильность в республиках бывшего СССР.

Азербайджан в украинском конфликте занимает нейтральную позицию, несмотря на определенные давления, как со стороны западных стран, так и со стороны России. То, что ныне происходит в Украине Азербайджан пережил в конце 80-х начале 90-х годов прошлого столетия.

Азербайджан из всех бывших республик СССР первым столкнулся с сепаратизмом на своей территории, который потом превратился в полномасштабную войну с Арменией из-за Нагорного Карабаха.

Война в Украине и последующие за ней западные санкции против России очень негативно отразились на общественно-политической жизни страны. Резкое падение цен на нефть привело к большим потерям в экономике России, исчисляемыми сотнями миллиардов долларов.

Экономика Азербайджана во многом похожа на экономику России и сильно зависит от экспорта и цен на энергоресурсы. Продолжающийся с 2004 года рост цен на нефть в течение десяти лет обеспечивал приток в страну нефтедолларов и способствовал стабильному росту экономики и положительно влиял на социально-экономическое развитие страны.

Экспорт нефти и газа составляют более 90% доходов Азербайджана, и формирует её валютные резервы. В конце 2013 года валютные резервы ЦБ Азербайджана составляли \$14 млрд 152 млн, на 31 декабря 2014 года этот показатель снизился до \$13 млрд 758,3 млн. По данным ЦБ Азербайджана на 31.01.2015 г. валютные резервы составляют \$12 млрд 680,8 млн, что на 7,85% меньше чем в декабре.

Падение цен на нефть и сокращение её экспорта привело к резкой девальвации национальной валюты Азербайджана — маната. В субботу (“Черная суббота”) 21.02.2015 ЦБ Азербайджана снизил курс маната по отношению к доллару на 33%, а на евро на 34%. Все это привело к существенному увеличению цен на импортированные продукты.

Экономический спад привел к снижению внешнего товарооборота Азербайджана. Заметно снизился объем экспорта и импорта со странами СНГ, в том числе с Россией.

Наступают непростые годы для стран экспортеров энергоресурсов. Это ещё раз показывает насколько ошибочно и недальновидно ориентироваться только на развитие нефтегазового сектора экономики, и игнорировать развитие других ее отраслей.

За последние годы очень часто говорилось о том, что надо провести экономические реформы, ее диверсификацию и модернизацию, улучшить условия для бизнеса, укреплять банковскую систему и т.д. Но, к сожалению, до сих пор это остается на декларативном уровне. Экономика монополизирована и находится под полным контролем небольшого числа людей находящихся у власти.

Чтобы провести коренные экономические преобразования, в первую очередь необходима серьезная политическая реформа. Для этого нужно обеспечить верховенство закона. Декларируемый в Конституции Азербайджана тезис разделения властей так и остается нереализуемым. На низком уровне находятся гражданские и политические свободы.

Несомненно, эпоха высоких цен на нефть подходит к концу. Сырьевые страны, экспортеры энергоресурсов, входят в длительный упадок. Если кризис не научит власти этих стран провести необходимые политические и экономические преобразования, то их ждут неминуемые потрясения и дестабилизация.

Использованный материал

1. <http://www.interfax.az/view/629086>
2. http://www.cbar.az/infoblocks/money_reserve_usd

А.А. Гаджиева

Основные этапы истории андалусской грамматической школы

Арабы появились на Пиренейском полуострове в начале VIII века. Само завоевание произошло удивительно быстро, всего за пять лет (711–716). С этого времени начался арабский период в истории Испании, который закончился в 1492 году, когда пал последний оплот арабов — Гранада. В эти восемь веков истории мусульманской Испании, которая получила у арабов имя — ал-Андалус — Андалусия, укладывается и история андалусской лингвистической традиции.

Однако формирование собственно грамматической школы начинается лишь с X в. Все, что относится к предшествующему времени — это всего лишь предыстория андалусской грамматической традиции, крайне важная, ибо она многое определила в последующем развитии филологической науки у мусульман Испании.

Таким образом, первый период охватывает собой два века (нач. VIII — нач. X вв.). Этот период по культурной и политической ориентации власти может быть назван Омейядским. За это время Андалусия прошла путь от провинции Дамасского халифата (711–750) до самостоятельного Омейядского халифата, который был провозглашен в 929 году при самом знаменитом правителе династии, основанной уцелевшим отпрыском Омейядов и бежавшим в Испанию после прихода к власти Аббасидов на Востоке. Этот монарх, Абд ар-Рахман III (912–961), сыгравший важную роль и в истории андалусской грамматической школы.

Для дальнейшего изложения важно подчеркнуть два момента. Во-первых, деятели андалусской культуры X в. еще не стремились к культурной самостоятельности от мусульманского Востока, еще не осознали самобытность складывавшейся андалусской культурной традиции. В этот период андалусский патриотизм, который, безусловно, доминировал в сознании жителей мусульманской Испании этого века, ощущение равенства и даже превосходства по отношению к Машрику, подкреплявшееся политическими и военными успехами, стремительным экономическим подъемом, выражалось не в области культуры, не в стремлении создать иную, андалусскую, поэзию, науку, литературу, а в стрем-

лении перенести в Андалусию восточную традицию и в ней сравняться с писателями Машрика и даже превзойти их.

Во-вторых, хотя ориентация на Восток в этот период не изменилась по сравнению с предыдущим периодом, то изменился, и притом радикально, сам восточный образец. В X веке арабомусульманская наука уже не синкретическая ученость со слабой внутренней специализацией и дифференциацией и с неотчетливыми внешними границами, а сложившаяся зрелая письменная научная традиция с четкими внешними рамками и внутренней структурой, представленной системой обособленных научных дисциплин, каждая со своей проблематикой, методом и, в большинстве случаев, канон, воплощенным в некие основополагающие для этой дисциплины памятники.

Следующий, третий, период в истории андалусской грамматической школы охватывает время правления «удельных князей» (мулук ат-таваиф), а также эпоху двух династий берберского происхождения — Альморавидов (1090–1146) и Альмохадов (1130–1269).

С точки зрения внутреннего содержания развития грамматической науки в этот период важно отметить следующее обстоятельство. Именно в этом отрезке развивается теоретическая грамматика, возникающая на прочном фундаменте хорошего знания грамматического канона и составляющих его текстов, заложенном в предшествующий период. Увлечение теоретическими, абстрактными, метаграмматическими вопросами, которое характерно для начала периода, сменяется на исходе его негативным отношением к грамматической схоластике. Хронологически мы ограничиваем этот период двумя веками (XI и XII вв.).

Таким образом, в истории андалусской грамматической школы можно выделить следующие основные этапы:

1. Формирование общемонологических интересов и начало выделения грамматики в самостоятельную научную дисциплину (нач. VIII — нач. X вв.).
2. Усвоение канона грамматической науки («Книги» Сибавайхи) и оформление андалусской грамматической школы (X — нач. XI вв.).
3. Схоластизация грамматической науки и антисхоластическая реакция (XI–XII вв.).
4. Поздний период (XIII–XIV вв.).

Список литературы

1. История всемирной литературы. Т. 2. М.: Наука, 1984. 672 с.
2. Уотт М.У., Какиа П. Мусульманская Испания. М.: Наука, 1976. 218 с.
3. Al-Suyuti Bughyah al-wu'afi fi tabaqat al-lughawiyyin wa al-nuhat. Cairo, 1907.

А.А. Ганич

**Проект шиитской медресы в Тифлисе 1904 г.:
краткий источниковый обзор**

В пореформенный период в сфере образования резко возросла необходимость в квалифицированных кадрах, лояльных к российским властям. Уже имевшиеся в Закавказском регионе конфессиональные училища не восполняли нехватку мусульманских образовательных учреждений. В 1905 г. в ходе обсуждения на Особых совещаниях «мусульманского вопроса» среди прочего рассматривались перспектива и порядок «открытия магометанских духовных школ — мектебе и медресе». Провозглашенная в 1905 г. политика веротерпимости провозглашала свободу богослужений и преподавания в конфессиональных школах на родном для верующих языке. В переписке чиновников Петербурга и Кавказа неоднократно поднимался вопрос о создании в Закавказье высшего исламского образовательного заведения. Однако, по ряду причин (политического, финансового, учебно-методического характера) эта тема не получила дальнейшего развития. В числе нереализованных идей оказался проект постройки шиитской медресы в центре кавказского наместничества. Эта инициатива мусульманской общины обсуждалась в течение шести лет как в переписке чиновников (см. материалы фонда 12 оп. 7 Центрального исторического архива Грузии), так и на страницах периодической печати (см. сборник «Мир ислама» за 1913 г.).

В 1904 г. председатели Закавказских духовных правлений шиитского и суннитского учений шайх ал-ислам 'Абдуссалам Ахунд-заде и муфтий Гусейн-эфенди Гаибов обратились к исправлявшему обязанности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генералу А.А. Фреze с ходатайством о разрешении открыть в Тифлисе медресу имени наследника престола Алексея Николаевича. Кавказские власти пошли навстречу этой инициативе, и предложили представить на рассмотрение устав медресы и программу обучения; главным же образом определить источники финансирования.

Тифлисская медреса должна была вмещать 50 учащихся-пансионеров. Учебный план в целом не отличался от подобных учебных заведений империи. Он включал преподавание арабского, персидского, турецко-татарского и русского языков, а также профессиональный и общеобразовательный компоненты: а) тафсир, история и пророков и ислама, фикх, риторика; б) арифметика, геометрия, география, всеобщая история и история России, формальная логика, российское право и шариат. Учебный план должен был пройти утверждение в Министерстве народного просвещения, а статус новой медресы приравнять к средним учебным заведениям. Курс обучения был рассчитан на 8 лет с одним подготовительным классом. Возраст учащихся при поступлении должен был быть не младше 9 лет и не старше 14.

Средства на содержание этой духовной семинарии предполагалось получать из нескольких источников: а) свободных остатков вакфных сумм, принадлежавших Тифлисской соборной мечети и другим закавказским мечетям (10 тыс. рублей ежегодно), б) единовременного пособия из запасного капитала тех же вакфных средств (100 тыс. рублей), в) взносов почетных попечителей, г) частных пожертвований и д) платы за стипендиатов городов и сельских обществ. В ходе своей поездки в Баку шайх ал-ислам и муфтий ознакомили с этим проектом бакинских почетных мусульман, которые по инициативе азербайджанского промышленника и мецената хаджи Зейналабдина Тагиева открыли подписку и собрали пожертвований на сумму 53 тыс. 270 рублей. Однако этой суммы оказалось явно недостаточно, и сбор средств продолжился.

Вплоть до 1907 г. решались технические вопросы, связанные с покупкой участка земли под строительство училища и нахождения устойчивых финансовых источников. К этому моменту скончался шайх ал-ислам 'Абдуссалам Ахунд-заде и на его место был назначен временно исполняющий должность Аббас-Кули Султан-Гусейнбеков. Ему пришлось решать две задачи: о постройке в Тифлисе новой соборной мечети, на что требовалось 225 тыс. рублей, и об открытии шиитской духовной семинарии. Источники отмечают, что на тот момент были еще свежи воспоминания об армяно-«татарских» кровавых столкновениях, происходивших в 1905 и 1906 гг. в Баку, Тифлисе и других городах Закавказья. В связи с чем общественное мнение Тифлиса склонялось к мысли не строить еще одну мечеть в городе, а ограничиться только медресой. Однако вскоре выяснилось, что бакинские

меченаты отказываются вкладывать свои средства в финансирование этого мероприятия, мотивируя тем, что они построят соответствующую духовную семинарию в Баку.

Возникшая ситуация побудила собрать в августе 1908 г. общее заседание Закавказского духовного правления шиитского учения, маджлиса и комиссии по вакфам под председательством члена Совета кавказского наместника д.с.с. В.Н. Осецкого. По итогам его работы было принято решение на месте предполагавшейся второй тифлисской мечети построить здание под Алексеевскую мадрасу. Еще два года обсуждались инженерные проекты. Российская власть в лице губернатора Тифлиса в 1909, 1910 гг. неоднократно требовала от шиитского Духовного правления представить проект здания мадрасы. Лишь 31 марта 1910 г., когда уже был назначен новый шайх ал-ислам Магомед ахунд Али оглы Пишнамаз-заде, это было сделано. Но в сопроводительном к проекту письме шайх ал-ислам отметил отсутствие целесообразности открывать шиитскую мадрасу в Тифлисе. Он обосновывал свою мысль тем, что содержание семинарии в этом городе окажется дорогим, кроме того он слишком удален от городов и населенных пунктов Закавказья с преимущественно мусульманским населением. Таким образом, как метко было замечено в газете «Кавказ»: «... был поставлен надгробный камень над семинарией».

Проект шиитской мадрасы в Тифлисе оказался не единственной образовательной и просветительской инициативой нереализованной по причине не столько бюрократического характера, сколько несогласованности действий и интересов внутри многочисленной и разнородной мусульманской общины Закавказья.

И.В. Зайцев

**Документы эпохи Шамиля
из Государственного архива
Российской Федерации**

В фондах Государственного архива РФ хранятся малоизвестные документы, связанные с эпохой имама Шамиля. Это письма самого имама на арабском языке, снабженные современными им русскими переводами, донесения лазутчиков и представленные ими русскому командованию документы из штаба Шамиля, письма

наибов и других сподвижников имама друг другу (на арабском и турки). Писем Шамиля и документов его эпохи опубликовано у настоящему времени немало, однако материалы ГАРФ дают много нового для изучения истории имамата и Кавказской войны.

Здесь мы публикуем копию перевода с арабского письма Шамиля наибу Талхику (Талгику) из Ведено, 11 ноября 1846 г. Талхик был одним из любимых наибов Шамиля, тестем старшего сына имама Джемал ад-Дина. Однако в 1859 г. Талхик перешел на сторону русских. Происходил из Шали, где и похоронен.

«Перевод с арабского языка письма Шамиля к наибу Талгику.

Брат мой Талгик, желаю тебе вечный мир с Богом! Вам уже известно: что я с большею партией горцев был в Дагестане, где взял много больших и малых деревень и истребил множество людей, не признававших моей власти и неисполнявших святость мусульманского закона. В этом пособил мне Бог, но среди успеха, действия некоторых горских наибов были недобросовестны; русские со свойственной им хитростью неожиданно и быстро напали на мою партию и сделали то, что они могли сделать. По этой причине я сменил несколько горских наибов.

По возвращении моем из Дагестана я ожидал, что ты Талгик приедешь ко мне для совещания об одном важном деле; но как ты не явился, то я вынужден был писать к тебе и приказываю быть твердым и непоколебимым врагом русских и употребить все старание, чтобы отнять у неприятеля одно орудие. Мне верные люди сказали: что это легко можно сделать в то время, когда русские препровождают свои большие транспорты с колонами, или с оканиями, прошу тебя подробно разузнать об этом обстоятельстве // л.1об. и если возможно возвратить потерянное нами орудие, то уведоми меня, я пришлю к тебе в назначенный день конную и пешую партии в числе сколько будет необходимо. Я надеюсь, что ты Талгик будешь постоянно непримиримым врагом русских и не откажешься действовать решительно. При этом прошу тебя сохранить содержание этого письма в тайне и не рассказывать никому; потому что люди с большим только трудом могут сохранять тайну предприятия. В 3 день м(еся)ца зиль-гидже 1262 года/11-го ноября 1846 года дер. Ведень.

На подлинном письме приложена именная печать Шамиля.

Переводил капитан Корумов».

Б.С. Зулумян

**Армянская средневековая лирика.
Особенности развития и поэтика**

Армянская письменная литература развивается, начиная с V в., со времени создания Месропом Маштоцем алфавита в 405 г. Средневековая армянская литература включает в себя более 12 веков литературного развития — с V по XVII вв. Этот большой период (отказавшись от термина Возрождение), принято делить на Раннее Средневековье (V–IX вв.), Зрелое Средневековье (X–XVI) и Позднее Средневековье (XVI–XVII).

В истории армянского художественного слова переход от эпического формульно-схематичного мышления и, соответственно, постепенного формирования осознанного авторского стиля, ввиду длительного культурного развития (домаштоцевский период), отсутствует. Духовная поэзия первых отцов церкви Маштоца, Саака Партева, Хоренаци имеет выраженные индивидуальные черты авторского стиля. Комментируя или создавая парафразы, стихи на библейские и евангельские темы, они вкладывали лирическую эмоцию, поэтический вкус. Несколько веков развития литературы в рамках духовной поэзии сформировали абстрактно-поэтическую лексику, тематику и топику.

Формирование художественной прозы происходило в трудах армянских историков, все они — авторские, причем голос автора и его позиция ярко выражены в структуре художественно оформленного повествования. К этому времени относится первое дошедшее до нас самостоятельное (не имеющее прикладного характера) произведение Давтага Кертога (VII век) «Плач на смерть князя Дживаншира», который приводит в своей «Истории страны агванов» Мовсес Каганкатвацци. Форма плача свидетельствует о неразрывной связи светской литературы и армянского народного искусства, где плач является одним из основных жанровых форм, в то же время изобразительные же средства (применение акростиха и др.) — рафинированной книжной традиции.

X век, также как и V в., занимает особое положение в истории армянской культуры — это эпоха культурного расцвета, когда завершается институализация литературы как вида искусства. В творчестве первого великого армянского поэта, богослова, музыканта средневековья Григора Нарекаци (945/950–1003), его поэмы «Книга скорбных песнопений» и, в частности духовных

песнях, появляется ряд новых изобразительных средств: предметность и пластическое изображение действительности, отражение реального мира, красота природы и человека, уникальные для его времени художественные открытия: аллитерация, внутренние рифмы, композиция, лексика. В его творчестве наметился поворот гуманистической мысли к человеку как высшей ценности.

Армянская литература Зрелого Средневековья (делится на подразделы: XI–XIII и XIV–XVII вв.), оставаясь в пределах церковной деятельности, приобретает светский характер, происходит *секуляризации литературы*, размежевание художественной и научной компоненты. Формируется новая жанровая система: басня, рассказ, лирическое стихотворение, ода, элегия, поэма, историческая поэма-плач, в поэзии вместо монорифмы вводится разнообразная рифмы. Новая эстетическая система и мировоззрение сопровождается переходом на народный — среднеармянский, язык притч Мхитара Гоша и басен Вардана Айгекци. Основными темами в лирике Фрика, Ованеса Плуга Ерзнкаци, Хачатура Кечареци, Костандина Ерзнкаци, Мкртича Нагаша, Григориса Ахтамарци выступают уже темы социальной несправедливости, земной любви, красоты природы, взаимоотношений человека и окружающей действительности. Они еще имеют аллегорическую заданность, но настолько уже оторваны от обозначаемого предмета, что приобретают самостоятельное лирическое звучание. Одна из отличительных особенностей армянской средневековой литературы заключается в ее самостоятельности, для которой влияния (персидское, арабское), имевшие место в эти века, оставались на уровне внешнего, «орнаментального» воздействия. Период XIV–XVI вв. можно характеризовать, как светскую литературу. Наряду с традиционными религиозными темами развивается философско-медитативная лирика, вводятся мотивы поклонения женщине, красоте природы, воспеания весны, розы и соловья. У Ованеса Тлкуранци, поэта-лирика, эти темы уже лишены религиозной аллегоричности, нарастает драматизм, интенсивность тропов, образности. Большое значение в поэзии имела тема скитальчества (пандухтства), изгнаничества, выражающая тоску по родине; широко распространенная в народной поэзии, она способствовала формированию патриотической поэзии. Выдающийся представитель светского искусства лирик Наапет Кучак (XVI в.), под именем которого обобщилась многовековая традиция народного стиха — айрена, вносил в поэзию жизнеут-

верждающие настроения, воспевал женщину, мирские радости наряду с трагическими переживаниями влюбленного, непониманием косного окружения.

Творчество Саят-Новы (1722–1795) знаменует переход от Позднего Средневековья к мышлению нового времени, смело заявляющего о свободе личности, выше всего ценящего человеческое достоинство. Хотя ашугская школа, в которой он творил (это продолжение армянского песнетворчества гусанов, бытующее по сей день) — форма средневековой культуры, но содержание, дух и идеи уже предвещают героя нового времени. Его проникновенный лиризм и глубина понимания человека и мира, отражение социальных противоречий, образ поэта, противостоящего власти имущим, противоречие идеала и действительности придают поэзии Саят-Новы общечеловеческое звучание.

Исмайлова Лейлаханум Гусейн кызы

Отражение характера человека

во фразеологизмах азербайджанского языка

Русско-азербайджанский фразеологический словарь Тагиева М.Т. начинается такими словами: «Язык — это чудо, созданное человеческим обществом в рамках национально — этнических объединений людей. Он обладает сложной природой и специфическим механизмом функционирования. Язык является орудием общения, выражения чувств, мыслей, отношений между людьми».

Фразеологизмам азербайджанского языка посвящены научные труды Г. Байрамова, М. Мирзалиева, М. Тагиева.

Статья посвящена фразеологическим единицам, в которых отражены характерные особенности человека. А также даны конкретные ситуации, где используются эти фразеологические единицы.

Про человека, который всегда говорит только правду, честный, говорят:

Ağa ağ, qaraya qara deyə — досл. перевод «Белое белым, черное черным называет»; человек, который называет вещи своими именами.

Если человек честный, правильный, совестливый, говорят:

Düz adam — досл. перевод «???»; честный и совестливый человек.

Əl-ayağı düz — досл. перевод «рука, нога прямые»; порядочный, воспитанный, с очень хорошим поведением, честный.

Ситуация:

– Lətafətin qardaşı olduqca yaxşı adamdır. (Брат у Лятафят очень хороший человек).

– Ağa ağ, qaraya qara deyir, əl-ayağı düz, təmiz adamdır. (Называет вещи своими именами, очень честный и порядочный человек.)

Про тихого человека говорят:

Heç kəsin toyuğuna kiş deməz (daş atmaz) — досл. перевод «ничей курице кыш не скажет»; мухи не обидит.

Ситуация:

– Artıq neçə ildir ki, Əli dayı bizim qonşudur. Hələ bir dəfə də olsun görmədik o, əsəbləşə. (Уже сколько лет дядя Али наш сосед Мы ни разу не видели его нервным).

– Hə, biz Əli dayını yaxşı tanıyırdıq, heç kəsin toyuğuna kiş deməz. (Да, мы хорошо знаем дядю Али, он мухи не обидит).

А про хитрого человека традиционно скажут:

Hamam suyu ilə dost tutmaq — досл. перевод «поймать друга с банной водой», быть щедрым за чужой счет, благодаря другим или за счет других найти себе друга.

Qoyun dərisinə girmiş qurd — досл. перевод «волк, в овечьей шкуре»;

İtin dilini bilir — досл. перевод «знает язык собаки»; очень хитрый человек; Гусь лапчатый. Он от семи собак на распуты отгрызётся Ему чёрт лыки дерёт, а он лапти плетёт. Его и на кривой козе не объедешь.

Ситуация:

– Onu artıq hamı tanıyır, o, hamam suyu ilə dost tutur. (Его уже все знают, щедрый за чужой счет).

– Bəli, qoyun dərisinə girmiş qurddur. Ondan gözümlə su içmir. (Да, он волк в овечьей шкуре, я ему не доверяю.)

– İtin dilini bilir. (Гусь лапчатый.)

Про грубого человека азербайджанцы скажут:

Balta ilə yonulmamış — досл. перевод «не поточенный топором»; грубый невоспитанный, неотёсанный, некультурный;

Про неопытного молодого человека, который в жизни никаких трудностей не увидел, говорят:

Ağzından süd iyi gəlir — досл. перевод «из рта идет запах молока»; молоко на губах ещё не обсохло.

Kor adam — досл. перевод «слепой человек»; человек не понимающий, не осознающий все, что происходит вокруг него.

А про человека, с очень мягким характером говорят:

İrək kimi — досл. перевод «как шелк», об очень нежном, мягком человеке.

Ситуация:

– Bizə təzə müdir təyin ediblər. Çox cavan adamdır. Ağzından süd iyi gəlir. (Нам назначили нового начальника, совсем молодой, молоко на губах ещё не обсохло).

– Nə olsun ki, o cavan adamdır, irək kimi adamdır. (Ну и что, что он молодой. Он хороший).

Литература

1. Вахишев Г. Фразеологический словарь азербайджанского языка. Баку, 2004. 185 с.

2. Тагиев М.Т. Русско-азербайджанский фразеологический словарь. Баку, 2006. 349 с.

А.Ш. Кадырбаев

Историк и поэт на троне —

Мирза Хайдар Дуглат

I. Тема «ученые во власти» в империях и государствах на средневековом мусульманском Востоке еще не была объектом специального исследования. Между тем, в источниках есть сюжеты на эту тему. Предметом нашего внимания в данном случае будет Мирза (Мухаммад) Хайдар Дуглат (Дулати), родственник Чингизидов по материнской линии. Он был знаменитым историком и поэтом на троне, который оставил единственное в мусульманской историографии связное изложение поздней истории Узбекского улуса и ранней — Казахского ханства. Мирза (Мухаммед) Хайдар Дуглат (Дулати) являлся представителем влиятельного тюркского племени дуглат (дулатов), уроженцем Ташкента и внуком по матери правителя государства Моголистан. Настоящее полное имя нашего героя Мухаммед Хайдар ибн Мухаммад Хусайн Гурган. Талантливый и хорошо образованный в духе мусульманской традиции, он в то же время был храбрым воином и способным военачальником. Впад в немилость у ханов среднеазиатских моголов, при дворе которых он много лет занимал высокое положение, Мирза Хайдар после

скитаний по Тибету и Бадахшану (на территории Афганистана) перебрался к повелителю Индостана — императору Великих Моголов Бабуру, который являлся ему двоюродным братом, и его преемникам в Индию, где с их помощью и военной хитростью овладел Кашмиром и основал там для себя фактически независимое княжество. Обаяние личности Мирзы Хайдара, о котором говорят индийские историки, вкупе с дипломатическими способностями, позволили ему сохранить и расширить свои владения за счет завоеваний в Тибете. Индийский историк Абу-л-Фазл-Аллами (1551–1602) отмечал, что при правлении Мирзы Хайдара Кашмир процветал. Государственные дела и войны не препятствовали научной и литературной деятельности Мирзы Хайдара. Не менее высоко оценивали его персидские историки, например, автор рубежа XVII–XVIII веков Амин ибн Ахмад Рази: «От него явились в мир благие дела, был он многих и высоких дарований: правописание его было чисто, стиль ясный, стих изящный. Он был незаурядной храбрости и отваги и искусный военачальник... он прошел путем через Кашгар в Тибет, вошел в Кашмир и водрузил там знамя владычества. В другой раз вторгся он в этот вилайет дорогой через Хинд и почти семь лет независимо управлял страной... Его «Тарих-и Рашиди», написанная на имя Рашид-хана, правителя Кашгара, пользуется всеобщей известностью».

II. В Кашмире Мирза Хайдар Дуглат написал на новоперсидском (фарси) языке знаменитый труд о казахах и кочевых узбеках — «Тарих-и-Рашиди», в котором впервые сообщается о причинах падения Узбекского улуса и возникновения Казахского ханства, приводятся сведения о первых казахских ханах Гирее и Джанибеке, рассказывается о взаимоотношениях казахов с моголами, киргизами, кочевыми узбеками. Труд Мирзы Хайдара содержит богатый фактами и уникальный по характеру материал по истории упомянутых тюркских народов, равно как тибетцев, кафиристов и кашмирцев. Таковы, например, его описание нравов и обычаев жителей Кафиристана в Афганистане и Малого Тибета, а также рассказ о киргизах гор Тянь-Шаня, имеющий важное этногенетическое значение и вызвавший массу исследовательской литературы. Восемь глав посвящено Кашмиру, где описывается столица края — город Сринагар, его многоэтажные здания, архитектура, парадные арки, искусство местных мастеров, обилие фруктов и овощей. Подробно излагается история принятия

кашмирцами ислама. С удивлением Мирза Хайдар отмечает, что некогда правительницей Кашмира была женщина, которую очаровал дервиш Султан Шамсуддин, ставший ее мужем и правителем края, обративший кашмирцев в мусульманскую веру. Мирзе Хайдару не была чужда и поэзия: он одинаково свободно писал на чагатайском тюркском языке и на фарси, носил поэтический псевдоним «Айаз». Уже в наши дни в Индии найден диван его стихов на чагатайском. В Кашмире Мирза Хайдар Дуглат завершил свой жизненный путь, погибнув от рук заговорщиков, где и поныне находится гробница с его прахом.

III. Конечно, Мирза Хайдар Дуглат был человеком своего времени и, несмотря на то, что опережал свою эпоху, все же разделял и многие ее заблуждения. Нет необходимости идеализировать его облик как правителя. Вряд ли вся его деятельность на троне соответствовала постулату, запечатленному в священных мусульманских книгах: «Аль-адл асас аль-хукм» — «Справедливость — это источник правления». Скорее всего, он, как и самаркандский правитель, завоеватель амир Тимур — «Железный хромец», следовал персидскому девизу «Расти ва русти» — «Справедливость и сила». Чтобы сохранить свою жизнь и престол большинство властителей средневековья, как Востока, так и Запада, вставали на путь физического устранения своих врагов. И наш персонаж Мирза Хайдар Дуглат не был, к сожалению, исключением из этого правила, об этом свидетельствуют десятилетия его правления как в Моголистане, так и в Кашмире. Почти во всех средневековых государствах разделение власти и желание захватить ее достигалось посредством гибели многих людей. А судьба и смерть нашего героя Мирзы Хайдара Дуглата наглядное тому подтверждение. Сочетание правителя, государственного мужа и ученого в одном лице — явление достаточно редкое в истории. Данное обстоятельство как раз и характерно для Мирзы Хайдара Дуглата. Он занимался наукой по влечению своих творческих порывов, брался за калам в силу личных склонностей и природного дарования, чтобы «показать народу свой талант и искусство». Он был независим от чужой воли и его сочинения, как правило, — свободное воплощение замыслов их автора. И, хотя деятельность его на государственном поприще далеко не равнозначна его достижениям в науке, по настоящему обессмертившим его имя, все же, следует помнить, что высокий статус государя, первого лица

в стране, в огромной степени способствовал развитию научной мысли, расцвету искусства и знаний, тому, что называется духовными ценностями, благодаря покровительству государства, а во главе его и стоял наш герой Мирза Хайдар Дуглат, тем более, что на средневековом мусульманском Востоке из всех участников исторического процесса основной фигурой признавалась личность государя и, соответственно, история понималась как арена деятельности исключительно государей и их сановников, хотя и существовало понимание их деяний на научном и государственном поприщах как проявление воли Всевышнего — Аллаха.

Т.М. Караев

Азербайджанские мыслители в европейской ориенталистике

Традиционно считается, что кавказоведение начинается с момента систематического его изучения как в русском, так и в европейском востоковедении, то есть с XIX в. Но, вместе с тем, переводы отдельных источников и произведений осуществлены на европейские языки гораздо раньше. «Еще Роджер Бэкон читал лекции в Оксфордском университете и по философии суфизма, основателем которой является философ Яхья Сухраварди» [4, с. 194]. Исследованиями в английской ориенталистике охвачены имена таких мыслителей, как Хагани, Низами, Шамса Тебризи, Шабустари, Насими и др. Как показывают источники, изучение и переводы наследия перечисленных мыслителей начались с XIII века, имена же, занимающиеся не только переводами, но и мировоззренческими и философскими изысканиями, суть следующие: У. Джонс, Э. Браун, Г. Уильсон, Е. Уинфильд, Т. Ледерер, Е. Гибб, Р. Николсон, А. Арберри, Ч. Рие, М. Макдональд. С сожалением можно констатировать факт о том, что до сих пор сохранился общий лейтмотив оценок восточных мыслителей, данных в европейском востоковедении. Эти оценки в последующем подтвердили Гегель и другие философы XIX в., допустившие, что наследие мыслителей Востока философским назвать можно частично (вспомним концепцию «аттомарности» восточного типа мышления). Такой подход к мировоззрению восточных народов реализован в разночтениях суфизма и продолжается в наше время. «Возникает вопрос о том, как вообще определить суфизм: философия это или мировоззрение,

идеология?» [3, с. 109]. В работе Э. Брауна «История персидской литературы» Хагани представлен как одописец, восхваляющий дворец. Хагани же на самом деле не только воспеваает в восточном стиле, в его произведениях присутствует жесткая критика. Он не разделяет такие стороны и установки суфизма, как аскетизм. Он обращается к мировоззренческому аспекту, к трактовке истины в суфизме. Суфизму вообще не повезло. В историко-философских исследованиях он представлен исключительно как мусульманское аскетическое течение. На самом же деле это было новое мировоззренческое, философское учение, обращенное больше к внутреннему миру и совершенствованию человека. Это была философия недеяния, и отсюда использование предиката «аскетизм». «Доктрина суфиев гласит: истина для истины — есть смысл всего мироздания. Поэтому познать свою душу, очистить свое сердце от земной тьмы и открыть его для принятия Единой, Вечной Истины, в которой исчезает всякая ложь, — вот в чем состоит познание человека и вот в чем должен заключаться его высокий земной подвиг» [2, с. 31]. Именно описанную сторону суфизма выбирает Хагани. Его, как указано выше, не привлекают такие практики суфизма, как экстаз, внушение, озарение и т.д.

Как известно, значительное внимание в европейской ориенталистике уделено Низами Гянджеви. Его упоминали Гете, Гейне, Гегель. Значительный исследовательский интерес к наследию Низами проявлен в российском востоковедении. В Англии же изучение Низами начинается с XVIII в. Двадцать притч из «Сокровищницы тайн» переведены У. Джонсом. Список английских исследователей, занимающихся в разное время и разной проблематикой, довольно внушителен. Это упомянутый У. Джонсон, это И. Адкинсон, Н. Бланд, Х. Кларк, Ч. Рие, Э. Браун, Г. Уильсон, Л. Бингмон, Г. Дараб, А. Арберри, Д. Макдональд и др. По меркам современности Низами оказался в этот период самым цитируемым автором. В аналитических работах, как в случае с Хагани, Низами также отнесен к суфиям. Хотя в «Британской энциклопедии» отмечено, что «Низами никогда не выбирал сюжета из своих произведений из истинно магометанских легенд. Это может служить доказательством того, насколько изменились его религиозные воззрения и взгляды не только на религию, но и на искусство» [1, с. 521]. Вряд ли современные низамиведы могут согласиться с точкой зрения Уильсона, которую он дал в предисловии к «Семи красавицам». Уильсон считает, что Низами до конца своей жизни оставался аскетом. А как же быть с философским

гуманизмом Низами и с тем, что он практически разработал правила светской этики?

Шамсу Тебрезии посвящены труды Николсона, Рие, Брауна. В них дано детализированное доказательство того, что Тебрезии был учителем Джелаледдина Руми. Исследования, посвященное Махмуду Шабустари, его поэме «Гюльшан-раз» («Цветник тайн»), принадлежат Е. Уинфильду, Э. Брауну, Т. Ледереру, Ч. Рие. Первый английский перевод поэмы Шабустари осуществлен в 1876 году Е. Уинфильдом.

Особое место в английских исследованиях занимает хуруфизм, его представители Фазлуллах Наими и Имадеддин Насими.

Литература

1. Enciclopedia Britanica. vol. XVII.
2. Жуковский В.А. Человек и познание у персидских мистиков. СПб., 1895.
3. Караев Т.М. Россия и Кавказ. Проблема культурной ориентации. М., 2003.
4. Методологические вопросы истории развития средневековой философии народов Закавказья. Баку, 1982.

Т.К. Кораев

Каспий на пороге Нового времени: Московская Русь, Сафавидский Иран и узбекские ханства (конец XVI — начало XVII в.)

1. Бассейн Каспийского моря во 2-й пол. XVI — 1-й пол. XVII в. — объект военно-политической экспансии и территориального передела между тремя евразийскими державами — Московской Русью, Османской империей и Сафавидским Ираном. Центральная Азия после падения Тимуридов — под властью узбекских племен, правящий дом которых, Шейбаниды, также стремился к контролю над частью прикаспийских земель. Прямое соприкосновение интересов Москвы, Тебриза и Бухары подготовлено: 1) взятием русскими Казани, Астрахани и Сибири; 2) присоединением к Ирану Ширвана с Дербентом; 3) борьбой узбекской знати за Хорезм и походами шейбанидских ханов на Хорасан.

2. Каспийское море с середины XVI в. заново «открыто» европейцами. На смену итальянцам (генуэзцам и венецианцам), обладавшим своеобразной монополией на знания о данной зоне,

приходят представители Северной Европы: англичане, голландцы, позднее — немцы. Сочетание экономических и политических элементов в стратегии западных дворов и правительств применительно к Руси и Ирану. Волго-Каспийский торговый путь и сухопутный доступ к Индии.

3. Истоки и основные этапы стратегического взаимодействия между Рюриковичами и Сафавидами в противостоянии с Османдами и Шейбанидами: первые посольства (1560–1580-е гг.), налаживание дипломатических отношений (1590–1600-е гг.), восстановление и активизация посольской пересылки (1620–1630-е гг.) Общность интересов: функционирование волго-каспийской торговли, недопущение османского присутствия на Юго-Восточном Кавказе, сдерживание бухарских Шейбанидов в Хорасане и Сибири.

Военно-дипломатические контакты Стамбула и Бухары с середины XVI в. Престижные и прагматические аспекты. Суннитская солидарность в противоборстве с христианами на севере и шиитами — на юге. Поиск возможностей объединить усилия в Прикаспии. Вопрос согласования вооруженного натиска на Иран: османско-сафавидские войны и продвижение узбеков на Мервский и Гератский оазисы. Специфика положения Хорезма — между шейбанидским Мавераннахром, сафавидским Ираном и Московской Русью.

3. Рубеж XVI–XVII вв. — поворотный момент, своего рода «контрапункт», в истории всех трех прикаспийских держав: начало Смутного времени на Руси, царствование Аббаса I в Иране, пик и падение шейбанидской гегемонии в Туркестане. Итог: возобновление московской внешней политики на Востоке в значительной мере «с чистого листа», укрепление военной мощи и стратегических позиций Сафавидов (не в последнюю очередь, благодаря относительному ослаблению османцев), конец попыткам объединения мусульманской Центральной Азии под единой эгидой и окончательное утверждение хорезмийско-мавераннахрского (хивинско-бухарского) «паритета».

4. 1610–1620-е гг. — стабилизация дипломатических отношений в регионе и закрепление того соотношения сил, которое в основных чертах сохранится до начала XVIII в. Прекращение османско-иранских войн с разделом Южного Кавказа, упрочение сафавидского владычества в Хорасане, ослабление узбекских государств и их отказ от политики масштабных завоеваний. Начало периода беспрецедентной активности в посольском обмене между Москвой и Исфаханом.

Дж.Я. Рахаев

Кабардинские княжества в Восточной политике Московского государства в середине XVI в.¹

Стремление Москвы овладеть землями Золотой Орды и таким образом стать наследницей этого государства достигли своего апогея в середине XVI в. Подчинение Казанского и Астраханского ханств не остановило московское правительство. На очереди стоял Крым. Проект правительства Ивана IV предусматривал смещение крымского хана и замену его московским ставленником Янтемиром (сыном астраханского хана Дервиш-Али). Однако столкновение с Крымским ханством было чревато конфликтом с Османской империей. Московская политика поддержания мира с султаном, проводившаяся с момента установления дипломатических отношений, не изменилась и в 50-е гг.

Со своей стороны османы практически никак не реагировали на перемены в межгосударственных отношениях в Поволжье и откровенно экспансионистскую политику России. Вся внешняя политика в отношении постордынского пространства была отдана на попечение Гиреев. Вплоть до конца 1560-х гг. стамбульское правительство стремилось поддерживать с Москвой мирные отношения. Две державы стремились избежать открытого конфликта. В 1554 году Иван IV официально отклоняет просьбу западноадыгских князей оказать им помощь против султана, так как «турский султан в миру с царем». После удачного набега на Крым казачий атаман А.Ф. Адашев освободил всех захваченных турок, потому что «с Турским государь в дружбе и воевать его не велел». Проект так называемой «антитурецкой» коалиции Московского государства и Литвы в 1555–1559 гг. в действительности не предполагал действий против османов, а предусматривал наступление только на Крым.

В Бахчисарае очень долго не могли смириться с завоеванием Казани и Астрахани. Москва, фактически, предложила взятку за переход волжских ханств под свою юрисдикцию — надбавки к наибольшей, имевшей ранее сумму поминок, и крымская сторона после длительного сопротивления согласилась на это.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVIII–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

В этой обстановке лидер Идаровых, верховный князь Кабарды Темрюк Идаров, направляет к Ивану IV посольство с предложением, «чтоб их государь пожаловал, велел им себе служить...». Но главное, что несомненно говорит о дипломатическом искусстве верховного князя, царю намекнули на то, что «с кабартинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверской князь и вся земля Иверскаа».

Согласно Никоновской летописи, в феврале 1560 г. «отпустил царь... воеводу Ивана Семеновича Черемисинова на Шавкал и на Тюмень, и с Ываном отпустил попы кристианьские по их обещанию и челобитию крестить их, кабартанских черкас». Поход И.С. Черемисинова в Дагестан не дал ожидаемых результатов — шамхал заблаговременно ретировался в горы. Попытка религиозной реформы в Кабарде также оказалась провальной. Тем временем, верховный князь решился нанести удар по своим противникам в Кабарде совместно с русскими военными силами. В 1562–1563 гг.: «Темгрюк со государьскими людьми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшукovy улусы да воевал Татцские земли близ Скиньских городков, и... взяли три городки: город Мохань, город Енгирь, город Каван, и мирзу Телишку..., взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре».

В Москве военные успехи верховного князя Кабарды расценили как выдающиеся: в большой царский титул была добавлена формула «Кабардинские земли, черкасских и горских князей государь», т.е. Иван IV в одностороннем порядке фактически перевел кабардинских князей и феодальную знать народов Центрального Кавказа к уровню своих прямых подданных. Однако ближайшее будущее наглядно показало всю эфемерность подобной трактовки подданства. Даже непосредственный клиент царя Ивана IV — верховный князь Темгрюк Идаров понимал свое подданство не более как временный альянс. В это время в Москве, один из сыновей Темгрюка, попав в царскую опалу, был казнен. Идаров, узнав о судьбе своего сына, фактически разрывает свои отношения с царем и принимает участие в походе крымского хана Девлет-Гирея II, знаменитом сожжении Москвы. Оставшись без союзника, Темгрюк оказывается в крайне стеснительном положении и вскоре, в сражении с ногайскими мурзами, погибает.

Гибель верховного князя Кабарды фактически на два столетия перечеркнула все расчеты российского правительства на прямое вмешательство во внутрикабардинские дела. Теперь речь могла

идти только лишь о номинальном признании иерархического старшинства русского «белого царя» над местными князьями. Кабардинские князья о своем подданстве царю вспоминали только в тех случаях, когда требовалась помощь государя или воевод в междоусобных распрях или против ближних и дальних противников.

Ш.С. Сулейманова

Россия и Казахстан

в новых геополитических условиях

Историческое время, переживаемое современными поколениями, в любой плоскости опирается на достижения предыдущих эпох и исторических периодов. Современное историческое сознание обнаруживает не просто интерес к страницам исторического прошлого, оно предъявляет потребность в знании объективной правды о прошлой истории. Выступая на Бояоском Азиатском форуме в Китае, Президент Казахстана заявил, что пристальное внимание к достижениям науки и образования является выходом из кризиса, охватившего современный мир. «Эволюционный путь развития предъявляет повышенные требования к инвестициям в науку и образование. Необходимо активизировать взаимодействие в научной, исследовательской и инновационной работе. Для этого целесообразно разработать Азиатскую программу действий в области развития инновационного сотрудничества», — отметил Н.А. Назарбаев.

Существенные изменения произошли в геополитическом положении Казахстана с распадом СССР и образованием независимого, суверенного государства. Однозначное, линейное определение им дать невозможно: одни из них для республики позитивны, благоприятны, другие имеют негативное значение; различна степень соотношения количественных и качественных моментов в геополитическом измерении РК.

Заметно возрастает интерес Китая к Казахстану. «Особый интерес Пекина к энергоносителям Казахстана обуславливается не только тем, что эта республика граничит с Синьцзяном, что позволяет проложить нефтепроводы прямо в Китай, но и тем, что Казахстан представляет собой естественный континентальный мост, ведущий в Иран и Ирак, т.е. в тот регион, где китайцы собираются в ближайшее время усилить свое влияние».

В этой связи общий геофон для развертывания казахстанско-российских отношений и связей требует относительно самостоятельного и взвешенного научного анализа.

Очевидно, что РФ и РК имеют объективные предпосылки для налаживания и интенсивного развития взаимовыгодных двусторонних отношений в рамках СНГ. Важно, что две страны едины в своем стремлении развивать демократические реформы, идти по пути формирования гражданского общества и правового государства. Таким образом, их объединяет, общая стратегическая цель общественного развития; приверженность демократии служит необходимым условием достижения этой цели. Более того Россия и Казахстан представляют собой огромный евразийский регион, в котором исторически существовали устойчивые геополитические, хозяйственные, этнические и культурные связи двух народов и стран. На современном этапе их сближению способствуют ряд важных геополитических факторов. Отметим следующие:

- Казахстан находится в центре Евразийского континента, занимает обширную территорию, имеющую общую границу (свыше 7.000 км) с Россией, что для двух стран имеет большое значение в укреплении национальной и коллективной безопасности.
- Казахстан обладает крупными минеральными ресурсами, чем создаются необходимые предпосылки для развития экономического взаимовыгодного сотрудничества с Россией, которая занимает первое место в мире по богатству земных недр.
- РК находится на стыке двух мировых религий: христианства и ислама с их богатой культурой.
- Казахстан — перекресток торговых и транспортных путей из Европы в Азию.
- Казахстан — важное связующее звено с Центрально-азиатским регионом; член ООН и большинства крупных международных организаций, работающих под ее эгидой, член Организации Экономического Сотрудничества; член Экономического союза Центрально-азиатских стран и Центрально-азиатского банка сотрудничества и развития; член «пятерки» в рамках СНГ.
- РК, как и РФ, — страна с полиэтническим составом населения, с многообразием языков.

Во внешнеполитическом, внешнеэкономическом и военно-стратегическом курсе республики взаимодействие Казахстана с Россией является приоритетом номер один. Что обусловлено

комплексом причин, условий и факторов, имеющих принципиальный и долговременный характер.

Ключевыми факторами, определяющими российско-казахстанские отношения, являются взаимозависимость хозяйственных связей, общность историко-культурных традиций и менталитет.

Ж.С. Сыздыкова

Новая динамика геополитической ситуации в Центральной Азии

В последнее время мировые СМИ, научное сообщество, политики уделяют пристальное внимание тому, что происходит на Ближнем Востоке и в Украине, на фоне этих громких событий и заявлений может показаться, что Центральная Азия ушла в тень мировой политики, но это далеко не так. На сегодняшний день в самой Центральной Азии продолжают политические и социально-экономические изменения, то есть происходит новая динамика в геополитической ситуации региона.

Постепенно происходит поколенческая смена элит, оставшихся со времен советского режима, что в ближайшие годы изменит политический ландшафт стран региона. Прошли выборы в парламент в Таджикистане (1 марта), должны состояться президентские выборы в Узбекистане (29 марта), и досрочные президентские выборы в Казахстане (26 апреля) и выборы депутатов Кыргызстане (октябрь). На политическую сцену выходят дети, родившиеся в годы независимости со своими ценностями и ожиданиями, своим видением места собственной страны в мировом сообществе. Можно сказать, что постсоветская Центральная Азия последних двадцати лет находится на закате, а новая Центральная Азия проходит этап своего активного становления.

«Начавшиеся процессы трансформации Центральной Азии из периферийного региона в регион, в котором все настойчивее пересекаются интересы ряда крупных держав, а также привлекают интересы региональных сил и сопредельных государств продолжаются и до настоящего времени».

На данный момент, в связи с санкциями и ухудшением экономического положения Россия более не располагает необходимой финансовой мощью для удовлетворения своих внешнеполитиче-

ских амбиций в регионе, не так активны, как прежде и США, по объемам инвестиций в Центральной Азии их опережает Китай.

Подтверждением того, что Центральная Азия не выпала из поля зрения Соединенных Штатов является документ, подготовленный Агентством США по международному развитию (ЮСАИД) новая стратегия миссии США в Центральной Азии, рассчитанная на пять лет с 2015 по 2019 гг., где определены задачи по трем основным направлениям. Это торговля и рынки, региональное сотрудничество в области гидроэнергетики, и, что вполне ожидаемо — развитие демократии через «внедрение более эффективных и инклюзивных институтов управления, которые должны служить на благо обществ стран региона», — заявил на презентации Стратегии в г. Алматы (Казахстан) директор миссии ЮСАИД в Центральной Азии Джонатан Эддлтон.

В документе отмечается, что США переживают, что стабильности региона угрожает опасность ввиду присутствия здесь ядерных держав, а «...претензии России на территорию Украины вызвали вопросы относительно ее намерений на постсоветском пространстве и вызвали озабоченности как внутри региона, так и за его пределами по поводу территориальной целостности Центральной Азии». Кого именно США имеют в виду под «озабоченностями за пределами региона», не поясняется, как и не приводятся и доказательства притязаний РФ в Украине.

По сообщениям «Вести.kg», аналогичный информационный вброс был сделан с подачи посла США в Кыргызстане П. Спратлен. Дипломат, как бы вторя своему коллеге из ЮСАИД, также высказала массу озабоченностей, и показала намерение США искать и, при необходимости, создавать, партнеров с антироссийским настроем.

Соединенные Штаты ищут, как взаимодействовать и использовать разные формации на всем пространстве евразийского материка. В основе доктрины США, согласно которой национальный интерес этой страны, не больше, не меньше, как мировое господство, этим и объясняется сохранения всех апробированных методов воздействия на страны и регионы, где имеются «жизненно важные интересы» США.

Что же касается собственно Центральной Азией то и как Ближним Востоком наиболее оптимальным для США остаётся использование сил на религиозном направлении. Прежде всего через продвижение военизированных исламистских группировок к северным и северо-западным районам Афганистана,

а также усиления взаимодействия и объединения потенциалов «Талибана» и «Исламского движения Узбекистана» с боевиками «Исламского государства» (ИГ).

Ситуация в Центрально-Азиатском регионе может еще усложняться и из-за фактической неготовности стран региона к системному объединению усилий для противодействия возможной угрозе. Отметим, что страны придерживаются дифференцированных подходов к развитию сотрудничества с конкурирующими за влияние на регион глобальными центрами силы. Это де-факто будет блокировать возможность консолидации регионального военно-политического потенциала на российских платформах — ОДКБ и ЕАЭС (не участвуют Узбекистан, Туркменистан) и будет замедлять динамику сближения на европейском и китайском направлениях.

С учетом нынешних глобальных экономических тенденций, сложившейся ситуации на мировом рынке нефти, а также высокого уровня взаимосвязи экономик государств Центральной Азии и Российской Федерации, в 2015 г. предполагается замедление темпов роста ВВП центральноазиатских стран с актуализацией для них вопроса противодействия угрозам макроэкономической стабильности в условиях неблагоприятного инвестиционного климата. Это все во многом будет определять ситуация в Центральной Азии в ближайшей перспективе.

Чжао Сяоцзя (Китай)

Особенности архитектуры периода Тимуридов в Средней Азии

В период правления Тимура и его наследников в Средней Азии происходит формирование и развитие самых разных видов искусств, особое место, среди которых занимает архитектура. Зодчество эпохи Тимуридов воплощает целостный и неповторимый стиль, соответствующий художественным идеям того времени. Как известно, Тимур собирал мастеров-представителей разных видов искусств в своей новой имперской столице Самарканде. И сам лично принимал участие в определении масштабов строительства, например, колоссальных по размеру и неповторимых по красоте мечетей Самарканд, ворот его дворца в Шахрисабзе, и святыни духовного наставника в Туркестане.

В Тимуридском периоде изобилуют примеры городских ансамблей, построенных, как правило, на открытой местности. Классический пример — самая известная площадь Регистан в Самарканде, которая была первоначально ограничена медресе и ханака Улугбека, и несколькими другими религиозными и коммерческими структурами. Эпоха Тимуридов стала временем активизации процесса развития техники архитектурного декора. Побудительным мотивом стали не только потребности искусства, но и политическая деятельность эмира Тимура, стремившегося к созданию централизованного государства. Начиная с 1379 г. Тимур вывозит ремесленников и архитекторов из побежденных стран, сначала из Хорезма, затем из Тебриза и Шираза, и далее из Индии и Сирии. Памятники, на которых появляются их подписи, носят черты раннего Тимуридского стиля.

Высокие цели культурно-созидательной деятельности Тимура были запечатлены в девизе, написанном гигантскими буквами на шахрисябзском дворце Ак-Сарай: «Если ты сомневаешься в нашем могуществе — взгляни на наши постройки!». Масштаб и роскошь были главные признаки Тимуридской архитектуры, поскольку они были предназначены подчеркивать превосходство заказчика. Различные части сооружения могли укреплять эту концепцию, добавлять значимости строению. Так, например, минарет — двойной символ, соединяющий структуру со специфической функцией. Его чрезвычайной высотой передается местоположение официального религиозного центра — мечеть или медресе. В то же самое время его высота — один из главных критериев, чтобы измерить величие здания. В более широком смысле, минарет передает не только власть правителя, но и всемогущее присутствие ислама. Сильная власть правителя подчеркивалась посредством ч монументально построенного фасада здания.

В отношении архитектурного декора можно выделить три направления. К первому этапу относятся наиболее ранние памятники эпохи Тимура (1370–1405). Второй этап первая половина XV в. — эпоха Шахруха и Улугбека. (В эпоху Шахруха в Средней Азии не строились памятники архитектуры, так как столица была в Герате). К третьему этапу относятся памятники второй половины XV в. Каждый этап различается политической обстановкой, социальным и экономическим положением и, конечно, характером заказчика. Например, во второй половине XV века

деятельность религиозной группы Накшбандия в Мавераннахре прервала развитие монументальной живописи в Средней Азии.

В эпоху Тимуридов строительная техника не претерпела существенных изменений, если не считать появления некоторых новых видов подкупольных систем. Например, использование щитовидных парусов повлекло за собой приспособление размера и формы раппортов орнамента к размеру и форме отдельного щитка. В архитектурном декоре существенные достижения связаны с выполнением и нанесением цветных керамических облицовок. Цвет все более завладевает архитектурными поверхностями монументальных зданий. Вначале это голубые, синие, белые глазурованные кирпичи, затем перегородчатая майолика и резная терракота с частичным или сплошным покрытием глазурями тех же цветов. Далее появляются многоцветные майоликовые плитки, которые подбираются в сплошной узор и, наконец, резные наборные мозаики на кашине (силикатном черепке), в которых глубина глазури и чистота красок соперничают с сапфирами, бирюзой и янтарем. Искусство художников-орнаменталистов здесь сочетается с мастерством гончаров, добившихся на протяжении столетия поразительных успехов в изготовлении столь различных по технологии и виду многоцветных изразцов.

В области декоративно-художественных ремесел, которые на средневековом Востоке стояли на большой высоте, XV столетие намечает новые пути. Одну из принципиальных черт здесь, как и ранее, составляет синтез: декоративные искусства выступают не сами по себе, но в органической взаимосвязи с архитектурой, живописью, искусством бытовой вещи. Например, оттенки синего цвета подчеркивают перспективное удаление. Резьба по дереву и камню, изразцы и стенопись соподчинены задачам, выдвигаемым зодчеством; при всем орнаментальном богатстве художественные мотивы их следуют прежде всего природе архитектурных членений, законам ритма и масштабности.

Эпиграфический, геометрический (гирих) и растительно-цветочный орнамент лежит в основе архитектурного декора всех памятников. По декоративной отделке памятники эпохи могут быть разделены на две группы. Первую группу составляют сооружения, полихромные украшения которых способствуют выразительности архитектурных форм здания, тогда как у памятников второй группы архитектура почти поглощена многообразной полихромной орнаментацией, где при динамическом мелькании разнообразных мотивов самые стены здания как бы

утрачивают свою материальность. Дворец Ак-Сарай и мечеть Биби-ханым могут быть отнесены к первой группе. Памятник в своем первоначальном виде был украшен пышно и богато, но с большим чувством меры и вкуса, что, конечно, следует отнести за счет большого мастерства зодчих и мастеров, трудившихся над его созданием. Мавзолей Туркан-ака и Ширин-Бека-ака. могут быть отнесены ко второй группе.. Целью живописца было не только украшение здания, но и прославление заказчика. Когда он (Тимур) заложил большой город, во всех садах он построил дворцы, и в некоторых из этих дворцов на стенах были изображены сцены побед. Он (Тимур) предназначал их для тех, кто не знал о его подвигах».

Таким образом, архитектура периода Тимуридов является одной вершин среднеазиатского искусства. Его расцвет был обусловлен целым рядом общеисторических причин и одной из них было то, как отметил последний Тимурид Захиреддин Бабур: «целью и стремлением каждого, занимающегося тем или иным делом, было одно — довести это дело до совершенства». Также в эпоху Тимуридов наметился некоторый отход культуры от строгого подчинения религиозной идее и аскетизма раннеисламского периода в сторону проявления черт светского характера.

Хас Керим

Центральная Азия

в Концепциях внешней политики РФ

Начало 2000-х гг. и приход к власти Путина В.В. бесспорно обусловил новую веху во внешней политике России в Центральной Азии. Первостепенное значение стало уделяться новой доктрине национальной и информационной безопасности государства, а также планомерному и поступательному развитию отношений с ближайшими и стратегически важными «соседями» Москвы.

Как отмечает эксперт в области взаимоотношений РФ с государствами региона относительно вышеуказанного периода, «...любая попытка понять эволюцию роли России в Центральной Азии была бы бесполезной не принимая во внимание основные угрозы безопасности, с которыми сталкивалась Москва» [5]. Данное утверждение говорит не только о том, что руководство России обратило непосредственное внимание на события, происходившие во внутренней политике стран региона, но и осозна-

ла взаимосвязь обеспечения собственной с общей региональной безопасностью. Основные угрозы для внутренней ситуации стали рассматриваться в ключе невоенного характера, а социально-политического и экономического, что, в свою очередь, нашло отражение и в проводимом внешнеполитическом курсе.

С приходом В.В. Путина отчетливо прослеживается тенденция на становление государства в качестве одного из наиболее значимых игроков на международной арене и одного из наиболее заинтересованных участников становления нового мирового порядка в системе международных отношений и экономики. По мнению ряда экспертов подобный «поворот» не был бы возможен, не будь у Москвы административных и финансовых ресурсов, которые появились вследствие благоприятной мировой тенденции формирования цен на экспортируемые российские углеводороды.

В основе новой стратегии лежала концепция ранее выдвинутая Е. Примаковым, однако теперь из теоретической она стала приобретать конкретные практические очертания.

Начало формирования нового внешнеполитического курса было заложено в «Концепции внешней политики Российской Федерации», в которой сказано, что «...международная обстановка, сложившаяся к началу XXI века, потребовала переосмысления общей ситуации вокруг Российской Федерации, приоритетов российской внешней политики и возможностей ее ресурсного обеспечения» [1]. Анализируя текст документа, можно прийти к следующим выводам:

1. Во-первых, четко обозначилось стремление на укрепление утраченных позиций РФ как одного из влиятельных центров современного мира с непосредственным воздействием на общемировые процессы;

2. Во-вторых, отдельное внимание уделяется внешнему фактору как залого поступательного внутреннего развития государства;

3. В-третьих, формирование так называемого «пояса добрососедства», растянувшегося вдоль российских границ с целью содействия устранения имеющихся и эскалации потенциально возможных конфликтов в регионах, находящихся в непосредственной близости с Россией;

4. В-четвертых, определение совпадающих интересов с зарубежными государствами и межгосударственными образованиями, строительство на ее основе союзнических и партнерских отношений [1].

Означенные выше приоритеты развития внешнеполитического развития России показывают однозначное намерение на смену проводимой предшествующими правительствами политику. Более того, можно говорить о четко выверенной схеме построения внешнего курса, основной целью которого стала интеграция Москвы во внутрирегиональную политику.

В числе региональных приоритетов, подобно концепциям внешней политики 2000-х гг., подчеркивается многостороннее и двустороннее развитие партнерских и доверительных отношений, а также дальнейшее укрепление сотрудничества на территории стран — участниц СНГ. Москва называет приоритетным формирование Евразийского экономического союза, «...призванного не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств» [2], что, в свою очередь, может стать «эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом» [2].

В отношении общих угроз, которые являются своего рода объединяющими Россию и центрально-азиатский регион, выделены следующие: распространение терроризма, наркотрафик, нелегальная миграция, экстремизм, а также трансграничная и транснациональная преступность, ввиду чего Москва будет стремиться налаживать более доверительные и партнерские отношения с государствами региона.

Как и прежде Россия рассматривает ОДКБ в качестве наиболее действенного и важнейшего элемента обеспечения коллективной безопасности в регионе. Более того, наравне с вышеозначенной организацией, авторы документа, как и в концепциях 2000-х гг., говорят о трансформации и расширения, а также углубления сотрудничества в ЕврАзЭС, а также о партнерских и взаимовыгодных отношениях с государствами в Черноморском и Каспийском регионах.

Внешнеполитическая стратегия 2013 г. в значительной степени повторяет предшествующие ей документы относительно внешнеполитической деятельности Москвы. По мнению Федора Лукьянова, главного редактора журнала «Россия в глобальной политике», концепция, представленная в 2013 г. позволяет сделать вывод о более четкой и получившей очертания системе приоритетов внешней политики России. Так, он отмечает, что, в первую очередь, это касается построения отношений на постсоветском

пространстве. «В нынешнем документе важность сотрудничества с государствами СНГ прописана более зримо и определенное с точки зрения внешнеполитических приоритетов», — говорит Лукьянов [3].

Таким образом, сравнительный анализ всех трех концепций (2000, 2008, 2013) показывает своего рода преемственность основных положений документов. Однако, Концепция 2013 г., безусловно, характеризуется попыткой комплексного решения внешнеполитических задач государства с опорой на гражданское общество, гуманитарные и коммуникационно-информационные методы дипломатии — иными словами «мягкая сила» [4]. В то же время отличительной чертой всех трех документов является отражение динамики процессов глобализации, демонстрирующих стремительное развитие. Именно поэтому концепции внешней политики задают и формируют ориентиры, «подстраиваясь» под современный геополитический ландшафт.

Список литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации, 2000.
2. Концепция внешней политики России. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED BF7DA644257B160051BF7F)
3. Работа на авторитет. Владимир Путин представил обновленную Концепцию внешней политики РФ. // <http://www.rg.ru/2013/02/15/politika-site.html>
4. Внешняя политика России: теория и практика: Учебное пособие / Под общ. ред. С.В. Смутьского, О.Д. Абрамовой; Отв. ред. В.С. Буянов. М.: Книга и бизнес, 2013. С. 75.
5. Meena Singh Roy. Russia and Central Asia: problems and prospects. New Delhi, 2010.

И.Л. Багратион-Мухранели

**Театр, экология, война. О спектакле Резо
Габриадзе «Сталинградская битва»**

Спектакль кукольного театра Резо Габриадзе «Сталинградская битва» с постоянным успехом идет по всему миру уже третье десятилетие. Премьера состоялась в 1996 году в Дижоне, во Франции. В Москве спектакль был впервые показан в 2001 году, в 2004 завоевал премию «Триумф», столь же триумфальными были гастрольные туры в США — в Линкольн-центре в 2002, а после следующих гастролей в 2010 по версии журнала «The New Yorker» пьеса театра Резо Габриадзе стала лучшим представлением года. Можно и дальше перечислять аншлаги, успехи, награды. Удивительно, что послужило толчком для создания этого уникального, и теперь уже классического спектакля.

По признанию автора и постановщика Габриадзе выясняется, что он случайно прочитал отрывок из заметок английского военного корреспондента: «После битвы, чем ближе я подбирался к Сталинграду, тем окружающий пейзаж становился все более невероятным. Повсюду останки лошадей, одна, все еще живая, плетется на трех ногах, волоча за собой четвертую, отстреленную или искалеченную. Это было душераздирающее зрелище. Во время наступления советских войск погибло 10.000 лошадей. Весь ландшафт был усеян трупами лошадей, убитых танками, пулями и под шквальным обстрелом». Образ этой лошади на трех ногах долгое время преследовал меня. В моем сознании начала обретать очертания тема Сталинградской битвы. Далекие картинки из забытого детства, вдовы в черном, калеки и инвалиды, которых я повсюду видел в своем родном Кутаиси, слезы и горе моей бабушки. Все эти образы мучили меня, пока я не написал эту пьесу, реквием по Сталинграду».

Этот реквием, который я видела в этом году в очередной раз с интервалом в несколько лет, без преувеличения — лучший трагедийный спектакль второй половины XX века. Искусство Габриадзе соразмерно двадцатому веку. Чем больше империя, тем

неукоснительней возникают не только Колосс родосский, художественные гиганты, но также пронзительно человеческое искусство малых форм. (Характерно, что тема «маленького человека» впервые в европейской литературе появилась именно в театре во времена правления Александра Македонского.)

Резо Габриадзе в спектакле «Сталинградская битва» создает — но не многометровый памятник, а в величину куклы, минималистскими средствами — трагический подвижный памятник Великой Отечественной войне. Слово «памятник» здесь не метафора. Куклы — движущиеся скульптуры. И эти маленькие, но сделанные скульптором и кукольником Резо Габриадзе, актеры разыгрывают, отталкиваясь от глубоко пережитой экологической проблемы мистерию любви, войны и смерти.

Сценарий, режиссура, куклы, свет, музыка декорации — Резо Габриадзе. Это авторский театр, притом, что у него работают замечательные актеры-кукловоды, это театр единой воли.

Сначала спектакль начинался с того, что кукла в лунном свете, в песочнице молча пересыпала песок. А следующий эпизод — звук паровозного свистка, слышен романс «Лягут синие рельсы от Москвы до Чимсы», и пейзаж из окна вагона — мирная жизнь по всей стране. Она нарушается звуками Шестой Ленинградской симфонии Шостаковича, под которую в свете прожекторов, нескончаемым потоком идут танки. Они игрушечные. Театр никого не обманывает и не страшит. Но слезы подступают к горлу, которое перехватывает от точности ритма и узнаваемости происходящего на сцене. Это эффект настоящего искусства. Зритель видел уже столько документальных кадров, слышал подлинных рассказов, читал и смотрел художественных произведений о Великой Отечественной Войне! Нужно было что-то принципиально новое, чтоб все эти знания воскресли, чтоб произошел процесс кристаллизации, очистка памяти и возрождение любви. Театр предлагает нам эссенцию, концентрацию всего этого, — вечного, как само искусство, персонажа — куклу.

Резо Габриадзе предлагает посмотреть на Сталинградскую битву, битву народов, решившую исход войны... глазами не просто кукол, а кукол-лошадей Алеши и Наташи, втянутых в мясорубку Сталинградской битвы, в которой погибло свыше 10.000 лошадей!

И мы следим за историей любви «заслуженной артистки». красавицы-кобылки с точеными ножками циркачки Наташи Белокопытовой и серого тяглогового тяжеловоза Алеши. Следим с не

меньшим волнением, чем когда-то послевоенные зрители следили за историей любви Алеши и Наташи из эпического фильма М. Чиаурели «Падение Берлина».

В спектакле главных героев окружают люди, ангелы, военная техника, другие животные. Действие происходит в Киеве и Берлине, Одессе и в глухом казахском тылу, куда пишет солдатик с передовой, интересуясь, отелилась ли верблюдница и сообщая родителям, что теперь он ест досыта.

История лошади на кукольной сцене берет за душу всех. Потому, что эту нехитрую и грустную историю любви и разлуки сопровождают эпизоды войны, человеческие истории, неожиданные и узнаваемые одновременно. Герои спектакля — это вечные образы, сохраненные памятью сердца. Старый еврей-часовщик, сама мудрость, гибнет во время бомбардировки Киева. Европейская богема, голодный берлинский художник-авангардист, посетитель кафе «Одиннадцатый палец». Когда ему предлагают нарисовать портрет богатого клиента-фашиста, он отвечает, что может помочиться на снегу, изобразив портретируемого. За что и оказывается под Сталинградом, где его убивают. Убивают и рыжего артиллериста комсомольца-одессита Яшу, чью любовь, красавицу Розу, выдают замуж за богатого. Во время этой свадьбы Яша говорит о любви словами из Песни Песней. А рядом тупой немецкий генерал-солдафон уверен, что все его преступления останутся в тайне от мира. Но, как полагается в мифе, злодея изобличает мудрое животное.

И тут же сцена жизни в тылу. Звучит «Темная ночь» в исполнении Марка Бернеса. Крупные, настоящие человеческие руки кукловода вытирают пол мокрой тряпкой рядом с колыбелькой. А потом актриса молча снимает с пальца обручальное кольцо и зритель понимает, что еще одной человеческой жизни не стало.

Спектакль очень точен и скуп в выразительных средствах. В нем очень много музыки. И он идет под фонограмму, голоса актеров записаны заранее, что для драматического спектакля, в том числе и для кукольного, редкость.

Голосовые партитуры выверены не только в эпизодах исторических, когда голос Левитана, словами «От Советского Информбюро», воспринимается как голос самой войны. Огромная удача спектакля — исполнение Лией Ахеджаковой роли муравьи. Сначала она, со своими непередаваемыми интонациями, несколько назойливо и шумно просит присмотреть за коляской

и ее ребеночком. В следующих эпизодах ее нет, и мы забываем, что кто-то случайно «попал в кадр» и в поле слуха. Но когда на наших глазах уже произошло столько смертей, погибает прекрасная Наташа на глазах любимого, один за другим почти все герои, Габриадзе придумывает совершенно душераздирающий финал. Мама-муравьица, которая бегала отоваривать хлебные карточки и рыскала, чтоб найти крупиночку сахара для сына, который его никогда не едал, она видит, что сын ее погиб под бомбежкой. Ахеджакова произносит монолог с обвинением воюющих людей-убийц ради защиты всего живого, — такой трагической глубины, любви, печали и силы, что описать его невозможно. Еще и потому, что в этот момент «над вымыслом слезами обливается» уже весь, весь зал. И тут с неба опускается детская стремянка — лестница Иакова, по которой муравьица начинает подниматься вверх, в бессметрие. Таким вот катарсисом заканчивает Резо Габриадзе рассказ о «Сталинградской битве».

Антонен Арто считал, что театр интимно национален. Не знаю, что собственно грузинского в этом спектакле. Грузинская музыка звучит всего один раз. Но спектакль весь пронизан музыкой — советскими песнями времен войны, модными шлягерами сороковых — тридцатых.

И он все размышления проводит через человека. Маленького, домашнего, к которому театр относится с огромной любовью и я бы сказала, с исчезающим из нашей жизни чувством — с лаской.

Грузинской культуре свойственна определенная мягкость, «эллинистическое тепло», понимание ценности всего живого. Так же, как трагизм, присущий исторической нации, пережившей много войн и разрушений. Театр выходит за рамки собственно восточной, или рационально западной точки зрения к общечеловеческим ценностям.

После спектакля возникает один вопрос. Почему именно Габриадзе удалось поставить этот спектакль? Ведь во время войны ему было шесть — восемь лет? Конечно, воспоминания детства очень сильны. Но в Грузии не было немецких бомбежек.

Ответ я нашла, когда смотрела спектакль в Тбилиси, который идет там, замечу, на русском языке. Тбилисский зал смотрел спектакль по-другому, чем московский, и вероятно, европейско-американский. С другим предшествующим опытом. Отключение света, смерть, которая ходит рядом, — эти вещи тбилисский зал, к сожалению, знал не понаслышке. Гражданская война, потрясая

и разрушившая Грузию XX века, цветущую, беззаботную, традиционную, боль от этой войны соединилась с воспоминаниями детства и вылились в спектакль, в котором «надежды маленький оркестрик / Под управлением любви» сохраняет великий христианский счет войне и всему живому.

Е.Ю. Бессонова

**Японская открытка как выражение
менталитета в контексте культуры
межличностных отношений**

Почтовая открытка 郵便葉書 *ю:бин хагаки* в современной Японии востребована населением, в японском обществе ей отводится значимая роль в поддержании межличностных отношений. Особое значение отводится этикетным посланиям, связанным с важными календарными событиями, сезонными явлениями, событиями в жизни человека и его семьи. Открытками поздравляют с Новым годом, приглашают на свадьбу, встречи, сочувствуют по поводу непрекращающейся жары, уведомляют о переезде, сообщают о траурных событиях в семье. Вышеперечисленные функции обслуживают два основных класса открыток: *цу:дзё:хагаки* 通常葉書 «открытка обычная» (марка 52 иены), *о:фуку хагаки* 往復葉書 «открытка с оплаченным ответом» (104 иены). Среди обычных открыток большая роль в поддержании межличностных отношений отводится новогодним поздравлениям и открыткам-сочувствия по случаю летней жары. По этим категориям посланий почта составляет официальные статистические отчеты, например, в отчете по доставке новогодних открыток в первый день нового года (1 января 2014 г.) указывается общая цифра доставленных адресатам поздравлений: 1.820.000.000 (в среднем эта цифра соответствует четырнадцати открыткам на каждого японца). Японское почтовое ведомство также публикует пресс-релизы, в которых зафиксированы данные по официально отпечатанным открыткам: так к новому 2015 г. почта выпустила 3.301.732.000 открыток. Открыток-сочувствий по поводу жары выпускается меньше, но и эти цифры значительны, например, летних сочувственных открыток в 2014 г. было выпущено 269.744.000 [1].

Почтовые открытки в Японии представляют собой двусторонний бланк, на одной стороне которой записываются реквизиты адресата и адресанта, напечатана (или может быть наклеена)

марка, на другой стороне содержится короткое послание, часто состоящее из набора стереотипных фраз. Слово «открытка» японски 葉書 *хагаки*, с периода Мэйдзи записывается двумя иероглифами со значениями «лист» 葉 и «писать» 書, то есть буквально может быть переведено как «написанное на листе дерева». Считается, что это иероглифическое начертание предложил основатель современной японской почтовой системы Маэдзима Хисока (1835–1919). Японская почта ввела в обращение открытки с 1873 г., но в то время открытка представляла собой сложенную вдвое бумагу. С 1875 г. для открыток стали использовать одиночный лист плотной европейской бумаги.

Сейчас в Японии возрос интерес к истокам начертания слова 葉書. Достоверно не установлено, почему был выбран иероглиф со значением «лист», однако популярной стала версия, которая опирается на древнеиндийскую традицию использования листьев для вырезания на них рисунков и надписей. Что касается Японии, то там растет дерево падуб широколистный *тараё: 多羅葉* (известное также как «почтовое дерево» *ю:бин но ки* и «открыточное дерево» *хагаки но ки*), на листьях которого можно вырезать надписи или даже писать современной ручкой. Считается, что в Японии, в период междоусобных войн, на листьях этого дерева писали сообщения. В последнее время некоторые японцы, пытаясь возродить традицию, посылают в качестве открытки натуральные листья. Как известно, четкое соблюдение установленных норм в разных сферах жизни японцев имеет отношение и к почтовым услугам, где прописаны размеры отправляемых посланий, стоимость услуг. Соответственно при отправлении «природного варианта почтовой открытки» оказалось необходимо лишь соблюсти требования почты, выбрать из листьев падуба такой, размеры которого были бы не меньше установленных, и наклеить марку, соответствующую «нестандартной форме открытки», указать адрес на одной стороне, а сам текст написать на другой стороне листа. Опущенное в уличный почтовый ящик «написанное на листе дерева» послание успешно доходит до адресата.

Культуру межличностных отношений можно изучать и по современной почтовой открытке, которая в свою очередь играет большую роль в поддержании этой культуры. Японская ментальность, в основе которой лежит бережное отношение к поддержанию контактов с окружающими, уважение правил, приверженность к регламенту, востребованность стереотипных форм, концентрировано представлено в феномене написания, отправ-

ления почтовой открытки. Отдельно подчеркиваем феномен возросшего интереса к иероглифическому начертанию слова *хагаки*, который отражает особую приверженность японцев к детальному, подробному рассмотрению чего-либо, а также зависимость от иероглифической формы письма. Почтовое ведомство всегда учитывало национальную ментальность и использовало ее при проведении своего рода рекламных кампаний, целью которых было и остается поддержания интереса к почтовой открытке.

Литература

Почта Японии. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: www.post.japanpost.jp (дата обращения: 28.02.2015).

С.Ю. Врядий

Символика освоения пространства (фэншуй) Владивостока на корейской «Карте России» XIX в.

Ключевые слова: геомантия Владивостока, российско-китайско-корейские отношения XIX в., карта российского Приморья.

Увлечение представителей корейской феодальной знати китайской геомантией нашло свое отражение в описании российского Дальнего Востока, как это представлено на листах раритетного источника XIX века под названием «Карта России» *Азук Ёджидо*.

«Карта России» — это одна из первых попыток Кореи описать российское государство. Является свидетельством тому, как, стремясь избавиться от многовековой опеки со стороны Китая, ограничить колониальные устремления Японии, а также найти альтернативу посягательствам стран Запада, королевский двор начинал укреплять свои взаимоотношения с Россией.

Географическая карта является неоценимым источником сведений из различных областей человеческой культуры. Она не только фиксирует местоположение объектов на земной поверхности, но и свидетельствует об уровне развития науки, мастерстве художественного исполнения, показывает состояние и развитие общественных отношений. Может быть использована при анализе культурных обменов между регионами, для изучения истории взаимоотношений государств.

Корейское картографирование, воспринявшее традиции Китая, было на достаточно высоком уровне в период правления династии Чосон (1392–1897), причем составление карт считалось важным государственным делом и имело систематический характер.

Геомантия утверждала, что здоровье, благополучие, богатство и процветание не только семьи, но и государства целиком зависят от правильного выбора места для жилья, захоронения или главной резиденции правителя. Благоприятные и неблагоприятные факторы окружающего мира, прежде всего местоположения, определяли максимальную благосклонность природных стихий и духов. Благоприятное сочетание окружавших человека гор и вод, с точки зрения геоманта, могло обеспечить достаток и процветание не только отдельно взятым людям, но и государству в целом.

«Карта России» в единственном экземпляре хранится в историко-географическом разделе библиотеки Чансогак Академии корееведения (Республика Корея). В сложенном виде она представляет собой альбом, изготовленный в традиционном стиле по ее размерам. Десять сложенных вдвое листов карты, а также два листа с оглавлением и комментариями идут последовательно один за другим, склеены между собой «гармошкой».

Подробно и живописно изображен в тексте и на карте Владивосток, который в 1880 г. получил статус города, равный по рангу Кронштадту. Описание городского рельефа, ориентация местности выполнены аллегорически в соответствии с даосской практикой освоения пространства *Фэншуй*. Привлечены характеристики *Инь* и *Ян* (женского и мужского начала), пяти элементов (огонь, металл, земля, дерево, вода), другие традиционные для восточной космогонии признаки, определяющие гармонию и дисгармонию окружения в жизни человека. Ориентация в пространстве по сторонам света осуществлена на основе традиционных представлений, когда для обозначения севера упоминается Черное воинство *Сюань*, мифологические божества, изображавшиеся в виде змеи и черепахи, а для указания на западный сектор неба привлекается аллегория белого тигра. Автор текста приходит к заключению, что в результате взаимодействия отрицательного начала мироздания *Инь* с положительным началом *Ян* в данном месте сформировался «большой город, главный порт стран Восточного океана».

Информационное содержание текста позволяет отметить некоторое превосходство и первенство текстового изложения

над картой, непосредственно-чувственного восприятия и описания пространства и событий времени над его абстрактно-картографическим изображением.

Н.Б. Григорович

Традиционализм в творчестве композиторов Японии второй половины XX века

Пути сохранения и развития традиционной музыкальной культуры в современных условиях — одна из актуальных проблем отечественного и зарубежного музыковедения, находящаяся в центре непрекращающихся научных дискуссий. На одном полюсе этих дискуссий — сторонники так называемой глобализации, предсказывающие неизбежное поглощение традиционных музыкальных культур Азии, Африки, Америки и др. европейской тонально-гармонической системой. На другом полюсе находятся их оппоненты, которые настаивают на уникальности каждой региональной музыкальной традиции, на важности сохранения её национального своеобразия. Находясь в русле этой дискуссии, настоящее сообщение, на примере образцов японской музыки второй половины XX века, в части сочинений для традиционных инструментов, ставит целью доказать жизнеспособность музыкальной традиции в наши дни и непреложную ценность внутренних мотивов её развития. Исследование затрагивает проблемы соотношения в современной японской музыке авторского и традиционного, национального и интернационального, а в более широком смысле — проблемы сохранения традиционных устоев в периоды реформ и массированного влияния внешних факторов на примере японской культуры как одной из интереснейших музыкальных культур Востока.

Важная веха в музыкальной культуре Японии связана с окончанием периода политической и культурной изоляции островного государства и наступлением эпохи реформ императора Мэйдзи (правление 1868–1912). С этого момента и по сей день музыкальная культура Японии находится под влиянием мировой, в особенности европейской музыкальной культуры. Результатом этого влияния явилось становление музыкального образования и формирование композиторских школ по европейскому образцу. Однако, в Японии по настоящее время продолжает существовать

ветвь могучего древа прежней японской музыкальной традиции. Это обособленная сфера композиторской музыки, предназначенной для традиционных музыкальных инструментов: цитры кото, лютни сямисэн, флейты сякухати, барабанов тайко и др.

Среди отечественных исследований, посвященных данной тематике, необходимо упомянуть монографию М.Ю. Дубровской «Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы» (2004). Подробно раскрывая стадии заимствования, ассимиляции и становления европейской культуры в Японии конца XIX — начала XX вв., автор, тем не менее, крайне мало внимания уделяет особенностям существования традиционной музыкальной культуры данного периода. В диссертационном исследовании Е.Снежковой «О творчестве Такэмицу Тору в контексте японской композиторской школы второй половины XIX в.» (2012) внимание автора также сфокусировано на сочинениях, написанных в русле европейской школы композиции. Однако, современные японские авторы очень часто используют в своих сочинениях традиционные японские инструменты, а также применяют принципы организации музыкального материала, почерпнутые из богатейшего наследия традиционной культуры. В качестве примера исследования японского автора на данную тему можно привести монографию композитора и музыковеда Минуру Мики «Composing for Japanese Instruments» под редакцией американского ученого Филиппа Флавина (2008); в ней подробным образом сформулирован оригинальный творческий метод сочетания в композиторском языке элементов европейской и японской традиционной музыкальных культур.

Настоящее сообщение, думаю, были бы интересно не только специалистам, но и любителям японской культуры, которые уже эмпирически знакомы с ней благодаря расширяющимся контактам между нашими странами и возможностями Интернета.

К.В. Ермаков

Социальная сатира в восточной культуре: на примере творчества корейского конфуцианца Чон Дасана (1762–1836)

Конфуцианский мыслитель, энциклопедически образованный гуманистический средневековой Кореи Чон Дасан (1762–1836) — фигура, оставившая след в самых разных отраслях человеческого

знания. Многие из аспектов его деятельности получили освещение в отечественном востоковедении — в т. ч. и в рамках работы под-секции «Экология культуры Востока» ежегодной конференции «Ломоносовские чтения» (см. сборники тезисов докладов «Ломоносовские чтения. Востоковедение» за 2009–2013 гг.). В данной статье хотелось бы затронуть особенности сатирического творчества Чон Дасана.

При том, что в корпусе произведений конфуцианского теоретика значительное место занимает поэзия на *ханмуне* (кореизированной форме китайского письменного языка *вэньянь*), в наследии мыслителя полностью отсутствуют образцы художественной прозы. Это отличает Чон Дасана от его великого современника, мастера искромётной сатиры Пак Чивона (1737–1805), новеллы которого переводились на русский язык, а одна даже включена в антологию «Классическая проза Дальнего Востока» 200-томной серии «Библиотека всемирной литературы» (М.: Художественная литература, 1975).

Тем не менее, перу Чон Дасана принадлежит целый ряд сатирических памфлетов, в которых автор подвергает критике окружающие его реалии с использованием определённого набора художественных приёмов (аллегория, иносказание, метафора, сарказм, сравнение и др.).

Одним из таких памфлетов можно назвать «Чосынмун» («Письмо-соболезнование мухам»). Текст датируется предположительно 1810 г. В этот период жизни Чон Дасан находился в ссылке в уезде Канджин провинции Чолладо (юго-запад Корейского полуострова).

Повествование ведётся от первого лица, а адресатом выступают мухи. В преамбуле говорится, что летом 1810 г. регион подвергся нашествию мух: словно тучи, залетали они в съестные и питейные лавки, и жужжание их было «грому подобно». «Вот дела!» — вздыхали старики. Молодёжь же в сердцах развернула против мух целую баталию. Кто-то ставил ловушки, кто-то разбрасывал яд. Автор же, глядя на эти старания, говорил, что мух убивать нельзя, поскольку они — переродившиеся тела умерших от голода. В предыдущий год, поясняет автор, случился голод, а минувшей зимой стоял лютый мороз — это привело к повальным болезням. Дело ещё более усугубилось из-за жестоких податей, и в итоге бесчисленное множество трупов лежали рядами, а носилки, на которых их выносили, образовали целый холм. И когда эти непогребённые тела начали разлагаться, их содержи-

мое преобразовалось в личинки численностью «в десять тысяч раз больше, чем песка в Ганге». Переродившись в крылатых мух, они и стали слетаться к человеческому жилищу. Эти мухи, — утверждает автор, — одного с нами рода, и при мысли о том, какая у них жизнь, слёзы на глаза наворачиваются. Потому он наготовил еды и созвал мух на трапезу.

Далее следует собственно текст «соболезнования», обращённый к слетевшимся на угощение мухам. Перечисляя всевозможные яства накрытого «ритуального стола», Чон Дасан сетует на запустенье в вымерших деревнях, на то, что трупы лежат незахороненными, и лишь младенец не отстаёт от материнской груди да шакалы радостно прыгают от обилия мяса. Автор убеждает мух не летать в волостной центр, поскольку демонстрирующие напоя свою власть местные чиновники живут по принципу «рука руку моет». Заполнив зерном нового урожая амбары, предназначенные для спасения голодающих, они закатывают пирушку с музыкантами и танцующими прекраснотелыми куртизанками. Зато когда к этим чиновникам за помощью приходят нуждающиеся, тем счастливым, которых отберут из толпы, достанется глоток жиденькой каши да старое зерно, кишашее насекомыми. Хотя пищи здесь и вдоволь, — заключает Чон Дасан, — мухам вволю наесться не получится. Он также не советует героям своего памфлета снова оживать в человеческом облике: лучше беспечно радоваться жизни, будучи мухой, нежели страдать от поборов мытарей, которые, уже в шестом месяце придя за податями, забирают кухонную утварь, уводят домашний скот, а самого хозяина тащат в ведомство, где тому отсчитывают удары палками. Народу остаётся только молча терпеть — словно безмолвствующим фениксам при каркающем воронье.

В конце текста Чон Дасан увещевает мух лететь на север (т.е. в Сеул) и доложить обо всём государю. Если эта жалоба прозвучит «подобно раскату грома» и взволнует Его Величество, то и зерно хорошо взойдёт, и год выдастся урожайным. Вот тогда-то, — убеждён рассказчик, — мухам можно будет вернуться на юг страны.

Мотивы трансформации материи и фигурирование такого топонима как река Ганг указывают на наличие в данном произведении определённой буддийской составляющей. Точнее говоря, здесь можно усмотреть тонкую иронию конфуцианского энциклопедиста в отношении распространённых в простонародье поверьях, опиравшихся на буддийскую традицию. А пародия на

религиозный обряд (в данном случае на конфуцианский ритуал кормления духов усопших) как инструмент осуждения пороков современности в какой-то мере даже роднит «Чосынмун» с таким памятником русской демократической сатиры XVII в. как «Служба кабаку».

В.Н. Зайцев

**Вербальные и аудиовизуальные средства
современной информационной войны
и их воздействие на культуру**

Во всех известных истории проявлениях конкурентной борьбы человеческих сообществ прямое физическое насилие сопровождалось теми или иными способами воздействия на сознание противника, имевшие целью подавление его воли к сопротивлению. Одновременно с этим, на внутреннем фронте, правящие верхи обычно предпринимали усилия для психологической мобилизации подвластного населения на борьбу с врагом. Эти атрибуты внутривидовой борьбы характерны для социумов разного характера и уровня организации. Все значительные нашествия, военные походы, мятежи, восстания содержали в себе элемент информационной войны, выражающейся, как правило, в столкновении враждебных идеологий.

Арсенал основных приёмов, практиковавшихся в этой войне, в течение тысячелетий оставался довольно ограниченным: обличение и уничтожение врага, утверждение собственной правоты и веры в победу. Существует множество свидетельств того, что ещё задолго до появления зороастрийского догмата об извечной борьбе двух противоположных начал и манихейского дуализма исходная оппозиция «мы против них» была фундаментом таких противоборств. Основным, если не единственным, оружием в них вплоть до начала XX в. было *слово* — устное (публичные речи и выступления, проповеди, театральные представления и т.п.) и письменное (воззвания, манифесты, подмётные письма, позднее газеты и журналы).

В эпоху промышленной революции, когда с появлением телеграфа, телефона, фонографа, а затем и радио сфера словесных коммуникаций радикально расширялась, стремясь к охвату практически всего населения ойкумены, роль информационной

войны возросла до такой степени, что успех или неудача на её фронтах могли решающим образом повлиять на исход крупнейших геополитических баталий (как это случилось в годы Первой мировой войны, когда российское общество и вооружённые силы сначала были довольно быстро мобилизованы на участие в ней, а позднее ещё более эффективно настроены на уклонение от неё).

Появление кинематографа и телевидения дополнило вербальные средства такой войны аудиовизуальными, которые к концу XX в. стали наиболее популярным видом массовых коммуникаций. Наконец, повсеместное распространение интернета и сложение глобального информационного пространства сделали в наши дни информационную войну основной формой конкурентной борьбы как между мировыми и региональными центрами силы, так и внутри отдельных социумов (между различными социальными слоями и политическими группировками).

Стремительный прогресс современных аудиовизуальных технологий, позволяющих потребителю информации ощутить эффект «почти присутствия» в любом месте земли, не девальвирует слово как изначальное и решающее средство воздействия на сознание, а лишь подчеркивает его значение. До сих пор основу наступательных и оборонительных информационных кампаний составляют вербально выраженные смысловые конструкции.

В качестве наиболее характерных стратегий и приёмов словесной войны в наши дни можно выделить следующие:

- *Умолчание (omission)*, при котором искомый результат достигается либо полным отсутствием в подконтрольных СМИ объективно важного сообщения, либо его публикацией среди малозначащих известий. К этой же категории приёмов относится продолжительное игнорирование неудобной информации, исходящей от противника.
- *Настойчивое повторение* какого-либо тезиса, его публикация на самом видном месте в периодическом издании или в самое подходящее время (*prime time*) на телевидении. При этом внушаемое утверждение или предлагаемая квалификация того или иного события подаются как нечто само собой разумеющееся (*as a matter of fact*), заведомо неоспоримое.
- Частые ссылки в сообщениях и комментариях на *непроверенную информацию, слухи, домыслы, откровенные фальшивки (fake)*. Считается необходимым во что бы то ни стало обнародовать нужную оценку того или иного события раньше про-

тивника, а подтвердится ли эта оценка позднее или нет, — не столь важно. *A la guerre comme à la guerre!*

- Чрезвычайно широкое использование *эвфемизмов и дефемизмов*.
- Сочинение *броских и лаконичных заголовков* для публикуемых материалов.

В аудиовизуальных средствах манипулирования сознанием масс практикуются те же приёмы.

Если вынести за скобки конкретные особенности современных СМИ, то можно убедиться, в том, что близкие аналоги всех перечисленных уловок существовали издревле и практиковались в информационных войнах прошлых эпох. «Нет ничего нового под солнцем» (Екклесиаст. 1:9).

Различие состоит в том, что никогда раньше они не производили столь заметного воздействия на мировую культуру в целом, как это происходит сегодня, когда такого рода войны служат мощнейшим орудием разделения и срамливания людей и одновременно эрозии их культурной самобытности, превращения их в безликую массу неразбчивых потребителей информационного *fast food*'а, состряпанного на одной кухне. Следует отметить, что задача эта облегчается неоспоримым преобладанием в крупнейших международных СМИ английского языка. Стратеги глобальной информационной войны, судя по всему, верят в то, что она поможет им одержать верх в обостряющейся конкурентной борьбе за мировые ресурсы.

З.Г. Лапина

Совершенствование человека

как смысл его жизни — главная тема в «Лунь юе» (откровение Конфуция)

Прорыв Китая в XXI веке не только в экономике, но и во всех областях творчества, без сомнения, веками созрел в культурном поле страны, уходя в глубокую древность. И здесь поистине ведущая роль принадлежит конфуцианству. Каждое поколение китайцев заново открывало для себя мудрость Конфуция, постигая, что успех во всех начинаниях кроется в развитии личности. Мыслитель не только достояние китайской культуры: его имя числится в рядах посвященных мира, посланных на Землю ради эволюции и

духовного развития человечества. Мерцающий образ Конфуция, запечатленный в «Лунь юе», поистине неисчерпаем, а последний — само воплощение мудрости, живого целостного знания, в котором резонансно взаимодействуют его многочисленные аспекты.

Можно согласиться с мнением А.Е. Лукьянова, который полагает, что «Конфуций прошел какое-то тайное небесное рождение и претерпел какой-то тончайший синтез богочеловека». И это, на наш взгляд, справедливо. Этот процесс трансмутации личности, на наш взгляд, заключен в известном пассаже «Лунь юя»: **«В пяти-надцать лет я устремился помыслами в учение; в тридцать — установился; в сорок — не сомневался; в пятьдесят — познал предопределение Небес; в шестьдесят — ухо стало послушным [Небесам]; в семьдесят — следовал желаниям сердца, не выходя за рамки [естественного]»**.

Методологией постижения данного пассажа послужила для нас **экология культуры**. В ее контексте культура — главный энергетический устой космической эволюции человека. Она ориентирована на вечность.

Культура — это Дух творчества самого человека.

Цивилизация — это материя; она конкретна и преходяща. Сейчас нарушена мера в должном соотношении культуры и цивилизации. Поэтому так ценен опыт древних культур — источник духовной мощи всего человечества. Созидательная сила культуры закодирована в ее экофильной структуре, созданной по аналогии с Живой природой. Иными словами культура — это мудрость, дошедшая до нас как послание древних грядущим поколениям о том, что человек — микрокосм, изоморфный макрокосму=Природе, рожден для достижения ее цели — сотворения и развития Жизни, и что высшее назначение человека — служить высшему, жить по законам Вселенной, т.е. созидать саму ткань Жизни.

Изучение откровения Конфуция в контексте текста «Лунь юя» и китайской культуры в целом позволило нам выявить, что в данном пассаже представлена программа совершенствования человека, сформулированная в древнем трактате «Шу цзин». Она сводилась к совершенствованию пяти качеств личности (*у ши*): облика (*мао*), речи (*янь*), зрения (*ши*), слуха (*тин*), мышления (*сы*)¹⁵. Их развитие на уровне индивида (утончение восприятия) обеспечивало его взаимодействие с природой и межличностное

общение. Мудрец — само выражение совершенства — являл обществу достойный облик, покоряющую собеседника речь, острое зрение, тонкий слух, пронизательное мышление. Итогом нравственного совершенствования личности было накопление благой силы *дэ*, что выражалось в обретении пяти совершенных добродетелей, или пяти постоянств (*у чан*): гуманность (*жэнь*), долг-справедливость (*и*), ритуал (*ли*), доверие (*синь*), знание (*чжи*).

В контексте соотношения пятеричных систем они корреспондируются с *у син* (пятью первоэлементами). В «Шу цзине» четко определено гармоничное соотношение *у ши* с *у син* как части и целого. По поводу этого Ван Аньши писал: «*У син* — это то, что с помощью Небес повелевает десятью тысячами вещей», которые включают и человека. «А *у ши* — это то, с помощью чего человек следует пути Неба и формирует свою природу». Тем самым *у ши* «составляет основу Поднебесной», поскольку процесс совершенствования этих факторов, начавшись с личности мудреца (как высшего предела человека), кончается «десятью тысячами дел». В этой связи совершенствование человеком пяти аспектов качеств (*у ши*, или пяти аспектов служения) заканчивается в откровении Конфуция выходом его на уровень высшего «Я», когда человек становится сотворцом с Небесами.

Смысл данного пассажа своего рода откровения выражает саму суть и сердцевину учения мудреца и текста «Лунь юя» — **необходимость совершенствования человека как природного императива.**

В процессе совершенствования происходит своего рода трансформация (*хуа*) человека на основе культурного начала *вэнь*: через внешнее преобразуется внутреннее, и тем самым человек возвращается к своей изначальной природе. Недаром в современном китайском языке двусложным сочетанием *вэньхуа* названо понятие «культура».

Можно сказать, что *Конфуций стал воплощением всей китайской культуры, стержнем которой является совершенствование личности человека в целях совершенствования мира. Этот процесс повторяет собой акт творения, когда дух творит материю. Конфуций стремился возродить гармонию, утраченную еще в древности, в социум.* Та же задача, только на новом витке эволюции, стоит и перед нами.

А.В. Кириллов

Шелковое платье из Гнездово. Ранние свидетельства торговых и политических связей Руси и Китая. К постановке вопроса

Данные тезисы при всем тематическом и временном разбросе преследуют цель показать, что Китай и Россия могли быть связаны в отдаленном и сравнительно недавнем прошлом теснее, чем это зачастую представляется.

Была ли «Русь изначальная» вовлечена в Шелковый путь? Повлиял ли Китай на складывание Русского государства? Насколько глубоко в России XVIII века изучали Китай? Эти вопросы представляются достаточно дискуссионными. Тем не менее, есть материальные свидетельства, которые позволяют, по крайней мере, поднимать эти темы, более углубленное раскрытие которых требует сотрудничества ученых России, Китая и ряда других стран.

1. Обнаружение в 2010 г. в Гнездово (близ Смоленска) в могильнике X века женского шелкового платья и еще нескольких предметов одежды из шелка стало сенсацией. Судя по описям, платье было из китайского шелка, возможно также, что само платье также было китайским — покрой, судя по опубликованным снимкам, допускает такое предположение. Из этого можно заключить, что Великий шелковый путь в крупных торговых центрах «пересекался» с торговым путем «из варяг в греки». Хотя раскопанное захоронение, скорее всего, было скандинавским (?), это не исключает предварительного вывода о продвижении товаров из позднетанского Китая на территорию раннего Русского государства. Здесь требуются дополнительные исследования. Во всяком случае, взгляд на Шелковый путь как на некий четко обозначенный маршрут (один или несколько, как это обычно рисуют на картах) с Востока на Запад представляется упрощенным. Скорее можно допустить наличие более сложной системы торговых (и культурных) связей, где основные торговые артерии дополнялись перекрестьями и местными «капиллярами».

2. Бирку «на княжение», которую русские князья получали в Орде, в ряде источников называют «пайцза». Термин китайский. Были ли другие китайские слова /и/, соответственно, понятия/, которые имели хождение во время монгольского завоевания Руси? Монголы использовали в качестве советников инородцев, в том числе — китайцев, арабов, европейцев. Можно ли в этой

связи говорить о «китайском» влиянии на формирование самой идеи объединения русского государства, которое реализовало Московское княжество?

3. XVIII век. Интерес Европы к Китаю, «шинуазри». В России, как и в других европейских монархиях, это было модным увлечением. Однако помимо этого существовал интерес к китайской философии, государственности. Достаточно вспомнить целый ряд переводов китайских трактатов (в том числе и с китайского). Российское правительство также следило за «интересом» Запада, прежде всего, Англии, к Китаю (см.: *Маккартней Дж.* Путешествие во внутренность Китая и Тартарию, учиненное в 1772, 1783 гг. М., 1804–1805, особенно любопытно русское предисловие к этому труду). Очевидно, власти в России пытались разглядеть в Поднебесной признаки просвещенного абсолютизма как альтернативы европейским просветительским идеям.

Вывод, который можно сделать из этих трех этюдов, следующий: Китай на всем протяжении существования Российского государства предлагал альтернативы «западным» товарам и идеям. К сожалению, в русской/советской исторической науке преобладал взгляд на Китай как «отсталый», «косный». Однако вернее было бы сказать, что Китай предлагал «другое», что, однако, в тех или иных случаях более подходило российским реалиям, чем «западное».

Н.Ф. Клубукова (Голубинская)

**Изображения русских музыкальных инструментов в трактате «Канкай Ибун»
(«Удивительные сведения об окружающих
землю морях»)**

Трактат Оцуки Гэнтаку и Симура Хироюки «Канкай ибун» («Удивительные сведения об окружающих [землю] морях», 1807 г.) представляет собой протоколы допросов четырех японских моряков, проживших 8 лет в России и вернувшихся на родину. Моряки были членами команды корабля «Вакамия-мару», который потерпел крушение близ Алеутских островов в 1793 г. Моряки были подобраны русским промышленным судном, перевезены в Охотск, затем в Якутск, после чего по реке Лене в Иркутск, где прожили 8 лет. В 1803 г. японские моряки посетили Санкт-Петербург, где

их принял император Александр I. В это время шла подготовка российского посольства в Японию с целью установления торговых отношений; был снаряжен шлюп «Надежда» под командованием И.Ф. Крузенштерна, прибывший в Нагасаки в сентябре 1804 г.; возглавлял посольство Николай Резанов. С посольством Резанова четверо из японских моряков вернулись на родину.

В протоколах допросов моряков, помимо всех прочих сведений, встречаются описания русских музыкальных инструментов, сопровождаемые иллюстрациями (свиток 7 лист 6). В первую очередь это *косикэ* — гусельки. «*Нити натягиваются металлических. Бывают латунные и медные. Сорок струн. Крышка закрывается как крылья у бабочки. С обратной стороны крышки наклеены ноты мелодий*». На рисунке изображены гусли трапецевидной формы, заключенные в прямоугольный футляр. Известно, что трапецевидные гусли как симбиоз крыловидных и шлемовидных гусель появились в России к началу XVII в. и имели от 55 до 66 струн.

Далее в тексте встречаются: *тотика* (дототика) — дудочка. «*Составная флейта. На стыки надеваются серебряные кольца. Есть такие флейты, в которые дуют, держа их во рту. Название не запомнили*»; *кэрэфуко* (урэбуко) — скрипка или кырымпа (на языке саха, или якутском). «*Звуки извлекают, зажав ее корпус под свою левую ключицу*». Поскольку моряки долгое время прожили в Иркутске, то вполне возможны заимствования из языков сибирских народов с изобилием гласной «ы»; при транскрипции этот труднопроизносимый для японца звук заменялся на «э»; *барайка* — балалайка; на языке ханты инструмент называется пал-лайка.

Среди музыкальных инструментов упоминается также барабан и некий «музыкальный инструмент длиной всего в два саяку. Спереди у него круглое отверстие, в которое дуют, поворачивая основную часть». Судя по всему, речь идет о трубе, или *торомунэitto* (trumpet), уже знакомой японцам из повседневной жизни обитателей голландской фактории на о-ве Дэдзима. Скрипка отчасти повторяет классические очертания; флейта, судя по описанию, типичная для оркестров XVIII в. флейта с одним клапаном.

«Кроме этих, должны быть разные музыкальные инструменты, но внимания на них не останавливали. Эти инструменты используют во время танцев. В столице их видели в театре. Играют там, главным образом, на всех вместе этих музыкальных инструментах. Музыканты становятся в ряд перед возвы-

шением для танцев и после этого актеры, что поблизости, танцуют» (Свиток 7, лист 7, с. 181–182).

Описание балетного спектакля, который японцы увидели в Царском Селе, более подробно приведено в свитке 11. «При виде того, что царствующие особы изволят входить, на сцене зазвучали флейты и барабаны. Государь и входил в такт их звукам. И вот перед сценой выстроился оркестр, зазвучали кото, скрипки и другие инструменты» (Свиток 11, лист 9–10, с. 275–276). По всей вероятности, это был знаменитый Китайский театр, построенный А. Ринальди и И.В. Нееловым в 1778–1779 гг. Внутреннее убранство Китайского театра отличалось пышностью. Центральная ложа, портал сцены, плафон — все было украшено фигурами китайцев, драконами, щитами со знаками зодиака и другими элементами восточного декора. Интерьер оживляли колокольчики, бусы, подвески, выточенные из дерева, пестро раскрашенные, посеребренные и вызолоченные. Украшения лож были сделаны из раскрашенного картона с подложкой из блестящей фольги. В центральной императорской и двух боковых великокняжеских ложах находились подлинныя произведения китайского искусства: декоративные лаковые панно, фарфор, мебель. В 1779 г. художник-декоратор И. Крист расписал занавес оранжевого шелка сценками и пейзажами в «китайском вкусе». К сожалению, в настоящее время здание и интерьеры утрачены.

Трактат «Канкай ибун», таким образом, представляет собой документ, содержащий интереснейшую информацию в том числе и для исследователей русской культуры конца XVIII — начала XIX в.

А.В. Кудряшова

Новогодние украшения в японском интерьере как отражение традиционной картины мировосприятия японцев

Празднование Нового года в Японии издавна имеет свои уникальные особенности. Особенно наглядно преемственность старинных обрядов и традиций можно проследить на примере новогоднего убранства японского жилища. Большинство новогодних украшений выполняет сразу несколько функций — декоративную, сакральную, функцию оберега, а также многие из них несут на себе печать преемственности семейных традиций. Настоящее

исследование посвящено выявлению значимости этих функций в контексте самобытной японской культуры и подчеркивает их глубокую взаимосвязь с проблемами экологии культуры Востока, вопросами сохранения и поддержания древних традиций.

Среди японских новогодних украшений интерьера наиболее известны «кадомацу» — композиции из ветвей сосны, бамбука и сливы, которые выставляются с двух сторон у входа в дом. Сила и стойкость бамбука, его способность быстро расти, вечнозеленая хвоя сосен и первые цветы на ветвях сливы в конце февраля, когда на календаре еще зима, издавна являлись в Японии символическим пожеланием крепкого здоровья, благополучия, счастья и долголетия в наступающем году. Другое традиционное украшение «кагами-моти» — две рисовые лепёшки «моти», большая и малая, поставленные одна на другую и «увенчанные» мандарином «дайдай», являются сакральным символом солнца и луны, смен старого года новым. Кроме того рис — древнейший символ плодородия и богатства, а мандарин — символ преемственности поколений и пожелания долгой жизни. Еще один классический пример новогоднего убранства — «симэ-кадзари» — соломенный жгут-веревка, украшенный бумажными полосками «гохэй» и цветными узлами. Сюда также могут вплестись плоды мандарина, листья папоротника «урадзиро», волчелистника «юдзури-ха», сушеные морские водоросли.

Новогодние украшения обычно устанавливают в доме в последних числах декабря. Местом расположения новогодней композиции служит ниша «токонома», а также любое иное возвышение; часто украшают прихожую дома «гэнкан». «Токонома» считается сакральным пространством, которое должно быть украшено по особому. Обычно здесь размещают свиток и «мусуби-янаги» — праздничную композицию из завязанных узлом длинных ветвей ивы, а также ставят или подвешивают вазу с живыми цветами. Считается, что новогодние украшения не только препятствуют проникновению в дом злых и темных сил, выполняя функцию особо сильного оберега, но и являются своеобразными нематериальными ценностями той или иной семьи, благодаря которым подчеркиваются преемственность поколений и глубокие родственные связи.

Существует еще один редкий вид новогодних украшений японского жилища, который также считается традиционным, но о котором практически ничего не известно за пределами Японии. Это композиция «Хорай кадзари» — украшение в форме мифиче-

ской горы счастья Хорай-сан (кит. Пэнлай-шань). Особенность этого украшения состоит в том, что все элементы его съедобны. Согласно китайской мифологии, Пэнлай-шань — волшебный остров-гора, на котором находятся несметные богатства, растут сказочные деревья и живут бессмертные и небожители. Однако в Японии произошла своеобразная трансформация этого яркого образа китайской мифологии: из чудесного края, полного несметных богатств, гора Хорай превратилась в недостижимый волшебный «рай», сакральное место, где возможно упокоение души после смерти, где происходит обретение богатств не столько материальных, сколько духовных.

Перенесенный на японскую почву образ горы Хорай породил множество традиций и обрядов. Один из них восходит к X веку; это новогоднее праздничное украшение, составленное из съедобных элементов в виде сказочной горы. Вариантов композиции «Хорай-кадзари» существует большое множество, однако следует выделить два основных типа: подвесные и устанавливаемые на полу. Подвесной вариант считается сокращенным и представляет собой длинные, похожие на зеленую бороду водоросли или пучки сушеной морской травы, подвешенные высоко на стену и украшенные цветными шнурами, цветами и священными полосками бумаги «гохэй» в виде журавля. Устанавливаемая на полу композиция имеет очертания горы и считается наиболее классической. Поскольку все элементы съедобны, считается, что после окончания новогодних празднеств их следует употребить в пищу, и эта еда продляет жизнь тому, кто ее вкусил. В старину этот обычай предусматривал обязательное угощение дарами волшебной горы не только всех членов семьи, но и всех приходящих гостей. В композиции использовались продукты долгого хранения, что позволяет провести аналогию с новогодними угощениями «о-сэти-рёри».

Новогодние украшения представляют собой яркое и самобытное явление культуры, не подвергавшееся кардинальным изменениям на протяжении многих столетий и впитавшее в себя специфику мировосприятия японцев. В наше время это непреходящий атрибут подготовки дома к Новому году в тех семьях, где чтут древние традиции и помнят о том глубоком смысле, который вкладывается в каждый элемент новогоднего убранства.

Использованная литература

1. Главева Д.Г. Традиционная японская культура. Специфика мировосприятия. М.: Восточная литература РАН, 2003. 264 с.

2. Позднеева Л.Д. Мудрецы Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. СПб.: Петербург — XXI век, 1994. 416 с.

3. Джарылгасинова Р.Ш., Крюков М.В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Наука, 1985. 264 с.

В.П. Мазурик

Проблемы культурной коммуникации Японии с зарубежными странами

1. «Умом Японию не понять», поскольку она, как и Россия — «не игра ума, но игра природы»?

2. Стандартные претензии иностранцев к японцам в процессе делового общения и практические рекомендации участникам межкультурной коммуникации.

3. Доступна ли для перевода японская литературная классика, и в какой степени это относится к произведениям различных жанров и авторов?

4. Какие области русской и японской культур имеют точки соприкосновения?

5. Общее в религиозной картине мира Японии и России.

6. Деятельность архиепископа Николая Японского как пример успешного диалога культур.

7. Что такое межкультурная коммуникация в эпоху постмодернизма?

О.А. Машкина

Трансформация системы высшего образования КНР под воздействием традиционных и современных ценностей

Chinese Higher Education System Transformation Under Interaction of Traditional and Modern Values

Abstract:

Increasing economic demand and the traditional respect attitude to knowledge and scholars gave a fantastic drive for development of modern Chinese higher education system and creating new moral principles that can be united by the notion “spirit ecology”.

The present study attempts to analyze the transformation of higher education in China in terms of the historical background, socioeconomic needs, political priorities, evolution of traditional values under the interaction of individual-society-state interests as well as the contradiction and mutual perception of global and local trends.

The development of modern education in China is considered in the context of social expectations aimed at restoring the glory and blossom of China.

A complex of problems that prevent to achieve harmony in the relations between nature and human society in China, one of the key values, traditional values, as well as the factors leading to the growth of social injustice, discrimination, the gap between elite and mass education are also in focus of this paper.

Key words: key values, China dream, equality, justice, social elevator, innovative economy.

В.В. Ремарчук

**Католическая легенда начала XVII в.
о пребывании на Руси
двух монахов с Филиппинских островов
(культурологический аспект)**

На рубеже XVI–XVII веков католическая церковь проявляла большой интерес к русским землям. В это время русская тема проникает в литературы Италии, Испании, Франции. Свою версию событий «Смутного времени на Московской земле» Ватикан стремился распространить не только в Европе, но и далеко на Востоке. Источники вопроса (несмотря на их идеологическое сходство, ибо почти все авторы в той или иной мере являлись проводниками католической веры) оказываются самыми различными как в социальном, так и в географическом аспектах. В связи с этим, интересно вспомнить малоизвестный, граничащий с курьезом исторический эпизод о пребывании на Руси в самом начале XVII века двух католических монахов ордена Св. Августина, путешествовавших в Европу с Филиппинских островов.

Итак, изложим вкратце возможный ход интересующих нас событий в культурно-исторической обстановке на Руси в конце XVI — начале XVII веков.

Николай де Мело, из знаменитого португальского рода, после 16-летней службы в евангелической миссии в Новом Свете и на Филиппинах был направлен из Манилы в Рим с важной миссией

к Генералу ордена и к Папе. В спутники ему дали молодого японца из семьи эмигрировавшего на Филиппины католика, которому сам де Мело доводился крестным отцом.

23 дня занял переход по Ирану. Прибыв в Исфаган, августинцы присоединились к посольству от персидского шаха, которое через московские земли направлялось к Папе и в некоторые европейские государства.

Подойдя к Каспийскому морю, после десятидневных сборов погрузились на корабль. Погода не благоприятствовала путешественникам: только через два месяца, чудом уцелев от шквалистых ветров и лишившись большей части ценного груза, подошли к мелководью вблизи побережья, принадлежащего Московскому царству.

Еще два месяца плыли в стругах вверх по огромной реке от Астрахани до Казани. Когда на воде поднималась буря, гребцы выгружали на берег лошадей, и те тащили суда канатами. Остановка в Казани была продолжительной. «Впервые в жизни увидел японец Николай такое количество церквей. По случаю христианского праздника колокола не давали возможности заснуть, а радушные жители так обильно потчевали заморских гостей, что кушанья приходилось выбрасывать за окно».

Но самый большой сюрприз ждал путешественников, когда, простившись с гостеприимной Казанью, посольство двинулось дальше в путь: надвигалась зима, через шесть дней Волга стала, пришлось разгружать суда и переносить все добро в повозках, напоминающих видом паланкины, установленные на гладкие брусья. Всего посольству понадобилось около пятисот таких карет и каждую бойко тащила одна впряженная мохнатая лошадка, погоняемая возницей.

На пути к Москве — Владимир (его название переводчики перетолковали на испанский манер *Valla de amor* — Долина любви), а вот уже и русская столица торжественно встречает шахское посольство. В этот день указом были запрещены всякие работы, и жители, нарядившись наилучшим образом, повалили навстречу приближающейся процессии. Глазам брата Николая и отца де Мело предстал главный дворец и белокаменные палаты, обнесенные мощными стенами Кремля.

В Москве де Мело и его спутник остановились в доме у врача — католика, некоего Паоло, миланца. Вскоре они оказались жертвами интриги со стороны находившихся в составе шахского посольства английских протестантов, по наущению которых го-

сударю Борису Годунову пришлось задержать обоих августинцев и «разыскав их как следует», сослать их «в край дольний и отлеглый» — на Соловки, где они и провели в строгом заточении шесть лет.

А когда не стало ни грозного государя, ни его наследника, пришла в монастырь грамота от нового царя, назвавшегося сыном Иоанна IV Димитрием, в которой он вызывает пред свои ясные очи «Гишпанской земли чернца Николая с человеком его». Исторические документы свидетельствуют, что Лжедмитрий I намеревался воспользоваться соловецкими августинцами для налаживания дружественных связей с испанским королем. Но когда на сцене испанского театра играли новую пьесу Лопе де Веги «Великий герцог Московии Деметриус» главного героя уже не было в живых. А посему, когда предстали перед новым царем, Василием Ивановичем Шуйским, два соловецких узника — латинянина, вызванные на Москву растрогой Гришкой Отрепьевым, то рассудил государь «отправить их в Борисоглебский монастырь для от отца Иринарха увещевания, понеже отпустить их в Европу никакой возможности не было по причине великой на Руси смуты и от врагов угрозы, к тому же те узники зело были о Соловецкой крепости известны. А крепость та имела тысячу стрельцов, содержалась вместе со многими острогами на монастырский счет и для северных русских земель была надежа и оплот»...

март 2015

P.S. В дальнейшем мы предполагаем сообщить новые сведения о пребывании двух августинцев с Филиппинских островов на Московской земле.

Н.Г. Румак

Особенности японского каламбура

В любом языке каламбур основан, в первую очередь, на явлении омонимии, неважно, призвано ли одно слово вызывать в памяти другое (яп. *сярэ* — собственно каламбур — или его подвид *какэкотоба*), изображено ли слово с помощью ребуса (яп. *хандзимоно* — ребус) или угадано через вербальное объяснение (яп. *надзо* — загадка). Однако в японской культуре на звучание омонимичных единиц накладывается визуальная составляющая, т.е. ассоциации могут быть вызваны не только сходным звучанием

слов, но и посредством записи — с помощью, в первую очередь, иероглифического письма.

Возможно, одним из первых подобных ребусов-каламбуров была фонетическая запись поэтического сборника «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», 8 в.), так называемая *манъёгана* («азбука Манъёсю»), в частности, такие способы записи, как *сякуон* и *сяккун*. В *манъёгане* китайские иероглифы для записи японских слов употреблялись в качестве слоговой азбуки, т.е. каждый знак передавал одну или несколько мор: при этом в первом случае (*сякуон*) они читались «по-китайски» (звучали, как адаптированные к японской фонетике китайские слоги), а во втором (*сяккун*) — по-японски (в качестве чтения китайского знака употреблялось звучание японского слова, имеющего то же значение, что и данный китайский иероглиф).

Впрочем, уже в эту эпоху появляются и настоящие каламбуры — *фудзакэми* (букв. «шутливое чтение, например, запись слова «кукушка» с помощью иероглифов «восемь», «десять» и «один», т.е. числа 81 (81 — это 9 (*ку*) умноженное на 9 (*ку*); *ку-ку* — это звуки, которые издаёт птица). Однако нас больше интересует тот факт, что сами иероглифы могли использоваться в качестве зрительных образов. Кадзуаки Судо в своей книге «Японская письменность» (стр. 23) приводит следующий пример: слова *содэ фуру* (махать рукавом) записаны тремя иероглифами, из которых первый имеет значение «рукав» и читается по-японски, а второй и третий использованы в качестве фонетических знаков с чтениями *фу* и *ру* и со значениями «ткань» и «течь» соответственно; таким образом, дополнительно создаётся образ развевающейся ткани, словно «текущей» по ветру.

Еще один пример «графической игры слов» из антологии «Манъёсю» находим у Е. В. Маевского («Графическая стилистика японского языка», стр. 137). В стихотворении *Ёки хито но ёси то ёку митэ ёси то ииси ёсино ёку митэ ёки хито ёку ми* («Добрые люди, добро взглянув, сказали: доброе поле! Добро взгляни же и ты: доброму — добро глядеть», пер. Е. В. Маевского) для записи слова «добрый» (*ёси* и его грамматические формы), которое встречается в этом коротком тексте восемь раз, использовано шесть разных способов: пять семантических (знаки со значениями «добрый», «хороший», «благоприятный», «изящный», «благонный») и один фонетический.

Возможно, в приведённом выше примере на первый план выходит эстетическая составляющая — не столько игра со смысла-

ми, сколько стремление к созданию «графического каламбура» как такового. Однако здесь можно вспомнить и такую категорию, как омофоно-синонимы, которые рассматривает, например, Т.И. Корчагина («Омонимия в современном японском языке», с. 26): это словоформы, имеющие одинаковое звучание, очень близкие значения, но разное написание (см. пример Маевского). Разное написание слов со сходным значением позволяет актуализировать тот семантический компонент многозначного слова, который не всегда понятен из контекста (ср. слово *миру* — «видеть, смотреть, наблюдать, осматривать» и т.п., которое в каждом из своих значений может быть записано отдельным иероглифическим знаком).

Той же цели могут служить фонетические подсказки *фуригана*, играя роль стилистических синонимов или добавляя оттенки смысла в тех случаях, когда фонетическая запись не соответствует использованным в тексте иероглифам (например, запись *масин* от англ. *machine* для иероглифов слова *кикай* — машина, механизм; или фонетическая запись *фурусато* «родина» для иероглифов слова *тикю*: — «земной шар») — так называемая *имигана* («запись по значению») в отличие от записи *ёмигана* («запись звучания»). Подобные примеры графической игры слов можно найти и в записи иероглифами: например, в названии книги Ясутака Цуцуи «*Синригаку сякайгаку*» («Психология и социология») слог *ри* записан иероглифом со значением «барсук» (оборотень в японском фольклоре), а слог *кай* — иероглифом «странное, удивительное» (Маевский, с. 138) — как говорится, «непереводимая игра слов».

Е.В. Маевский в своей работе утверждает, что японскую культуру можно отнести к «письменным» и приводит такое высказывание Мориока Кэндзи: «В состав языкового знака наряду с акустическим образом необходимо включить зрительный (письменный) образ» («*Модзи кэйтэйсо рон*», цит. по Маевский, с. 79). Очевидно, именно этот подход проявляется в специфике японских каламбуров. Визуализация знака помогает снять омонимию, но она же может служить и для создания дополнительных ассоциаций, обеспечивающих игру слов — в том числе графическую.

Список литературы

1. Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка. М., 2000.
2. Судо К. Японская письменность от истоков до наших дней. М., 2006.
3. Корчагина Т.И. Омонимия в современном японском языке. М., 2005.

А.Р. Садокова

Принципы и формы сохранения культурной среды («экология культуры») в Японии (на примере г. Кавагоэ префектуры Сайтама)

Одной из примечательных особенностей современной японской культуры, той особенностью, которая сохраняется несмотря на влияние массовой культуры и разных модных тенденций, по праву может считаться серьезное отношение и интерес японцев к сохранению общенациональной и локальной культурной среды, к местному краеведению. Как известно, сегодня Япония административно разделена на 47 префектур, каждая из которых представляет собой самостоятельный историко-культурный район. На протяжении истории внутреннее деление Японии менялось, и границы нынешних префектур не всегда совпадают с границами прежних феодальных княжеств или исторических земель. Однако японцы относятся к своей префектуре как к совершенно самостоятельному в краеведческом плане региону и старательно собирают все то, что было связано с этой землей на протяжении ее многовековой истории.

Особый интерес в этой связи японцы проявляют к фольклорно-литературному прошлому своего края, тщательно отыскивая и отмечая памятными знаками места, которые связаны с жизнью и творчеством известных литераторов, а также места, которые стали «местом действия» известных произведений фольклора и художественной литературы. Примечательно, что фольклорно-литературное «путешествие по родному краю» можно совершить во всех префектурах страны, «перечитывая» заново страницы знакомых произведений. Кроме того, во всех префектурах есть и местные литературные музеи, а нередко также и фольклорно-этнографические.

Особое значение придается в разных районах Японии и сохранению традиционных праздников, в том числе и древних праздников урожая. Примером такого бережного отношения к своим культурным истокам может служить осенний праздник урожая в г. Кавагоэ преф. Сайтама.

Кавагоэ — это особый историко-фольклорный район Японии. Сегодня в Японии найдется довольно много городков, которые называют себя «Маленький Киото», считая, что по стилю и духу они остались сродни древней столице IX–XI веков, но только

один город в Японии получил право именовать себя «Маленький Эдо». Причем получил это право не сегодня, а еще в эпоху Эдо (1603–1868), что свидетельствует о том, что сами эдосцы были согласны видеть в Кавагоэ подобие своего города.

Праздник в Кавагоэ — это настоящее событие, красочное зрелище, посмотреть на которое японцы съезжаются со всего района Канто, из всех близлежащих префектур, а участвуют в нем, кажется, почти все население города.

Это праздник благодарения синтоистским богам за дарованный урожай, праздник, сохранивший, как и сам город, верность традиции и историческим истокам. Именно поэтому на этом уже теперь современном, но воссозданном по старинным документам празднике, присутствуют все атрибуты традиционного народного синтоистского действа и принимают участие фольклорные персонажи, имеющие в Японии историю не в одну сотню лет. Нам посчастливилось наблюдать праздник Кавагоэ-мацури и почувствовать, как бережно и с какой любовью относятся в Кавагоэ к сохранившейся именно в их городе древней традиции.

Важную роль в этом празднике играют празднично-фольклорные персонажи: комический персонаж старинных храмовых и деревенских представлений *кагура*, известный как *хёттоко*, красавица — *О-камэ* — танцовщица, выступающая в этой маске — с круглым, набеленным лицом — всегда вносит в представление элемент романтики. Есть также *тэнко* (букв. «Небесная лисица»). Он появляется в лисьей маске, с взлохмаченными белыми волосами. И, наконец, четвертый герой — *сисигасира* (букв. «голова льва»). Каждый из этих персонажей с давних пор считается благожелательным символом и от встречи с ним на празднике урожая ждут простых человеческих радостей — здоровья, счастья, верности и достатка в доме.

И.И. Семененко

К проблеме изучения китайской герменевтики

I. Герменевтика как новая область синологических исследований. Ее становление с 80-х годов XX в. на Западе и в Восточной Азии (создание специальных исследовательских центров, проведение конференций, издание сборников статей и монографий). Отставание отечественной синологии в этой области.

II. Основная, выявленная к настоящему времени проблематика синологической герменевтики.

1. Одна из исходных проблем — применение стадияльно-типологического метода в этой новой области изучения.

1) Определение предмета и начальной исторической границы китайской герменевтики — теории истолкования (используемые в настоящее время переводы этого термина на кит. яз.: *цюаньшисюэ*, *цзешисюэ*, *чаньшисюэ*) Традиционный китайский термин *цзинсюэ* («учение о канонах», «каноноведение»), возникший во II в. до н.э., обозначает экзегезу конфуцианских канонов, а не ее теорию, т.е. он, конечно, не может заменить герменевтику как теорию истолкования, подразумевающую в качестве своего предмета, кроме канонов, также и всю остальную литературу (и даже не только литературу).

2) Возможность ее сопоставления по различным историческим эпохам с западной герменевтикой. Сакральный и секулярный сегменты и этапы развития китайской экзегетики.

3) Доминирование «комментаторского способа мышления» как родового признака традиционной китайской культуры, объединяющего ее со многими другими цивилизациями Древности и Средневековья.

4) Сходство китайской герменевтики с западной по восприятию канона как священного писания и по комментаторским стратегиям.

- восстановление изначального намерения автора как главная цель комментирования;
- зависимость толкования, текстологической критики от установленных герменевтических принципов и предположения экзегета;
- два основных способа интерпретации текста: метафорический (*син* «наведение») и буквально-исторический, восходящие к *Мэнцзы*;
- редуccionистский подход к полисемии канонического текста
- диалогическая сущность комментирования;
- характерная для китайского толкования диалектика преемственности и нововведения; его имплицитная полемичность;

5) Особенности китайской герменевтической традиции. Ее синкретичность (слияние с философией, литературой и др. сферами духовной деятельности), открытость (незамкнутость), текучесть и плюралистичность.

2. Выявление трех основных аспектов или типов традиционной герменевтики Китая: воспитательно-идеологического, этико-политического и апологетического.

3. Государственное регулирование герменевтики в Китае. Закрепление священного статуса толкователя местом его таблички в храме Конфуция и использованием его комментариев в программе государственных экзаменов.

4. Размежевание китайской экзегетики на ортодоксальную и еретическую линии развития. Выяснение «грамматики» их определения. Сакральный характер ортодоксальных комментариев.

5. Разработка большого разнообразия жанров в традиционной китайской герменевтике и их теоретическое изучение как изменяющейся по историческим эпохам жанровой системы.

Список литературы

1. Henderson J.B. The construction of orthodoxy and heresy: Neo-Confucian, Islamic, Jewish and early Christian patterns. Albany: State University of New York Press, 1998.
2. Classics and Interpretations: The Hermeneutic Traditions in Chinese Culture / Ed. by Ching-I Tu. Transaction Publishers, New Brunswick, New Jersey, 2000.
3. Interpretation and Intellectual Change: Chinese Hermeneutics in Historical Perspective / Ed. by Ching-I Tu. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2005.

М.Ю. Ульянов

О понятии «культурная среда» и особенностях создания письменных произведений в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.)

1. «Культурная среда» — характерная для определенной эпохи устойчивая совокупность социально-значимых институтов, объединенных общими идеями и ценностями. Разнообразные «культурные среды» формируют общее «культурное пространство». Именно в «культурной среде» возникали условия для порождения, воспроизводства, сохранения и передачи важнейших достижений культуры. Выделим *храмовую*, *дворцовую* и *общинную* среды. Рассматривая их с точки зрения порождения письменных произведений, будем учитывать место локализации среды и социальный охват ее представителей, а также жанровое разнообразие произведений и социальное положение их создателей. Письменные произведения создавались в *храмовой* и *дворцовой*, а устные — еще

и в *общинной* культурных средах. Число записываемых произведений было значительно меньше передававшихся изустно; в течение периода увеличивался объем записываемого, росло число произведений и расширялось их жанровое разнообразие.

2. *Храмовая* и *дворцовая* культурные среды были связаны с центральной властью и располагались в столице царства на территории дворцового комплекса. Он включал сооружения, в которых проводились придворные церемонии, размещались канцелярские и хозяйственные службы, покои членов царской семьи и персонала. Культовые сооружения включали храм почитания духа родоначальника династии, иные храмы и отдельные алтари. *Общинная* среда — часть культурного пространства царства за пределами дворцового комплекса и столичного центра, которая включала все слои простонародья, а также влиятельные кланы и часть локальной титулованной знати.

3. *Храмовая среда*. Консервативна, самодостаточна и закрыта. Число представителей невелико. Располагаясь на территории дворцового комплекса, не была автономна по отношению к дворцу. Здесь возникали «литургические» произведения: поэтические *ши* 詩 («гимны» и др.), которые создавались и бытовали в устной форме; прозаические «писания» *шу* 書 (*сюнь* 訓 «наставления» и др.), имевшие вид речей, из которых записывались произносившиеся от лица *вана* Чжоу (начинаются со слов *ван жо юэ* 王若曰 «ван так сказал»). Репрезентация этих произведений предполагала устное восприятие, они декламировались во время храмовых и дворцовых церемоний, сопровождалась исполнением музыки, порой — танцев.

4. *Дворцовая среда*. Сочетала внешний консерватизм и скрытое стремление к развитию. Число представителей сравнительно велико. Произведения порождались в ее различных сегментах. При дворе: устные — «оды» (*сун* 頌), исполнявшиеся во время торжественных церемоний; песни (исторические, героические, застольные и др.), исполнявшиеся во время придворных мероприятий; письменные — записываемые «речи» правителей и сановников; генеалогии знатных родов, создавались сочинения о прошлом, о военном искусстве, о нормах проведения придворных и религиозных церемоний и др. В дворцовой канцелярии велась документация. Видимо, в придворной школе записывались некоторые литургические произведения. В женской половине — бытовали устные поэтические и песенные произведения.

5. Общинная среда. Разнообразна, исключительно консервативна. Число представителей очень велико. В ней создавались устные произведения фольклорного характера.

6. Понятие «субсреда». В культурном пространстве царства «дворец», располагаясь между «храмом» и «общиной», занимал срединное положение. Эти среды отчасти накладывались друг на друга и на их пересечении возникали две субсреды: *храмово-дворцовая* и *дворцово-общинная*. Как и *дворцовая* среда, они были наиболее продуктивны для записи устных и создания письменных произведений. В *храмово-дворцовой* субсреде велись генеалогии членов правящего рода, создавались произведения, связанные с мантикой и мифографией. Во *дворцово-общинной* субсреде письменную фиксацию записывались устные произведения народного творчества (песенки *тунъяо* 童謠 и др.).

7. Потребность в записи возникала, прежде всего, при *переносе произведений в иную культурную среду или в субсреду*. При этом их содержание, структура и лексика видоизменялись. Но приобретая характеристики времени записи, они сохраняли основные черты времени создания. Например, при дворе осуществлялась запись литургических (храмовых) текстов, в ходе которой они получали форму литературных произведений. И именно в таком виде в конце периода Чуньцю из *дворцовой* среды они попадали в новую культурную среду — *философскую школу*.

8. Передача памяти о прошлом. В *храмовой* среде в устной форме сохранялась память о предках правителей царства как об объектах религиозного поклонения, а также «священная история», включавшая представления о связи чжоуского народа с их первопредком Хоу-цзи (Царем-просо); всех этнических *хуася* — с их перво-божеством Хуан-ди (Желтым императором) и его потомками. В иноэтнических царствах она основывалась на происхождении династий от региональных божеств (Шуня, Великого Юя и др.). Во *дворцовой* среде представления о прошлом также формировались на основе «священной истории», но поскольку важнейшим условием успешного участия в политической борьбе, эффективного управления, ведения войн и т.п. было знание «реальной истории», то возникала необходимость в специализированных сочинениях официального историописания. В *храмово-дворцовой* субсреде составлялись «анналы» текущих правлений, которые вели историографы *даши*, остававшиеся представителями храмовой среды, но выполнявшие ряд задач и при дворе.

В некоторых царствах в дворцовой среде на основе переработки «анналов» возникали и «хроники» минувших правлений.

Лян Чжэ

аспирант Российского университета дружбы народов и Шаньдунского университета (КНР)

Ислам и минский император Чжу Юаньчжан (1368–1398) по материалам восхваления из ста иероглифов «В честь посвящённого Мудрейшего»

Ислам появился в Китае в середине седьмого века вместе с прибытием мусульманских купцов и арабских учёных из стран Юго-Западной и Средней Азии, прежде всего Персии, через морской и сухопутный Великие шёлковые пути. Во время династий Тан (618–907) и Сун (960–1279), мусульмане в Китае — это преимущественно чужеземцы, имевшие незначительное влияние в китайском обществе. Начиная со времени правления монгольской династии Юань (1271–1368), в Китай переселилось большое число мусульман из покоренных монголами стран. Они вступали в браки с местными жителями, сохраняя свою религию, в результате чего сложилась новая народность — хуэйцзу. Хуэйцы, занимая второе место в общественной иерархии после монголов, стали расселяться по всему Китаю и их число быстро росло.

В конце правления Юани, когда наступил период военной смуты, положение хуэйцев ухудшилось, а ислам утратил свое прежнее влияние. В борьбе против монгольского господства Чжу Юаньчжан извлёк урок юаньских правителей, проводивших политику беспощадного угнетения народов, проявляя большую терпимость к различным социальным и этническим группам. Именно поэтому, предложенный им лозунг «изгнать северных варваров, восстановить Китай», встретил всеобщее одобрение. Благодаря широкой поддержке и помощи разных народностей, в особенности ханьцев и хуэйцев, Чжу Юаньчжан низвергнул монгольское правление.

После вступления на престол Чжу Юаньчжан, проводя мягкую политику в отношении ислама, благоволил мусульманам и их духовенству, которые в свою очередь немало способствовали упрочению Минского дома (1368–1644). Чжу Юаньчжан — пер-

вый минский император, собственноручно написал сто иероглифов, прославляющих пророка Мухаммада. Называется этот текст Восхвалением из ста иероглифов «В честь посвящённого Мудрейшего». Оно было скопировано во многих мечетях Китая и служит примером, отражающим отношение императора к исламу. В тексте дана высокая оценка Мухаммаду, отмечается большое значение ислама и его канонов, показана общность законов ислама и конфуцианства, и в целом определена тенденция дальнейшего развития ислама в Китае.

Читаем: **Восхваление из ста иероглифов «В честь посвящённого Мудрейшего»**

Когда небо и земля только что сформировались, его имя уже было запечатлено на небе.

Он, являющийся великим мудрецом по проповедованию ислама, родился в западных землях [от Китая].

Он был передан тридцатитомный «Коран» [Аллахом] и вывел людей из мрака к свету по писанию данного канона.

Он — государь и учитель миллионов людей, вождь множества совершенно-мудрых.

При его содействии, небо и земля реализовали нормальное упорядоченное движение, [тем самым он] защищал и покровительствовал стране и народ.

Он совершал ежедневную пятикратную молитву Аллаху, молча молясь о великом спокойствии.

Он истинно верует в Аллаха, наставляет всех прекрасной добродетели.

Он спас народ от невзгод и несчастий, он может проникать в неведомую высочайшую истину.

Он очищает дух человека, избавляет его от греха.

Его гуманность и человеколюбие охватывают Поднебесную, его учение является наилучшим с древности и до настоящего времени.

Он преодолел зла, ведет людей стать на единственно правильный путь.

Основанная им религия носит название Чистоты Истины.

Это и есть Мухаммад, почетнейший совершенно-мудрейший. (Перевод наш. — Л. Ч.)

Попытаемся проанализировать данный текст.

Во-первых, как видим, автор имеет хорошее представление об исламе, что проявляется в следующих аспектах.

1) О Мухаммаде. Автор был знаком с биографией Мухаммада («Он <...> родился в западных землях [от Китая]»), с процессом получения им «Корана» («Он был передан тридцатитомный «Коран» [Аллахом]»), а также понимание того, что именно им создан ислам («Основанная им религия <...>»).

Автор был осведомлен о священной миссии Мухаммада, который родился в смутное («Он спас народ от невзгод и несчастий», «Он <...> защищал и покровительствовал страну и народ», «Он <...> молча молясь о великом спокойствии»), но спасение — это не только и не сколько спасение тела, это спасение души («Он очищает дух человека, избавляет его от греха»). Только таким образом Мухаммад может вывести «людей из мрака к свету по писанию данного Канона».

2) О Коране. Как показался текст, его автор знает, что Коран состоит из 30 томов. В тексте есть также ссылка на содержание Корана — эта священная книга направила пророков на спасение народа, а Мухаммад — «вождь множества совершенно-мудрых».

3) О религиозном ритуале ислама. Автор текста знал время молитвы ислама («Он совершал ежедневную пятикратную молитву Аллаху»). Пять обязательных молитв составят ежедневный молитвенный цикл: утренняя двухракаатная молитва, полуденная четырёхракаатная молитва, предвечерняя четырёхракаатная молитва, вечерняя трёхракаатная молитва и ночная четырёхракаатная молитва.

Во-вторых, автор придает большое значение роли ислама в обеспечении социальной стабильности.

В последние годы династии Юань, Поднебесная империя переживала период смуты, бедствовал не только простой народ, но и императорская семья. Известно, что родители и старший брат Чжу Юаньчжана умерли от болезней и голода, а Чжу Юаньчжан не имел денег на то, чтобы купить им гробы и место на кладбище. Для выжить, ему пришлось стать буддийским монахом, жил подаяниями, как нищий. Пережив невообразимые трудности, Чжу Юаньчжан вступил на императорский престол, и занявшись преобразованием общества, он дал народу возможность жить в мире и спокойствии.

Как правитель, переживший военную смуту, Чжу Юаньчжан больше всего заботился о стабильности своей политической

власти, чтобы трагедия конца династии Юань не повторилась. Император понимает, что мусульманин *«истинно верует в Аллаха»*, ислам *«очищает дух человека, избавляет его от греха»*. Чжу Юаньчжан прославляет Мухаммада именно как гаранта сохранения социальной стабильности: Он — *«Государь и Учитель миллионов людей, вождь множества совершенно-мудрых»*, *«Его гуманность и человеколюбие охватывают Поднебесную, его учение является наилучшим с древности и до настоящего времени. Он преодолел зла, ведет людей стать на единственно правильный путь»*, и тем самым реализуется *«великое спокойствие»*.

Император активно поддерживает ислам, который действительно сыграл важную роль в сохранении социальной стабильности в Китае того времени. Собственно говоря, в этом заключалась политическая цель написания Восхваления из ста иероглифов *«В честь посвящённого Мудрейшего»* Чжу Юаньчжаном.

В-третьих, в тексте воплотился политический идеал и национальная политика императора Чжу Юаньчжана.

То, что Чжу Юаньчжан прославил Мухаммада, свидетельствует о том, что он одобрил его поступки и идеал. В качестве правителя, Чжу Юаньчжан в свою очередь применил эти поступки и идеал в своих политических мероприятиях. Мухаммад *«спас народ от невзгод и несчастий»*, в правление Чжу Юаньчжана также прекратились общественные беспорядки, происходившие в последние годы Юани, т.е. он тоже *«спас народ от невзгод и несчастий»*; Мухаммад *«наставляет всех прекрасной добродетели»*, относительно Чжу Юаньчжана также можно сказать, что он продвигал политику по обеспечению равенства разных наций, не дискриминировал малочисленные народы таких монголы, хуэйцы и др., т.е. он так же *«наставляет всех прекрасной добродетели»*.

В-четвертых, ислам под кистью Чжу Юаньчжана олицетворял тенденцию китаизации, которая главным образом проявляется в трех аспектах.

1) В восхвалении Мухаммада Чжу Юаньчжаном подчеркивается гуманность и человеколюбие: *«Его гуманность и человеколюбие охватывают Поднебесную»*. Гуманность и человеколюбие — основное содержание конфуцианства. Конфуций придавал им большое значение. В каноне *«Лунь юй»* (*«Суждения и беседы»*), фиксирующем высказывания и поступки Конфуция, термин *«гуманность и человеколюбие»* употребляется 109 раз, являясь важнейшей концепцией в книге. По объяснению Конфуция,

в данную концепцию вошли два аспекта: *«тот, кто сам желая возвыситься, возвышает и других»*; *«не делай другому того, чего не желаешь себе»*. Конфуций рассматривал *«гуманность и человеколюбие»* как принцип решения межличностных отношений и высочайшей нормы морали. Благодаря поощрению Конфуция, *«гуманность и человеколюбие»* стали центральным положением и специальным термином конфуцианства. Чжу Юаньчжан не просто похвалил *«гуманность и человеколюбие»* у Мухаммада, на самом деле, он оценил его через китайские нормы высокой морали, сделав действительно довольно высокое признание Мухаммада с точки зрения китайской культуры.

2) В тексте написано, что *«При его содействии, небо и земля реализовали нормальное упорядоченное движение»*. Это типично китайская мысль *«взаимодействие Неба и человека»*, т.е. человек и высшие природные и провиденциальные силы могут взаимодействовать друг на друга. По мнению китайских древних, если император господствует мудро и талантливо, управление стабильно, народ живет дружно и весело, то Небо ниспошлет хорошие приметы на землю в выражение поощрения, к примеру, появление редких птиц и зверей, мягкость ветра и благоприятность дождей, народ будет здоров, пребывать в благополучии и жить в долголетии и т.д.; а если император нарушил волю Неба, поступал без гуманности и справедливости, то Небо будет посылать аномальные стихийные бедствия и странные несчастия, дабы выразить порицание и предостережение, в это время Небо и Земля не могут нормально действовать, всё находится в полном смятении.

Данная идея уже существовала в Китае более двух тысяч лет назад. По преданию, она уже присутствовала в летописи *«Чунь-цю»* (*«Весна и осень»*), приписываемой Конфуцию. Великий ученый Дун Чжуншу (ок. 179—104 гг. до н.э.) является одним из известнейших выразителей данной идеи. По его мнению, хороший или плохой климат зависит от поступков правителей. Императоры разных династий искренне верили в это представление, которое оказало глубокое влияние на древний Китай и мировоззрение древних китайцев.

Чжу Юаньчжан в своем тексте написал, что при содействии Мухаммада *«небо и земля реализовали нормальное упорядоченное движение»*. Фактически он пишет о том, что сам является хорошим правителем, его добрые дела оказали хорошее влияние на Небо и Землю.

3) Дословный перевод слова «ислам» на китайский язык — «Чистота-Истина». Но нельзя забывать, что первоначально «Чистота-Истина» — это даосский термин, который часто применялся в качестве наименования храма. До сих пор, во многих местах Китая еще существуют даосские храмы называемые Чистотой-Истиной. Можно предположить, что именно император Чжу Юаньчжан был первым, кто так перевел слово «ислам» на китайский язык, используя, на свой взгляд, наиболее точные понятия из близкой к себе даосской религиозной традиции. Начиная с династии Мин, термин «Чистота-Истина» как обозначение ислама стал повсеместно использоваться китайскими мусульманами.

Литература

1. Дун Чжуншун 董仲舒. Обильная роса летописи Чуньцю 春秋繁露. Пекин, 1975.
2. Коран. Перевод смыслов и комментарии. М., 2004.
3. Чжан Тинъюй и др. 张廷玉等. История династии Мин. Пекин, 1974.
4. Ян Боцзюнь 杨伯峻. Перевод с примечаниями «Лунь Юй» 论语译注. Пекин, 1980.

Научное издание

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Востоковедение

Тезисы докладов научной конференции

Москва, апреля 2015 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 23.03.2015. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Офсетная печать.

Гарнитура Ньютон. Усл. печ. л. 18,0.

Уч.-изд. л. 14,93.

Тираж 200 экз. Изд. № 10 453. Заказ №

Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Тел.: (495) 629-50-91. Факс: (495) 697-66-71.

Тел.: (495) 939-33-23 (отдел реализации).

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:

www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>

Адрес отдела реализации:

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).

E-mail: izd-mgu@yandex.ru. Тел.: (495) 939-34-93

Отпечатано в типографии МГУ.

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15